

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель — Южно-Уральский
государственный университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой экономики и управления

доктор экономических наук, профессор
Ирина Викторовна Лаврентьева
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильных
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
Александра Александровна Бобрик
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Дата выхода номера: 31.10.2018 г.

Формат 70×108 1/16

Усл. п. л. 12,25. Тираж 500 экз.

Заказ № 405/474.

Издание подготовлено к печати и отпечатано
в Издательском центре ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

16+

СОЦИУМ**Гарас Людмила Николаевна**

«Человек информационный»
как антропологическая основа
для политического манипулирования?..... 7

**Руденкин Дмитрий Васильевич,
Юферева Анастасия Сергеевна**

Социальные медиа
как предметное поле
социологических исследований:
основные направления анализа
и концептуальные сложности..... 18

**Гнатышина Елена Александровна,
Уварина Наталья Викторовна,
Гордеева Дарья Сергеевна,
Евлова Екатерина Викторовна**

К вопросу о корпоративной
идентичности преподавателя
высшей школы: современные реалии28

ВЛАСТЬ**Сонина Екатерина Олеговна**

Проблема концептуализации подходов
к реформированию системы
государственного управления
на современном этапе.....38

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Философия

- С. В. Борисов* — доктор философских наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Е. В. Грунт* — доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Ю. Г. Ершов* — доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Виктория Лезьер* — доктор философских наук, профессор
(г. Форкалькейре, Франция)
- В. Г. Ледеев* — доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А. Н. Медушевский* — доктор философских наук,
профессор
(г. Москва, Россия)
- А. В. Павлов* — доктор философских наук, профессор
(г. Тюмень, Россия)
- В. Д. Попов* — доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- Г. Л. Тульчинский* — доктор философских наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)
- А. С. Чупров* — доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С. Г. Зырянов* — доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А. В. Павроз* — доктор политических наук
(г. Санкт-Петербург, Россия)
- А. В. Понеделков* — доктор политических наук,
профессор
(г. Ростов-на-Дону, Россия)
- О. Ф. Русакова* — доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Грегори Саймонс* — доктор философии, профессор
(г. Упсала, Швеция)
- А. Ю. Сунгуров* — доктор политических наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Н. Б. Костина* — доктор социологических наук,
профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Сабина Лисица* — доктор, профессор
(г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В. Г. Графский* — доктор юридических наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А. В. Ковбан* — кандидат юридических наук, доцент
(г. Одесса, Украина)
- С. В. Кодан* — доктор юридических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- А. Б. Сергеев* — доктор юридических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Экономика и управление

- О. В. Артемова* — доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Л. М. Байтенова* — доктор экономических наук
(г. Алматы, Казахстан)
- Л. М. Муталиева* — кандидат экономических наук
(г. Астана, Казахстан)
- И. В. Лаврентьева* — доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Т. Ю. Савченко* — кандидат экономических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С. С. Загребин* — доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А. Н. Лукин* — кандидат культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

История

- С. В. Нечаева* — кандидат исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- С. С. Смирнов* — доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Д. В. Тимофеев* — доктор исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Фурсов Кирилл Константинович

Дискурс вражды масс-медиа:
процесс формирования
и структура теории 46

ЭКОНОМИКА
И УПРАВЛЕНИЕ

**Иванов Олег Петрович,
Шибанова Елена Климентьевна,
Аверьянова Дарья Валерьевна**
Регулирование государственной
молодежной политики
на основе системы сбалансированных
показателей 57

**Качанова Елена Анатольевна,
Коротина Наталья Юрьевна**
Методические аспекты оценки
российской модели бюджетного
федерализма с позиции
асимметричности экономических
критериев 71

**Максимова Татьяна Викторовна,
Дубынина Анна Валерьевна,
Хлестова Ксения Сергеевна**
Оценка коэффициентов,
учитываемых при определении
арендной платы за земельные участки
в г. Челябинске 82

КУЛЬТУРА

Мальцев Ярослав Владимирович
Четыре процедуры субъективации
Я-субъекта 91

**Дыдров Артур Александрович,
Невелева Вера Сергеевна**
«Конец света» и «конец мира»:
философская интерпретация
постапокалиптической фантастики 100

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал «Социум и власть»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, истории, культурологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям:

09.00.11 — Социальная философия.

09.00.13 — Философская антропология, философия культуры.

23.00.01 — Теория и философия политики, история и методология политической науки.

23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии.

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством.

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 140.

Адрес редакции, издателя:

454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26

Телефон редакции:

(351) 771-42-30

E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Адрес в Интернете

<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

опубликованных материалов.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

**Подписной индекс 38909
в Объединенном каталоге
«Пресса России. Том 1. Газеты и журналы»**

Цукерман Владимир Самойлович, Павлова Александра Юрьевна

Художественная культура

и культурная политика:

региональный срез 109

ИСТОРИЯ

Палецких Надежда Петровна

Семейно-бытовые аспекты

тыловой повседневности:

на материалах Урала периода

Великой Отечественной войны..... 121

Белоконев Сергей Юрьевич,

Хоконов Анзор Альбертович

Политические условия

и институциональные основания

распространения денежных

суррогатов в 1917—1922 гг. в России..... 130

Founded by
 The Russian Presidential Academy of National Economy
 and Public Administration

Published by
 Chelyabinsk branch
 of the Russian Presidential Academy
 of National Economy and Public Administration
 Copublisher — South Ural State University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprov
 (Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Doctor of Economic Sciences, Professor
I.V. Lavrentyeva
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
 (Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylyinykh
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebin
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
 (Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Executive editor

Candidate of Philosophy Sciences
A.A. Bobrik
 (Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration
 PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
 Issued by Russian Surveillance Service
 for Mass Media and Communications.
 Passed for printing on 31.10.2018 r.
 Format 70×108 1/16
 Reference sheet area 12,25. Issues — 500.
 Order № 405/474.
 Designed and printed at
 454080, Chelyabinsk, Lenina prospect, 76.

SOCIUM

Lyudmila N. Garas
 “A man informational”
 as an anthropological basis
 for political manipulation?.....7

Dmitry V. Rudenkin,
Anastasiya S. Yufereva
 Social media as an object field
 of social research:
 principal directions of analysis
 and conceptual complexity 18

Elena A. Gnatyshina,
Natalya V. Uvarina,
Darya S. Gordeeva,
Ekaterina V. Evplova
 Revisiting the corporate identity
 of a university teacher:
 the reality of modern times28

POWER

Ekaterina O. Sonina
 Problem of conceptualizing
 approaches to reforming the system
 of public administration
 in modern times38

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- S.V. Borisov* — Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)
E.V. Grunt — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Yu.G. Ershov — Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)
Victorya Lezyer — Ph.D., professor
(Folkarkeyre, France)
V.G. Ledyayev — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.N. Medushevsky — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Pavlov — Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
V.D. Popov — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
G.L. Tulchinskii — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)
A.S. Chuprov — Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyrianov* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. Pavroz — Ph.D.
(St. Peterburg, Russia)
A.V. Ponedelkov — Ph.D., Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
O.F. Rusakova — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Gregory Simons — Ph.D., professor
(Upsala, Sweden)
A.Yu. Sungurov — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)

Sociology

- N.B. Kostina* — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Sabina Lisitza — Ph.D., professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. Grafskiy* — LLD, Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Kovban — Cand. Sc. (Legal Studies),
(Odessa, Ukraine)
S.V. Kodan — LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.B. Sergeev — LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Bajtenova — Dr. Sc.
(Almaty, Kazakhstan)
L.M. Mutaliev — Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
I.V. Lavrentyeva — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. Savchenko — Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. Zagrebin* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.N. Lukin — Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. Nechaeva* — Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
S.S. Smirnov — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
D.V. Timofeev — Ph.D., Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Kirill K. Fursov

Discourse of mass media hostility:
process of formation
and theory structure46

**ECONOMICS
AND MANAGEMENT**

**Oleg P. Ivanov,
Elena K. Shibanova,
Darya V. Averyanova**

Regulating state youth policy
on the basis of the balanced scorecard57

**Elena A. Kachanova,
Natalya Yu. Korotina**

Methodological aspects of assessin
the Russian model
of budget federalism
from the viewpoint
of asymmetric economic criteria71

**Tatyana V. Maksimova,
Anna V. Dubynina,
Kseniya S. Khlestova**

Assessing the coefficient
considered at determining
rental charges for land plots
in Chelyabinsk82

CULTURE

Yaroslav V. Maltsev

Four procedures of subjectifying
I-subject91

**Artur A. Dydrov,
Vera S. Neveleva**

“End times” and “End of the World”:
philosophical interpretation
of post-apocalyptic fiction100

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 140.

Send your articles to the editor's office at:

454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price

**Subscription index
in Russia
38909**

**Vladimir S. Zukerman,
Aleksandra Yu. Pavlova**

Artistic culture and cultural policy:
regional review 109

HISTORY

Nadezhda P. Paletskikh

Family and household aspects
of everyday life in the rear areas:
as exemplified by Ural
during the Great Patriotic War..... 121

**Sergey Yu. Belokonev,
Anzor A. Khokonov**

Political conditions and institutional
foundation for distribution
of surrogate currencies
during 1917—1922 in Russia..... 130

Для цитирования: Гарас Л. Н.
«Человек информационный»
как антропологическая основа
для политического манипулирования? //
Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 7—17.

УДК 32.019.5+1:3

«ЧЕЛОВЕК ИНФОРМАЦИОННЫЙ» КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ?

Гарас Людмила Николаевна,
Севастопольский государственный университет,
Институт общественных наук
и международных отношений,
доцент кафедры политологии
и международных отношений,
кандидат философских наук, доцент.
Российская Федерация, 299053,
г. Севастополь, ул. Университетская, 33.
E-mail: garas_In@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется специфика развития информационного общества и эффект внедрения цифровых технологий в социоантропологическом и политическом преломлении. Акцентируется внимание на появлении «человека информационного», бытийствующего в раздвоенном мире реального и виртуального. Подчеркивается, что жизнь личности в условиях «расщепленной» реальности не только открывает новые горизонты для развития личностного потенциала и активизации участия граждан в политической

жизни, но и представляет угрозу потери собственного «Я», открывает возможности манипулирования и деконструкции субъектности. Раскрывается специфика «встраивания» человека в новые условия существования. Подчеркивается, что в условиях постмодернизма наиболее соответствующим манере изложения выступает «клиповое мышление», которое характеризуется фрагментарностью, превалированием чувственного восприятия, нарушением каузальности и множеством контекстов.

В статье обсуждаются метаморфозы современной демократии на примере современного итальянского государства, в частности, раскрывается механизм постепенного «присвоения» государства легитимно избранным политиком. Особо акцентируется внимание на специфике высоких технологий, которые не просто изменили мир политического, а сформировали средства, позволяющие отслеживать действия отдельного человека, формировать его «портрет» на основе поведения в сети Интернет, а следовательно, вырабатывать адресные стратегии и конструировать его поведение. Утверждается, что в целях превенции информационного тоталитаризма необходимо стремиться к развитию когнитивных способностей и медиаграмотности личности.

Ключевые понятия:

«человек информационный»,
свобода,
«клиповое мышление»,
микротаргетирование,
информационный тоталитаризм.

Оформление информационного общества и использование цифровых технологий привели к трансформации традиционных общественных феноменов, ценностных и поведенческих паттернов, не только обусловив появление нового направления пространственного морфогенеза общественной жизни (виртуального), но и изменив представления о роли отдельной личности и социальных общностей в современном политическом процессе.

Сегодня задается принципиально иной ориентир социально-политического развития, связанный с комплексной реконfigurацией способов организации деятельности личности в различных сферах общественной жизни. Сложившаяся ситуация затрагивает и систему политического управления: открываются новые горизонты активизации участия граждан в политической жизни, связанные с возможностью развития гражданского общества и видоизменением основ взаимоотношений общества и власти. Ключевым моментом становится вовлеченность части общества в процесс выработки и принятия политических решений, влияние на формирование публичной повестки дня и осуществление перспективы получения гражданами возможности управления государством посредством укрепления партиципативных («участнических») отношений в целом.

Целью данного исследования является анализ антропосоциального и политического эффектов внедрения инновационных технологических разработок. Выявление вероятности существования риска превращения личности (субъекта) в простой набор технологий. Анализ влияния в политическом контексте: формат отношений «государство — граждане»; мера свободы личности в информационном обществе.

Анализом специфики трансформации личности в условиях процессов современной коммуникации отражена в трудах Р. Барта, Д. Белла, Ж. Бодрийера, М. Кастельса, М. Маклюэна, Э. Тоффлера, Л. Фестингера и других. Результаты исследования проблемы «человека информационного» отражаются в концепциях М. Г. Абрамова, Е. Л. Вартановой, О. П. Знаменцевой, Д. Н. Ильченко, Л. М. Курбановой, Г. Л. Смоляна, С. К. Шайхитдиновой и другие. Влияния Интернета на мыслительный процесс человека анализируется в работах Н. Карра и др.

Различные аспекты феномена «клипового мышления» представлены в работах С. В. Докука, Т. В. Семеновских, Т. А. Удовицкой, Г. К. Фрумкина и др. Вопросы манипу-

лирования сознанием рассматриваются в трудах С. В. Володенкова, Н. О. Королева, Е. А. Колесникова, А. А. Мачиной, О. М. Цветкова, А. В. Шиповой и др.

Современный научно-технический прогресс и распространение информационных технологий как проецируется на развитии всех областей жизнедеятельности общества и государства (возникновение сетевых сообществ, цифровая экономика, создание электронного правительства и т. п.), так и приводит к изменению антропологического характера, прямо или косвенно обуславливает особенности современного человека, влияет на выбор его идентичности и определяет логику его поведения, в том числе и в политической проекции.

Новые реалии бытия человека в контексте взаимодействия системы «человек — техника» приводят к появлению «человека информационного», который, фактически «формируясь и функционируя в мегайнформационном пространстве» [23], подвергается трансформации в логике организации информационно-коммуникационной среды. Жизнь в двойственном мире: реальном и виртуальном — делает человека уже неотъемлемой частицей цифрового пространства в глобальном масштабе интернет-коммуникации. Бытие в проекции бинарности начинает коррелировать, в том числе с процессом медиатизации мышления, выражающегося в глобальной трансформации картины мира личности, ее гносеологических способностей и ценностных императивов «посредством специфических медийных когнитивов...» [24]. Постепенно микрокосм «человека информационного» модифицируется в инфомикрокосм [10, с. 18], который не только охватывает его мысли, чувства и переживания, но и предполагает их обязательное провозглашение в информационном пространстве. Данный факт указывает на смену среды обитания современного человека (некую вторичность среды социальной), свидетельствует об усилении зависимости от инфосферы и потенциальной возможности постепенного «растворения» человека в ней. Следует подчеркнуть постепенность и относительную малозаметность данного процесса для нашего сознания, что делает трудно предсказуемым осознание последствий превращения «человека общественного» в «человека информационного» [1, с. 127].

Бытие личности в условиях «расщепленной» реальности не только представляется крайне притягательной и заманчивой перспективой, предполагающей развитие лич-

ности и ее творческого потенциала, но и создает риски, порождая сложную психологическую ситуацию (когнитивный диссонанс [28]), представляя угрозу потери собственного «я», открывая возможности деконструкции субъектности.

Экспоненциальный рост информации и постоянное нахождение человека в «информационном шуме» провоцируют трудности восприятия мира и себя как целостности. Человеку, который подчиняется содержанию, продуцируемому средствами массовой информации и «потребляемому в процессах массовой/социальной коммуникации» [5], все более проблематично связывать воедино противоречивую информацию о происходящих процессах, объяснить связи между объектами, дать эмоциональную оценку событий и т. п. Конечно, когда приходит «конец знакомого мира» [4], который долгие годы воспринимался неотъемлемой частью, «фоном нашей жизни» [26, с. 3], «когда уходит в прошлое привычный смысл бытия и мир «становится» враждебным и непостижимым», человечество впадает в «футуришок», то есть неведомое ранее психологическое состояние, характеризующееся утратой чувства реальности и умения ориентироваться в жизни [26, с. 4], тогда начинают особо обостряться адаптационные возможности личности. Следует отметить, что «информационный человек» в условиях формирующейся техногенной реальности оказался перед вызовами, на которые ему зачастую затруднительно дать ответ.

Массовые коммуникации и жизнь в виртуальном пространстве не только позволяют человеку играть множество ролей, раскрывая свою идентичность в разнообразных социальных контекстах, но и все время обостряют ситуацию выбора: у человека не может быть «другого выбора, кроме постоянного выбора» [9, с. 103]. Безграничность виртуального бытия затрудняет самоопределение личности, обуславливает выбор стратегий ее поведения и моделей принятия решений, сказывается на способности к рефлексии и на возможности целеполагающей деятельности в целом. По мнению американского социального психолога Леона Фестингера, существует определенная степень внутренней согласованности [28] между тем, что человек знает и во что он верит, с одной стороны, и тем, какие он предпринимает действия, — с другой. В противном случае — несоответствие между когнициями индивида может спровоцировать психологический дискомфорт, побуждающий человека к действиям по минимизации, а в идеале — по устране-

нию сложившихся противоречий. То есть Фестингер акцентирует внимание на том, что изменению может быть подвержен любой психологический элемент субъекта, а его развитие и личностный рост позволят распространять свое влияние на других. В противном случае человек может выступить не только и не столько актором социально-политических отношений, сколько стать жертвой и даже орудием чужого влияния.

Учитывая, что информация сегодня выступает важнейшим функциональным и содержательным аспектом коммуникационных процессов, то полноправными посредниками между социально-политической действительностью и когнитивными установками как отдельных личностей, так и общностей можно считать средства массовой коммуникации. Следует подчеркнуть, что одними из первых, кто обратил внимание на технологическую детерминацию развития общественной жизни, стали представители Торонтской школы коммуникативистики. Ключевым лейтмотивом данной школы стал тезис Маршалла Маклюэна: «Средство коммуникации есть сообщение» [20, с. 16], однако речь идет не столько о смысловой компоненте самого сообщения, а в большей степени о средстве (форме), осуществляющем его передачу, то есть об эффектах существования медиума. Развитие технологий (особенно скорость электричества) обусловили процесс имплозии социальной и политической жизни, то есть вызвали к жизни «взрыв», направленный внутрь человеческой сущности. В результате данного процесса человек становится началом любой технологии, а технология — выступает продолжением его тела, расширением органов чувств и сознания, которые отнюдь не нейтральны. Они формируют мир, в котором мы живем: именно способы передачи информации (тип коммуникации, а не сам контент) обуславливают трансформацию типа восприятия, логику развития социальной и политической среды, а также определяют способ ее структурирования и конструирования реальности.

Дигитализация и интенсификация информационных процессов существенно меняет восприятие человека, специфику освоения им информации и всю его познавательную деятельность, что в конечном счете обуславливает трансформацию представлений о реальности. Хотя ключевые эффекты техники и не сводятся только к непосредственным чувственным воздействиям, тем не менее они затрагивают наше восприятие мира [27, с. 31]. По сути,

происходит «мегатехнологический сдвиг» [2], формирующий «новое психосоциальное пространство человеческого бытия». Конечно, однозначный вывод об эффектах современных средств коммуникации дать весьма затруднительно, однако однозначно можно заявить, что микс разнообразных изображений, звуков, текстов, данных и способов связи в одном средстве приобретает практически беспрецедентную мощь влияния, не существовавшую ранее в истории человечества. Так, новые медиа способны сделать человеческое восприятие и познание более сложными, но нельзя исключать и другой вариант: они могут «облегчить» и упростить их до примитивного [31, р. 216]. То есть информационно-коммуникационные технологии, принадлежащие уже не только миру техники, сегодня уже не представляется возможным элиминировать из общего мировоззренческого и социополитического контекста. В данной ситуации напрашивается вопрос о том, «что собой представляет современный человек», а точнее — «кем (чем) он может стать». Актуализируются вопросы «встраивания» человека в новые условия существования, когда медиа и компьютеры могут считаться расширением или даже заменой восприятия человека, общения и познания [31, р. 217].

Электронный тип культуры и информационное общество не только подразумевают технологизацию и гибридизацию способа познания, но и обуславливают продуцирование существенной опасности для человека, а именно стать придатком средств коммуникации. Сегодня человек все чаще перепоручает технологиям привычные действия и даже передает часть своих когнитивных функций гаджетам (фиксация, селекция, фильтрация информации и прочее), которые подключаются у участию в когнитивных процессах, сдвигают границы личности. В терминологии Маршалла Маклюэна происходит процесс «самоампутации», то есть внешнее расширение органов человека обуславливает отчуждение последних, которые перестают ему принадлежать. Такие «продолжения» человека способны создавать ситуацию, когда выполнение конкретных функций способно вызвать затруднения и/или даже невозможность осуществления без использования конкретной технологии. Человек такую ситуацию не всегда способен осознать, так как электронные средства коммуникации практически завершили процесс «самоампутации» человеческого сознания. В условиях техногенной цивилизации появляется угроза для человека: не осознавая

того, он может стать зависимым существом, действующим в логике средств коммуникации.

Иллюзия доступности любой информации в любой момент времени в некоторой степени «расслабляет» человека, минимизируя необходимость запоминания и осмысления информации, обуславливает новый вектор во взаимодействии с информационным пространством — клиповое мышление. Следует отметить, что «клиповый» способ подачи информации, а именно дробление ее на «кочки», присуще в первую очередь традиционным СМИ (газетам) и является достижением не XX в., а появилось намного раньше. Однако распространение цифровых технологий приводит к интенсификации данного процесса: происходит снижение роли линейного, понятийного мышления, характерного для «людей книги» [12] и замена его мышлением нелинейным. Данный процесс обусловлен снижением возможности восприятия однородной, одностильной информации и постепенным «уходом» от печатного текста. В свою очередь поиск новых способов подачи материала влечет за собой иную манеру экранного изложения, такую как «клиповый монтаж», который посредством усиления чувственного восприятия направлен на завладение и удержание внимания потребителя в огромном потоке коммуникации. Данный процесс обуславливает рост численности «людей экрана» [12], характеризующихся наличием фрагментарного восприятия мира посредством короткого, яркого посыла, предполагающего слабую связь множества отдельных отрывков (коллаж). Все это, с одной стороны, отражает специфику информационного общества, а в условиях многозадачности, диалогичности и переизбытка информации позволяет человеку выполнять одновременно несколько действий, особо не задумываясь над содержанием калейдоскопа быстро устаревающих данных. С другой — чрезмерное пресыщение информацией не только затрудняет концентрацию внимания, адекватность восприятия и переработку данных, а и формирует способность к выборочному восприятию отдельных фрагментов из различных коммуникационных каналов.

Мозаичная подача информации опирается на ритм подачи вербальных или визуальных сообщений и представляет собой набор практически разрозненных фактов, имеющих скорее временную близость, трансформирующую каузальность и пытающуюся «внушить» человеку: вся информация, полученная «после этого, значит

вследствие этого». Тем не менее у человека появляется иллюзия формирования исчерпывающего представления о событиях, происходящих в мире, хотя «клиповость» позволяет удерживать информацию лишь на мгновение и сразу предполагает «переключение».

Следует подчеркнуть, что влияние современных средств коммуникации осуществляется не на уровне понятий и мнений, а в результате реконфигурации сенсорных пропорций и схематизма построения восприятия. Так, в терминологии французского антрополога Люсьена Леви-Брюля современное мышление можно назвать дологичным (пралогическим) [18, с. 140] вследствие нечувствительности к опытному знанию и обладанием некой мистичностью. Однако не следует воспринимать этот факт в координатах регрессивного возврата к архаико-мифологическому «дословному» мышлению. «Привычка мыслить чувственными пятнами» [19] не предполагает выстраивания цепочки причинно-следственных связей с опорой на «устойчивые предшествующие моменты». Пралогическое мышление не только противостоит абстрактному и подчинено закону партиципации (сопричастности), но, оперируя образами, оно способно нивелировать противоречия, отводя основную роль ассоциациям. Леви-Брюль акцентирует внимание не просто на сосуществовании пралогического и логического типов мышления (в общественном и в индивидуальном сознании), а на способности современного человека в определенных условиях «переключаться» (например, толчком к пралогическому мышлению может послужить короткий по времени эмоциональный ряд, наполненный чувственными образами). То есть происходит постепенная смена рационального субъекта декартовского типа на децентрированного персонажа (субъекта), зависящего от репрезентативных структур [25, с. 19].

«Информационный человек», получая неограниченное количество информации из самых разнообразных источников, становится в некоторой степени заложником экрана, более того, он сам становится экраном, «на который проецируются любые внешние влияния» [13, с. 210]. То есть современный субъект действия, согласно представлениям французского философа-постмодерниста Жана Бодрийяра, помещен в рамки «гигантского процесса симуляции», наполняющего коммуникацию неким «фантомным содержанием», поглощающим объективную реальность. «Здесь играют в то, будто говорят друг с другом, слушают

друг друга, общаются, здесь разыгрываются самые тонкие механизмы постановки коммуникации» [3, с. 282]. Сталкиваясь с проблемой симуляционного пространства, продуцируемого новейшими технологиями, современный человек становится все более зависимым от медиа.

В контексте существования симулятивных прескрипций утрачивается аксиологическая основа человеческого существования, а интертекстуальность и гипертекстовое сознание человека позволяет перевести истины и ценности в плоскость словесного манипулирования. Личность все больше начинает подчиняться сиоминутным веяниям и эмоциям, а, по мнению Герберта Маркузе, «контроль над информацией, поглощение индивида повседневностью приводит к упадку сознания, дозированной и ограничению знания» [21, с. 94] и потере рациональности.

В эпоху постсовременности «нет больше ни сущности и явления, ни реального и его концепта», то есть, не обладая содержательным ядром, симулякр представляет собой пустую форму, которая может получить презентацию в любых бесконечно новых конфигурациях, в так называемом процессе тиражирования «копии копий». В условиях постоянного конструирования действительности человеку все труднее становится разграничивать медийные реальности и подлинную реальность. Так, в условиях постмодерна начинают жить отдельной жизнью такие коммуникативные образования как фактоиды (псевдодостоверное утверждение, выполняющее роль факта), позволяющие нивелировать грань между вымыслом и событиями мира реального.

Если факт как явление действительности, некая единица реальности, доступная наблюдателю и существующая независимо от сознания человека, выступает единицей знания, в совокупности образуя эпистемическую сферу картины мира, то фактоид, имитируя факты, делает достаточно труднительной верификацию сообщений в черед медиамифификации. Так, согласно теории перспектив обладателя Нобелевской премии по экономике Дэниэля Канемана, люди преимущественно полагаются на суждения, которое быстро приходят на ум и кажутся правдоподобными, однако зачастую склонны игнорировать факты, заставляющие мозг прилагать большие усилия [14]. Поэтому надежным способом заставить людей поверить неправде является частое повторение, так как нелегким процессом является различение истины и ощущение просто

чего-то очень знакомого. То есть мир кибер-симулякров [8] все больше заменяет реальный мир, а особенностью познавательной деятельности современного человека становятся стереотипизация, унификация, резкое снижение порога критичности. Индивид начинает «активно участвовать» в событийной части, сталкиваясь с неафишируемой подоплекой политики, он постепенно «вплетается» в политическую жизнь [22, с. 99], но при этом достаточно поверхностно воспринимаемая суть происходящего.

Нарушение привычных способов ориентации человека в современной действительности, выработка особого типа мироощущения и новых познавательных моделей, потребление готовых образов, подсознательно воспринимаемых человеком в качестве истинных и не требующих доказательств, показывают, что «познание сегодня требует минимальных мыслительных и экзистенциальных усилий». «Современный человек в своем массовом варианте <...> ориентирован преимущественно на усвоение уже готового знания — конкретной информации и образов, выработанных для него неким обобщенным, компетентным субъектом» [30, с. 72]. То есть прямой опыт человека, опирающийся на знания, навыки (например, умственные, социальные и коммуникативные), ценности, чувства и абстракции, постепенно заменяется опосредованным и технически поддерживаемым. Конечно, опыт такого характера преимущественно помогает человеку преодолеть ряд ограничений: пространства, времени и отсутствия информации, в то же время информация, получаемая таким образом, может стать своеобразной пропедевтикой в программировании восприятия и конструировании реальности.

Современные инфокоммуникационные технологии способны оказывать тончайшее социальное воздействие в условиях упрощения формально-логических процессов, когда из понятий, обладавших ранее собственным значением, выхолщивается содержание. Дальнейшая операционализация таких понятий позволяет эффективно включать их в заранее заданные структуры и системы, контексты. Все это не только создает угрозу превращения личности в заложника цифровых технологий, открывает широкие возможности для манипуляции сознанием, но и оказывает влияние на развитие общественных процессов и политической системы.

В современных условиях наиболее востребованной формой политического устройства общества остается демократия, предполагающая гражданам не только из-

бирать управляющих, но и контролировать власть. Однако коммуникационное изобилие, трансформируя привычные очертания социальной и политической жизни, все же не предполагает непрямого развития демократии. Все достаточно неоднозначно: по мнению австралийского исследователя проблем демократизации современности Джона Кина, происходит усиление и противоположных тенденций, в частности получают распространение декадентские процессы в области медиа, поощряющие общественное молчание и концентрацию неограниченной власти [16].

Метаморфозы современной демократии на примере Италии анализирует итальянский политический философ, теоретик республиканизма, профессор Принстонского университета (США) Маурицио Вироли. Который как один из крупнейших в мире специалистов по Никколо Макиавелли в книге «Свобода слуг» [6] описывает механизм постепенного «присвоения» государства легитимно избранным политиком (в данном случае мишенью автора выступает миллиардер, политик и медиамагнат Сильвио Берлускони). М. Вироли показывает возможности людей уровня Берлускони, которые, опираясь на разнообразные ресурсы и применяя современные технологии, делают государство «своим», видоизменяя деятельность свободных политических институтов и нарушая традиции демократии. Взамен выстраивают систему координат с «железной логикой личных связей» и доминантой сервильных отношений, центрирующихся вокруг персоны «государя» (со временем термин стал достаточно широко трактоваться в политической науке и подразумевает любого политика и государственного деятеля [11]), обладающего огромной властью. Берлускони как основатель одной из крупнейших «медиаимперий» не просто обладает существенными финансовыми средствами и имеет доступ к управлению системой массовой коммуникации — он получает беспрецедентные возможности в реализации своих интересов, устанавливая «повестку дня» и умело манипулируя общественными настроениями [17] миллионов итальянцев.

Сложившаяся придворная система требует постоянной игры, в которой самопрезентация и исполнение ролей, вдохновляя других, делает политическую коммуникацию в конечном счете бесконечным театром, финансирующимся на маркетинговых технологиях. Маурицио Вироли считает, что власть политика такого ранга не является ни деспотической, ни авторитарной, однако он под-

черкивает ее ключевую особенность. Речь идет о ситуации, когда «четвертая власть», концентрируясь в руках премьер-министра демократического государства, становится мультипликатором политической власти. Последняя по силе и масштабам постепенно начинает выходить за пределы власти, которой когда-либо наделялась персона в условиях демократии. Поэтому сам факт подчинения такого рода власти порождает у человека и всего народа состояние несвободы. Конечно, формально свободу никто не отменяет: за народом сохраняются его базовые права, но свобода становится принципиально иной. Так, по мнению М. Вироли, свобода граждан (свобода благодаря или в силу законов) постепенно трансформируется в свободу слуг (свободой от законов).

Персонификация политики, ориентация на лидера и служение ему не только порождают у подчиняющегося рабский менталитет, но и приводят к трансформации личности, ее аксиологической составляющей. Со временем человек (придворный) вынужден «облекаться в чувства своего хозяина» и жить его умом. Создается иллюзия свободы, которая характеризуется хрупкостью и непостоянством, коррелирует с настоящим или желанием господина. В данном контексте граждане Италии, ориентируясь на свою элиту, лишаются моральных качеств свободного народа, а именно уважения к Конституции и Республике, готовности соблюдать законы и исполнять гражданский долг [6]. В политическом поведении жителей Италии все чаще начинает превалировать иррациональная компонента: вплоть до готовности поддержать ограничения на свободу, интерпретируя такие действия как возможность по улучшению уровня жизни граждан и сохранению стабильности. Однако, акцентируя внимание на контрасте свободы слуг и свободы граждан, М. Вироли приходит к мысли, что настоящая свобода предполагает подчинение всех, независимо от доступа к власти и лидеру, законам (законы должны быть сильнее людей).

Высокие технологии не просто изменили мир, а сформировали в том числе и большой арсенал средств, позволяющих отслеживать поведение отдельного человека, формировать своеобразный «портрет» пользователя на основе поискового портфолио, превращая человека в «послушного» потребителя экономического и политического рынка. Использование цифровых Big Data позволяет осуществить персонализацию контента для каждого пользователя, выработать стратегии, коррелирующие с конкретной личност-

ной спецификой, прогнозировать поведение. По мнению российского политолога Сергея Владимировича Володенкова, речь идет о зарождении такого феномена, как точечный политический микротаргетинг нового типа, базирующийся на психометрических моделях [7, с. 411], что позволяет адресно транслировать необходимый политический контент в сознание целевых аудиторий. То есть конкретному человеку отправляются индивидуальные месседжи, а сама личность помещается в своеобразный инфовакуум, продуцирующий фильтрами поисковых систем и рекламных механизмов. Такое существование интернета «конкретного «я»» постепенно начинает управлять жизнью человека, оказывая влияние на его представления о реальности и картину мира в целом.

В результате этого появляется угроза политической деперсонификации человека, манипулирования его сознанием и навязыванием определенных форм поведения. Так, согласно терминологии теории «патерналистского либерализма» профессора поведенческой науки и экономики в школе бизнеса Университета Чикаго Ричарда Талера и профессора Гарвардской юридической школы Касса Санстейна, человек все время совершает выбор, используя одну из когнитивных систем, то есть делает это либо автоматически, инстинктивно и особенно не задумываясь, либо рационально (аналитически). Следует особо отметить, что аналитическую систему мышления легко прервать, так как данный процесс требует значительных когнитивных ресурсов и затрат, и если их недостаточно, то она может корректировать «привязку». Учитывая, что люди преимущественно поступают иррационально, человека часто можно «развернуть» в нужную сторону и сделать его выбор автоматическим. То есть, немного изменив социальный контекст, человека можно «подтолкнуть» к принятию лучшего (разумного) решения посредством построения соответствующей «архитектуры выбора» [15, с. 31]. И таким «подталкиванием», по сути, может стать любой фактор, изменяющий поведение. То есть речь идет о необходимости помогать как отдельной личности, так и населению в целом принимать «правильные» решения. Однако стоит отметить, что широкомасштабное использование данной технологии в государственном управлении способно продуцировать и негативные эффекты. Так, создается угроза лишения населения права выбора посредством стимулирования осуществления «выбора» без выбора в рамках заранее намеченных

трендов. Данная ситуация мало соотносится с традициями демократии, а более похожа на манипулирование волей людей и инструмент политического давления.

Конечно, современные технологии власти становятся все более невидимыми, базирующимися преимущественно на эмоциях и аффекте, что не только изменяет основы управления, но и «заставляет» управленческие практики обращаться к политическому использованию «власти над живым как биологическим видом» [29] и оформлению механизма всеобъемлющего контроля. Речь идет о вероятности существования угрозы оформления информационного тоталитаризма и формирования пластичного человека — «человека для политики».

Таким образом, рост информации и развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) не только сказались непосредственно на мотивации и поведении личности, ее интенциях и когнитивных способностях, но и обусловили апелляцию к вопросу: что есть современный человек, спровоцировав актуализацию интереса к проблематике человека (начатой антропологическим поворотом в XX в.).

Сегодня, когда только намечаются контуры и проявляется некоторая специфика внедрения информационно-коммуникационных технологий, можно утверждать о существовании «человека информационного», находящегося в реальном и виртуальном мирах.

Многоформенность виртуального бытия не является однозначно положительной для психики человека для его мышления. Хотя это не только продуцирует возможности для саморазвития и самореализации человека, но и создает угрозы потери целостности личности и ее субъектности, влияет на модели поведения человека и определение целей. В то же время включение человека в глобальную систему информации, особенно сеть Интернет, способны обусловить дереализацию реальности, трансформацию форм социализации, расщепление личности и т. д.

Происходит изменение мышления, которое начинает подстраиваться и адаптироваться к новой реальности, что приводит к формированию клипового мышления. Особенно такой стиль мышления характерен для молодежи («детей цифровой эпохи» — поколения «Z»). Человек начинает мыслить дискретными, образами и обрывочными конструкциями. Единство субъекта вытесняется фрагментарностью и множеством контекстов, затрудняя систематизацию полученной информации и восприятие целостной картины.

Современные ИКТ, базируясь на распространении образов и звуков, оказывают влияние на человека, минуя стадию рефлексии, рационально практически не контролируются и опираются на биологические основы жизни человека. Данная специфика подрывает базовые основы демократии, посягая на свободу личности, способствует манипулированию сознанием, навязыванием определенных стереотипов и форм политического участия, сочетающих эклектизм новых моделей и реанимирующих традиционные элементы.

В условиях информационного общества происходит ориентация на особенности личностного восприятия информации, вследствие чего характер коммуникации становится персонализированным, что позволяет свести к минимуму когнитивный диссонанс. Современный человек попадает в псевдооткрытое информационное пространство, а точнее — в инфовакуум, и «вырваться» из него смогут только пользователи, обладающие достаточным уровнем медиаграмотности.

Таким образом, развитие новых средств коммуникации является неоднозначным процессом, открывая огромный мир перспектив для человека (созидание, креативность, творчество, цифровая демократия и т. п.), в то же время продуцирует опасность зависимости от медиа (потеря субъектности, пассивность, фрагментарность восприятия, информационный тоталитаризм и т. п.). Мир стал другим, а современные антропосоциальные и политические процессы нельзя оценивать только в бинарных категориях: «позитивно» или «негативно». Речь сегодня идет отнюдь не о необходимости возврата к печатной культуре и не о борьбе с новым стилем мышления. Они уже стали данностью и еще одним этапом в развитии человечества. Ключевой задачей сегодня выступает необходимость осознания личностью данной антропологической специфики и развития медиаграмотности в целях превенции и минимизации политического манипулирования.

1. Абрамов М. Г. Человек и компьютер: от Homo faber к Homo informaticus // Человек. 2000. № 4. С. 127—134.

2. Аршинов В. И. Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности / отв. ред. В. И. Аршинов, Е. Н. Князева. М. : Прогресс-Традиция, 2011. 500 с.

3. Бодрийяр Ж. Соблазн / пер. с фр. А. Гарражи. М. : Ad Marginem, 2000. 319 с.

4. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI века. М. : Логос, 2004. 368 с.

5. Вартанова Е. Л. СМИ и журналистика в пространстве постиндустриального общества // Медиаскоп. 2009. Вып. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/352> (дата обращения: 08.08.2018).
6. Вироли М. Свобода слуг : пер. с итал. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. 144 с.
7. Володенков С. В. Total Data как феномен формирования политической постреляльности // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2017. № 3 (15). С. 409—415.
8. Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М. : Изд-во Москов. ун-та, 2015. 272 с.
9. Гидденс Э. Модерн и самоидентичность / реф. Е. В. Якимовой // Современная теоретическая социология : реф. сб. / под ред. Ю. А. Кимелева. М. : ИНИОН РАН, 1995. С. 95—113.
10. Голубинская А. В. Релевантность сознания и виртуально-информационной среды как фактор социальной стратификации : дис. ... канд. философ. наук. Н. Новгород, 2018. 168 с.
11. Дергачев А. Ю., Вильховская Н. И. Творческое наследие Н. Макиавелли как источник современного политического дискурса // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorcheskoe-nasledie-n-makiavelli-kak-istochnik-sovremenogo-politicheskogo-diskursa> (дата обращения: 08.09.2018).
12. Джеймс Мартин: тенденции, которые мы наблюдаем, могут угрожать человеческому разуму // Коммерсант — Review (Московский экономический форум), прил. 2008. № 17 (3834). 5 февр. С. 27. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/849133> (дата обращения: 15.08.2018).
13. Дьяков А. В. Жан Бодрийяр: Стратегии «радикального мышления». СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 357 с.
14. Канеман Д. Думай медленно... Решай быстро. М. : АСТ : Neoclassic, 2017. 656 с.
15. Капелюшников Р. И. Поведенческая экономика и новый патернализм. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики. 2013. 76 с.
16. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. Д. Кралечкина ; под науч. ред. А. Смирнова. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. 312 с.
17. Ковалева А. Ю. Феномен Сильвио Берлускони в контексте особенностей политики и средств массовой информации Италии // Вестник МГИМО. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-silvio-berluskoni-v-kontekste-osobennostey-politiki-i-sredstv-massovoy-informatsii-italii> (дата обращения: 08.07.2018).
18. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М. : Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
19. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф: труды по языкознанию. М. : Изд-во Москов. ун-та, 1982. 480 с.
20. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. 4-е изд. М. : Кучково поле, 2014. 464 с.
21. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества М. : АСТ, 2003. 526 с.
22. Миронов А. В. Социальное участие и нравственный конфликт в политической этике // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Философия. 2016. № 2. С. 97—104.
23. Павлова Е. Д. Скрытое воздействие средств массовой информации на массовое сознание как социально-философская проблема : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2004. URL: <http://cheloveknauka.com/skrytoe-vozdeystvie-sredstv-massovoy-informatsii-na-massovoe-soznanie-kak-sotsialno-filosofskaya-problema#ixzz3kCONFWWX> (дата обращения: 16.07.2018).
24. Рогозина И. В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект : дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2003. URL: <http://www.dslib.net/jazyko-znanie/informa-kartina-mira-kognitivno-semioticheskij-aspekt.html> (дата обращения: 12.08.2018).
25. Ткаченко Р. В. Антропологические аспекты философии постмодернизма // Парадигмы истории и общественного развития. 2017. № 5. С. 16—21.
26. Тоффлер Э. Шок будущего : пер. с англ. М. : АСТ, 2002. 557с.
27. Тэйлор П. Распознавание образов и быстроизменяющийся капитализм: что говорит литература теоретикам потока // Хора. 2008. № 1. С. 28—49.
28. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб. : Ювента, 1999. 317 с.
29. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы /М. Фуко ; пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 416 с.
30. Храпов С. А. Техногенный человек: проблемы социокультурной онтологизации // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 66—75.
31. Dijk Jan A.G.M., van. The Network Society: Social Aspects of New Media. 2nd ed. 304 p. URL: <http://www.forschungsnetzwerk.at/>

downloadpub/The_Network_Society-Jan_van_Dijk.pdf (дата обращения: 12.06.2018).

References

1. Abramov M.G. (2000) *Chelovek*, no. 4, pp. 127—134 [in Rus].
2. Arshinov V.I. (2011) *Sinergeticheskaya paradigma. Sinergetika innovacionnoj slozhnosti*. Moscow, Progress-Tradiciya, 500 p. [in Rus].
3. Bodriyar Zh. (2000) *Soblazn*. Moscow, Ad Marginem, 319 p. [in Rus].
4. Vallerstajin I. (2004) *Konec znakomogo mira: sociologiya XXI veka*. Moscow, Logos, 368 p. [in Rus].
5. Vartanova E.L. (2009) *Mediascope*, iss. 2. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/352>, accessed 08.08.2018 [in Rus].
6. Viroli M. (2014) *Svoboda slug*. Moscow, Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki, 144 p. [in Rus].
7. Volodenkov S.V. (2017) *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki*, no. 3 (15), pp. 409—415 [in Rus].
8. Volodenkov S.V. (2015) *Internet-kommunikacii v global'nom prostranstve sovremennogo politicheskogo upravleniya*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 272 p. [in Rus].
9. Giddens E. (1995) *Sovremennaya teoreticheskaya sociologiya*. Abstract of thesis. Moscow, INION RAN, pp. 95—113 [in Rus].
10. Golubinskaya A.V. (2018) *Relevantnost' soznaniya i virtual'no-informacionnoj sredy kak faktor social'noj stratifikacii*. Nizhnij Novgorod, 168 p. [in Rus].
11. Dergachev A.Yu., Vil'hovskaya N.I. (2014) *Interespo Geo-Sibir'*. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorcheskoe-nasledie-n-makiavelli-kak-istochnik-sovremennogo-politicheskogo-diskursa>, accessed 08.09.2018 [in Rus].
12. (2008) *Kommersant — Review (Moskovskij ehkonomicheskij forum)*, no. 17 (3834), 5 feb. P. 27. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/849133>, accessed 15.08.2018 [in Rus].
13. D'yakov A.V. (2008) *Zhan Bodriyar: Strategii «radikal'nogo myshleniya»*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 357 p. [in Rus].
14. Kaneman D. (2017) *Dumaj medlenno... Reshaj bystro*. Moscow, AST, Neoclassic, 656 p. [in Rus].
15. Kapelyushnikov R.I. (2013) *Povedencheskaya ehkonomika i novyj paternalizm*. Moscow, Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki, 76 p. [in Rus].
16. Kin Dzh. (2015) *Demokratiya i dekadans media*. Moscow, Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki, 312 p. [in Rus].
17. Kovaleva A.Yu. (2016) *Vestnik MGIMO*. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-silvio-berluskoni-v-kontekste-osobennostey-politiki-i-sredstv-massovoy-informatsii-italii>, accessed 08.07.2018 [in Rus].
18. Levi-Bryul' L. (1994) *Sverh"estestvennoe v pervobytnom myshlenii*. Moscow, Pedagogika-Press, 608 p. [in Rus].
19. Losev A.F. (1982) *Znak. Simvol. Mif. Trudy po yazykoznaniiyu*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 480 p. [in Rus].
20. Maklyuehn M. (2014) *Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka*. 4th ed. Moscow, Kuchkovo pole, 464 p. [in Rus].
21. Markuze G. (2003) *Ehros i civilizaciya. Odnomernyj chelovek. Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva*. Moscow, AST, 526 p. [in Rus].
22. Mironov A.V. (2016) *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya*, no. 2, pp. 97—104 [in Rus].
23. Pavlova E.D. (2004) *Skrytoe vozdejstvie sredstv massovoj informacii na massovoe soznanie kak social'no-filosofskaya problema*. Thesis. Moscow. Available at: <http://cheloveknauka.com/skrytoe-vozdejstvie-sredstv-massovoy-informatsii-na-massovoe-soznanie-kak-sotsialno-filosofskaya-problema#ixzz3kCONfWWX>, accessed 16.07.2018 [in Rus].
24. Rogozina I.V. (2003) *Media-kartina mira: kognitivno-semioticheskij aspect*. Thesis. Barnaul. Available at: <http://www.dslib.net/jazyko-znanie/media-kartina-mira-kognitivno-semioticheskij-aspekt.html>, accessed 12.08.2018 [in Rus].
25. Tkachenko R.V. (2017) *Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya*, no. 5, pp. 16—21 [in Rus].
26. Toffler E. (2002) *Shok budushchego*. Moscow, ACT, 557 p. [in Rus].
27. Tehjlor P. (2008) *Hora*, no. 1, pp. 28—49 [in Rus].
28. Festinger L. (1999) *Teoriya kognitivnogo dissonansa*. St. Petersburg, Yuventa, 317 p. [in Rus].
29. Fuko M. (2015) *Nadzirat' i nakazyvat'*. Rozhdenie tyur'my. Moscow, Ad Marginem Press, 416 p. [in Rus].
30. Hrapov S.A. (2014) *Voprosy filosofii*, no. 9, pp. 66—75 [in Rus].
31. (2005) *Dijk Jan A.G.M., van. The Network Society: Social Aspects of New Media*. 304 p. Available at: http://www.forschungsnetzwerk.at/downloadpub/The_Network_Society-Jan_van_Dijk.pdf, accessed 12.06.2018 [in Eng].

For citing: Garas L.N.
 "A man informational"
 as an anthropological basis
 for political manipulation? //
 Socium i vlast'. 2018. № 5 (73). P. 7—17.

UDC 32.019.5+1:3

"A MAN INFORMATIONAL" AS AN ANTHROPOLOGICAL BASIS FOR POLITICAL MANIPULATION?

Lyudmila N. Garas,

Sevastopol State University,
 Institute of Social Sciences
 and International Relations,
 Associate Professor of the Department Chair
 of Politology and International Relations,
 Associate Professor,
 The Russian Federation, 299053,
 Sevastopol, ulitsa Universitetskaya, 33
 E-mail: garas_ln@mail.ru

Annotation

The article analyzes peculiarities of the information society development and the effect of implementing digital technologies in socio-anthropological and political interpretation. The author puts special attention to the appearance of "a man informational", existing in the split world of real and virtual. It is emphasized that life of a person in the context of the "split" reality on the one hand, opens new horizons for developing a personal potential and makes citizens more active in the political life but, on the other hand, poses threat of losing your

own self, opens possibilities for manipulating and deconstructing personality.

The author exposes peculiarities of person "integration" into new life conditions. It is underlined that in the context of post-modernism the most appropriate for the manner of narration is "mosaic thinking", which is characterized by fragmentary nature, sense prevalence, distortion of causality and multitude of contexts.

The article considers metamorphoses of the present-day democracy as exemplified by modern Italian state, particularly; the author shows the mechanism of gradual "acquisition" of the state by a legitimately elected politician. The author pays special attention to peculiarities of high technologies which have not only changed the political world but have formed the means making it possible to control an individual's actions, form his "portrait" on the basis of his acting on the Internet, and, consequently, to elaborate a target-focused strategy and construct his behavior. It is stated that for the purposes of preventing information totalitarianism it is necessary to aim for developing cognitive abilities and media literacy of a person.

Key concepts:

"a man informational",
 freedom,
 "mosaic thinking",
 micro-targeting,
 information totalitarianism.

Для цитирования: Руденкин Д. В., Юферева А. С. Социальные медиа как предметное поле социологических исследований: основные направления анализа и концептуальные сложности // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 18—27.

УДК 316.776

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АНАЛИЗА И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ СЛОЖНОСТИ

Руденкин Дмитрий Васильевич,

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
доцент кафедры
интегрированных маркетинговых
коммуникаций и брендинга,
кандидат социологических наук.
Российская Федерация, 620002,
г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
E-mail: d.v.rudenkin@urfu.ru

Юферева Анастасия Сергеевна,

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
ассистент кафедры
интегрированных маркетинговых
коммуникаций и брендинга.
Российская Федерация, 620002,
г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
E-mail: a.s.iufereva@urfu.ru

Аннотация

Работа обращается к актуальным вопросам изучения социальных медиа в современной социально-гуманитарной науке. Авторы отмечают, что спрос на исследования в области социальных медиа связан не только с научным поиском, но и с необходимостью решения прикладных задач в обществе.

Поэтому авторы изучают современное состояние теоретического анализа социальных медиа и эмпирических исследований в этой области. Сравнивая и анализируя результаты различных исследований, авторы приходят к выводу, что теоретические исследования в области социальных медиа очень разрозненны и не создают необходимой концептуальной основы для эмпирических замеров. Эмпирические же исследования концентрируются на сугубо утилитарных вопросах и мало способствуют решению существующих сложностей в развитии теории социальных медиа.

Ключевые понятия:
информационное общество,
социальная коммуникация
социальные медиа,
социальные сети,
Интернет.

Введение

Влияние социальных медиа на различные общественные процессы и практики оказывается в фокусе внимания современной социально-гуманитарной науки все чаще. При этом заметно, что за интересом ученых к данной проблематике стоит как минимум два различных импульса. С одной стороны, обращение науки к анализу влияния социальных медиа на актуальные общественные процессы — это своеобразное стремление проверить в новых реалиях эвристический потенциал классических подходов к социальной коммуникации, которые формулировались задолго до того, как человечество узнало, что такое Интернет и социальные медиа. С другой стороны, «мода» на подобные исследования отчасти обусловлена сиюминутными и утилитарными причинами. Государство, СМИ, предприниматели, маркетологи формируют все более выраженный запрос на новые прикладные знания в этой области: постоянно совершенствующийся функционал социальных медиа и растущее число пользователей стимулируют всех их искать новые подходы к аудитории. Почти регулярные спекуляции политиков и журналистов на тему использования социальных медиа в целях пропаганды неких ценностей или даже нагнетания протестных политических настроений в самых разных регионах мира этот запрос только укрепляют.

Иными словами, социальные медиа оказались интересны науке сразу с двух позиций: и как новый феномен, требующий концептуального осмысления, и как предмет прикладного, сугубо утилитарного изучения. И хотя оба этих направления анализа изучения социальных медиа не противоречат друг другу и вполне могут сосуществовать в рамках одного предметного поля, они все же предполагают несколько разные цели и разные аналитические ракурсы. Разница этих аналитических направлений создает благодатную почву для концептуального разрыва между теоретическими объяснительными моделями и социальным медиа и прикладными эмпирическими исследованиями в этой области. Однако понять, существует ли такой разрыв в действительности, можно лишь после полноценного анализа как текущих теоретических разработок в области социальных медиа, так и актуальных эмпирических исследований. В данной работе мы намерены сделать шаг именно в этом направлении и провести ревизию существующих на данный момент теоре-

тических наработок и эмпирических исследований социально-гуманитарной науки в области изучения той роли, которую социальные медиа играют в обществе.

Актуальные теоретические подходы к изучению социальных медиа

В рамках данной работы под социальными медиа мы будем понимать особую категорию интернет-сайтов, которые позволяют пользователям создавать собственный контент и обмениваться им. Нам в данном случае близка позиция Р. А. Дукина [3] и Г. Н. Неяскина [17]: стремительность развития Интернета делает несколько бессмысленным поиск конкретного перечня ресурсов, которые дают пользователям такие возможности, поскольку обновление таких сервисов происходит постоянно. К типическим примерам социальных медиа могут быть отнесены такие популярные сервисы, как «ВКонтакте», «Facebook», «Twitter», «Instagram», но очевидно, что перечень таких сервисов можно дополнить еще множеством частных позиций. Тем не менее, общая логика понимания социальных медиа именно как площадок, позволяющих пользователям создавать и тиражировать собственный информационный контент, на наш взгляд, в целом устоялась. Вероятно, здесь сказывается тот факт, что исследовательский поиск социально-гуманитарной науки воздерживается от пристального внимания к технологическим особенностям социальных медиа, которые представляют большой интерес для технической науки. Социально-гуманитарной науке более интересен не технический функционал социальных медиа, а их роль в контексте общей социальной реальности. Изучение этой роли может базироваться и на общем представлении о социальных медиа как о категории Интернет-сайтов, позволяющих пользователям самим производить информационный контент.

Очевидная проблема нынешних теоретических исследований социальных медиа заключается в относительной эклектичности ведущегося научного поиска. Современная социально-гуманитарная наука изначально базируется на принципе полипарадигмальности, поэтому традиции анализа одного и того же явления в ней, как правило, существуют очень разнообразно. В данном же случае ситуацию осложняет и крайне высокая динамика развития изучаемого объекта — социальных медиа, которые

регулярно обрастают новыми свойствами и инструментарием. Многочисленные труды, посвященные влиянию социальных медиа на различные аспекты социальной реальности, фокусируются на разных вопросах и придерживаются разных исходных методологических установок, поэтому проследить в них какие-то общие аналитические традиции бывает не просто. Возникает примечательное противоречие: интуитивно большинство ученых соглашались с тем, что распространение социальных медиа влияет на характер многих общественных процессов, но при этом четкое, общепризнанное представление о том, в чем именно заключается такое влияние и почему оно происходит, пока, по сути, отсутствует. Тем не менее, условно вполне возможно выделить несколько ключевых векторов анализа социальных медиа и их роли в обществе, которые так или иначе прослеживаются в актуальной научной литературе (см. таблицу).

Основные направления теоретического анализа социальных медиа

Направления	Основной фокус исследовательского интереса
Европейское	Адаптация классических социальных теорий к новым реалиям; изучение влияния социальных медиа на традиционные социальные явления
Американское	Сравнение коммуникации индивидов в социальных медиа и иными формами их взаимодействия; особенности конструирования и презентации личности в социальных медиа
Российское	Внутренняя морфология социальных медиа, динамика коммуникации пользователей в социальных медиа и факторы, которые на нее влияют

Можно отметить, в частности, что европейская наука обратилась к вопросу о роли социальных медиа в обществе в рамках изучения традиционных для себя проблематик и в основном сосредоточилась на том, почему появление и распространение социальных медиа способно корректировать устоявшуюся ранее и уже привычную людям социальную реальность. В этом контексте показательны, например, рассуждения А. Барда и Я. Зодерквиста

о той роли, которую новые технологии играют в трансформации традиционных систем господства: внедрение в общество новых технологий приводит к интенсификации сетевых связей и дает возможность включения в политический процесс тем субъектам, которые в прежних обстоятельствах были ее полностью лишены [1]. Другой европейский исследователь, М. Кастельс, фокусируется в своей сетевой теории на изучении богатых возможностей самоорганизации, которые перед обществом открывают социальные медиа: по сути, в его логике такие медиа становятся одним из ключевых инструментов работы для новых общественных движений, обретающих все большую значимость в обществе [7]. Акторно-сетевая теория Б. Латура строится на допущении о фактическом слиянии традиционных социальных связей с виртуализованными [11]. Иначе говоря, европейская наука в основном фокусируется на вопросе о том, как именно и почему может меняться общество в целом или какой-то из его частных аспектов из-за появления нового, непривычного ранее феномена — социальных медиа. Итогом изысканий перечисленных ученых и иных исследователей (например, исследований В. Данет [28], Р. Манселл [35], Дж. Чезебро [26] и др.) стали как новые теоретические разработки, адекватно связанные с классической социальной теорией, так и построение новых аналитических моделей, интерпретирующих и объясняющих особенности различного социального поведения индивидов. Тем не менее, нельзя не отметить, что, несмотря на ряд очевидных успешных наработок, в основном остаются умозрительными и не всегда предполагают какую-то эмпирическую верификацию.

Американский вектор анализа социальных медиа и их роли в обществе оказался несколько иным. В большей степени американские исследователи фокусируются на вопросе о потенциальных различиях между коммуникацией индивидов в социальных медиа и иными формами их взаимодействия. Имплицитно в работах американских исследователей часто прослеживается гипотеза: социальные медиа порождают особый тип взаимодействия индивидов, который представляет собой уникальную социальную реальность и не может рассматриваться как прямое продолжение традиционных связей. В частности, Л. Спруэлл, С. Кизлер [38] сфокусировали свое внимание на экспериментальном сравнении особенностей коммуникации индивидов на базе социальных

медиа и за их пределами. Другой американский исследователь, Г. Рейнгольд, отмечал, что появление новых медиа в первую очередь упрощает и ускоряет коммуникацию индивидов, позволяя им общаться проще и эффективнее делать что-то совместно [18]. Междисциплинарный социолого-географический подход направлен на выявление особенностей конструирования и презентации пространства коммуникации в социальных медиа (М. Додж, М. Зук [30]). Можно сказать, что в целом американская социально-гуманитарная наука подошла к изучению роли социальных медиа в обществе с преимущественно прагматических позиций, а потому для нее оказалась менее характерна опора на классические объяснительные модели. Ключевой исследовательский фокус американской науки в основном сосредоточился на частном вопросе о конкретных особенностях коммуникации индивидов на базе социальных медиа. Результатом теоретических изысканий американских ученых на данный момент оказались и различные концепции, объясняющие особенности поведения людей в рамках социальных медиа, и апробация оригинальных эмпирических методик, применимых для сбора информации о таком поведении. Впрочем, хотя американская наука и констатировала, что коммуникация людей на базе социальных медиа отличается от иных форм общения, вопрос о соотношении этих типов коммуникации между собой и об их способности перетекать друг в друга остался малоизученным.

Отечественная наука подошла к изучению социальных медиа позднее, чем европейская и американская. Вероятнее всего, причинами этого стали и общий «догоняющий» характер отечественной социально-гуманитарной науки по отношению к зарубежным академическим школам, и менее интенсивное проникновение социальных медиа в жизнь российского общества. Впрочем, несмотря на относительно короткую историю изучения российскими исследователями социальных медиа, отечественная наука имеет ряд примечательных разработок в соответствующей области. Например, примечательные разработки были выполнены отечественными учеными в области изучения внутренней динамики коммуникации в социальных медиа (здесь можно, в частности, упомянуть работы таких авторов, как А. С. Дужникова [2], О. Н. Морозова [15], О. В. Лутовинова [13], М. Г. Шилина [23], И. Е. Штейнберг [24]). Проводились исследования, посвященные

анализу влияния виртуализации на личностные качества пользователей социальных медиа (В. Нестерова [16], Н. Н. Королева [10], Д. В. Туркин [20], И. Г. Чернобровкина [22]). Выполнялись также исследования, направленные на создание математического аппарата, применимого для систематического анализа социальных медиа (С. Г. Ушкин [21], К. С. Родин [19]). Следует также упомянуть интерес отечественных ученых к влиянию социальных медиа на отдельные общественные явления: например, популяризация занятий спортом (О. В. Лисина [12], А. Комарова [9], М. Киселев [8], И. Я. Лутфуллин [14], М. В. Елкина [6], И. Н. Каишев [5], Д. Р. Карамов [6]). Можно отметить, что преобладающий вектор российских исследований социальных медиа оказался связан с интересом к внутренней морфологии социальных медиа и прикладным особенностям их использования. Тем не менее в отечественных научных исследованиях несколько острее, чем в зарубежных, проявилась эклектичность научного поиска и разрозненность отдельных научных проектов, результаты которых нечасто подвергаются систематическим концептуальным обобщениям. Большинство отечественных исследований социальных медиа пока оказались более ориентированными на прикладную пользу и в меньшей степени становились основой для построения фундаментальных научных теорий.

В целом можно отметить, что и европейская, и американская, и российская наука находятся в состоянии интенсивной дискуссии относительно сущности социальных медиа и их роли в обществе. Даже такой поверхностный литературный обзор показывает, что неясности в этих вопросах очевидно многочисленны. Интуитивно, на уровне здравого смысла большинство ученых признают, что коммуникация, проходящая в социальных медиа, имеет свою специфику и создает благодатную почву для более стремительного и масштабного протекания различных общественных процессов. Но взгляды на природу этой специфики и ее особенности до сих пор остаются предметом фундаментальности дискуссий. Предсказуемо различными оказываются и точки зрения о возможных последствиях распространения социальных медиа в обществе. При этом, как мы полагаем, существует несколько ключевых позиций, отсутствие ясности в которых прослеживается и в европейских, и в американских, и в российских исследованиях социальных медиа.

Во-первых, нет четкого понимания того, что правильнее всего понимать под социальными медиа. Парадокс между множественностью различных по функционалу коммуникативных сайтов в Интернете и их отчетливой технической интегрированностью как друг с другом (например, в виде возможности одновременной публикации одного и того же сообщения на разных ресурсах), так и с иными платформами (в частности, с новостными лентами или файлообменниками) актуализирует вопрос о границах самого понятия социальных медиа и корректности его применения к сообществам пользователей, возникающим на базе тех или иных информационных ресурсов в Интернете.

Во-вторых, неясна роль социальных медиа в формировании настроений и намерений людей. С чисто логических позиций социальные медиа можно рассматривать и как площадку проявления уже существующих настроений и запросов пользователей, и как пространство формирования таких намерений и запросов.

В-третьих, не сложилось какого-то четкого понимания механизма влияния коммуникации в социальных медиа на вектор активности пользователей. Не понятно, способна ли коммуникация в социальных медиа подталкивать пользователей к действиям, совершаемым в том числе и за пределами самих социальных медиа.

Разумеется, формирование понимания по каждому из этих вопросов рано или поздно будет выработано социально-гуманитарной наукой и ляжет в основу будущих исследований. Тем не менее на данный момент четкого понимания по этим фактически ключевым методологическим позициям в теоретической социально-гуманитарной науке не сформулировано. Поэтому отдельные удачные теоретические наработки сложно выстроить в какое-то целостное видение роли социальных медиа в обществе.

Векторы эмпирического изучения социальных медиа

Схожая эклектика научного поиска прослеживается и в эмпирических исследовательских проектах. Разумеется, многочисленность эмпирических исследований, проводимых в этой области, не дает нам возможность охарактеризовать абсолютно все научные проекты: вероятно, в силу «модности» темы социальных медиа они ежегодно оказываются в фокусе внимания множества исследователей. Поэтому мы

сфокусируемся в своем анализе лишь на наиболее известных и цитируемых из таких исследований, предполагая, что эти проекты являются своего рода эталоном, ориентиром для других ученых.

Чтобы определить такие наиболее известные и цитируемые исследования, мы обратились к анализу научных баз данных Scopus и Web of Science. Для анализа мы отбирали только те работы, которые были изданы и проиндексированы в научных базах в 2012—2017 гг. и опубликованы в европейских или американских научных изданиях. Мы отбирали те статьи, название или ключевые слова которых содержали ссылку к социальным медиа и базировались на результатах эмпирических исследований (опросах общественного мнения, интервью, наблюдении, статистическом анализе и др.). Результаты этой работы показали, что в зарубежной академической литературе достаточно весомое положение занимают прикладные исследования, в которых вопрос влияния социальных медиа на общественные практики в различных областях жизненного уклада получил всестороннее рассмотрение. Нам удалось обнаружить несколько ключевых векторов эмпирического анализа, которые сложились в зарубежных эмпирических исследованиях.

• *Социальные медиа как фактор публичной политики.* В частности, в исследованиях акцентируется внимание на анализе воздействия социальных медиа на поведение избирателей в период предвыборных кампаний (S. Boulianne [25]), на представлениях политических акторов о возможностях и перспективах использования социальных медиа по созданию положительного имиджа, взаимодействию с электоратом (R. Karlsen, B. Enjolras [34]), на определении корреляционной зависимости между уровнем активности людей в реальности и в онлайн-среде (N. Gustafsson [33]). Появление таких исследований, по всей видимости, стало результатом роста числа пользователей Интернета и социальных медиа в сочетании с сокращением аудитории традиционных СМИ. Собственно, социальные медиа и рассматриваются авторами подобных исследований как фактический аналог традиционных СМИ: они трактуются как инструмент, через который можно донести некую информацию до относительно широкой аудитории. Сам вектор исследовательского поиска в таких работах утилитарен и направлен на поиски оптимальной стратегии по донесению такой информации.

• *Роль социальных медиа в сфере образования.* Не менее важное место отведено вопросу влияния социальных медиа на сферу образования. Главным образом речь идет о выявлении посредством социологического исследования представлений у преподавателей, студентов и школьников о роли цифровых технологий в образовательной среде: преимущества и недостатки коммуникационных каналов в процессе обучения (M. D. Roblyera, M. McDaniel, M. Webb, J. Hermand, J. V. Wittye [37], J. Garner, H. O'Sullivan [32]), деструктивное воздействие социальных медиа на образовательный процесс (M. Moran, J. Seaman, H. Tinti-Kane [36]) и др. Авторы подобных исследований тоже трактуют социальные медиа сугубо утилитарно и рассматривают их как инструмент оптимизации и модернизации самого образовательного процесса. Социальные медиа трактуются авторами этих исследований как неотъемлемый атрибут жизни как студентов, так и преподавателей. И целевые установки их исследований связываются с перспективами использования этих сетей для оптимизации и повышения качества образовательного процесса.

• *Социальные медиа в контексте спорта.* В русле изучения социальных медиа следует выделить тему спорта, вариации которой также широко распространены в виртуальной реальности. Изучению подлежат особенности потребления контента профессиональными спортсменами в социальных медиа (Ch. Witkemper, Lim, Choong Hoop [39]), специфика выбора спортсменами того или иного канала в социальных сетях (G. Clavio, P. Walsh [27]). В подобных исследовательских работах также прослеживается прагматизм. Социальные медиа воспринимаются авторами таких исследований как уже состоявшийся атрибут спортивной жизни: ими пользуются спортсмены, они популярны среди поклонников спорта, используются для обсуждения спортивных тематик. И основная цель таких эмпирических исследований — в том, чтобы разобраться, как именно можно использовать социальные медиа для популяризации спорта в обществе.

• *Использование социальных медиа в интересах системы здравоохранения.* К числу перспективных направлений следует отнести проблемы использования новых технологий коммуникаций в сфере здравоохранения. Зарубежные авторы посвящают свои исследования возможностям использования социальных медиа медицинскими работниками (F. J. Grajales III, S. Sheps,

К. Но, Н. Novak-Lauscher, G. Eysenbach [31]), проблемам использования цифровых технологий пациентами в целях получения консультаций от врачей (Don S. Dizon [29]). Замысел подобных эмпирических исследований созвучен тому, что стоит за изучением роли социальных медиа в спорте. Само существование аккаунтов в социальных медиа у большинства современных людей воспринимается авторами таких научных исследований как объективная данность, опора на которую может привести к решению утилитарных, прикладных задач. По сути, социальные медиа рассматриваются в данном случае сугубо как средство трансляции неких идей, связанных со здоровым образом жизни, а основной научный поиск фокусируется на технологиях такой трансляции.

Воздержимся в данном случае от претензий на всеохватывающий характер описания существующих эмпирических исследований. Еще раз подчеркнем: в своем анализе мы фокусируемся лишь на наиболее цитируемых и резонансных научных проектах. Поэтому мы вполне допускаем, что классифицировать существующие эмпирические исследования социальных медиа можно по какому-то иному принципу, а сам их перечень дополнить иными позициями. Для нас в данном случае принципиально скорее то, что, хотя сложившиеся направления прикладного эмпирического анализа социальных медиа оказались весьма разнообразными, во всех них прослеживаются созвучные установки. Причем заметно, что текущие эмпирические исследования действительно несколько оторваны от теоретических дискуссий о социальных медиа и не добавляют ясности в неразрешенные концептуальные вопросы.

Примечательно, что во всех перечисленных случаях утилитарный, прагматический вектор эмпирического анализа приводит к узости и конкретности научного поиска. Социальные медиа рассматриваются авторами таких эмпирических исследований как объективная данность, которая уже фактически изменила социальную реальность и которую можно использовать для решения неких утилитарных целей. Морфология социальных медиа, как и причинно-следственные связи, лежащие в основе их функционирования, рассматриваются авторами эмпирических исследований лишь косвенно и только в контексте поиска ответов на более частные, прикладные вопросы. При этом те самые концептуальные вопросы, которые вызывают сложность в

современных теориях социальных медиа, фактически остаются без ответа и здесь. В существующих эмпирических исследованиях в принципе можно найти ответ на вопрос, как и когда активность пользователей социальных медиа в конкретной сфере (например, в образовании) перетекает в действия, совершаемые за пределами самих социальных медиа, но нельзя однозначно сказать, насколько уместно экстраполировать такие выводы на другие сферы. К тому же, чаще всего авторы рассматривают в своих исследованиях разные ресурсы (Instagram, Facebook, YouTube), и какое-то четкое понимание о том, что корректно понимать под социальными медиа, а что нет, из существующих эмпирических исследований вывести сложно. Точно так же нельзя однозначно сказать, откуда берутся настроения пользователей, которые изучаются в таких исследованиях: являются ли они объектом чье-то манипулятивного конструирования или формируются сами, сказать сложно. Иными словами, текущие эмпирические исследования в данной области не добавляют ясности ни по одной из дискуссионных позиций анализа социальных медиа, которые проявились в актуальных теоретических дискуссиях.

В итоге можно констатировать, что в современных исследованиях социальных медиа не только существует определенный разрыв между теоретическим и эмпирическим анализом, но и намечилась серия концептуальных вопросов, которые не разрешены ни в одном из этих направлений. Однако важно понимать, что само существование этих вопросов — плод относительной новизны темы. И ясность в них, по всей видимости, позднее проявится.

Заключение

Подводя итог работы, отметим, что анализ социальных медиа в современной социально-гуманитарной науке начался по историческим меркам совсем недавно, и это приводит к серьезным концептуальным сложностям. Спрос на знания о роли социальных медиа в обществе велик, причем не только со стороны научного сообщества, но и со стороны практиков. Однако четкого, общепризнанного концептуального аппарата для анализа таких проблем наука пока до конца не сформировала, этот процесс все еще продолжается. В результате проявляется не только тот самый разрыв между теоретическим и эмпирическим исследованием социальных медиа, существование

которого мы предполагали в начале данной работы, но и целый ряд иных сложностей. Размытыми остаются и само понятие социальных медиа, и принципы их влияния на настроения и поведение людей, и возможности их манипулятивного использования, и другие аспекты. Противоречие между высоким спросом на исследования социальных медиа и новизной этой темы приводит к появлению многочисленных теоретических и эмпирических исследований, лишенных общей фундаментальной основы. Теоретический научный анализ социальных медиа эклектичен, лишен некоего целостного ядра и не дает ответов на целый ряд ключевых вопросов о сущности этого феномена. Эмпирические же исследования нередко и вовсе дистанцируются от многих концептуальных вопросов, фокусируясь на заведомо частных, прикладных проблематиках. Тем не менее, важно учитывать, что анализ таких вопросов действительно ведется социально-гуманитарной наукой относительно недавно. И преодоление сложившихся проблем изучения социальных медиа — по всей видимости, лишь вопрос времени.

1. Бард А., Зодерквист Я. Netokratia. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб. : Изд-во Стокгольм. шк. экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.

2. Дужникова А. С. Социальные сети: современные тенденции использования // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 5 (99) С. 238—251.

3. Дукин Р. А. К вопросу определения понятия «социальные медиа» // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 4. С. 37—39.

4. Елкина М. В. К вопросу о популяризации физической культуры и спорта среди молодежи в сообществах социальной сети «ВКонтакте» // Молодежь в новом тысячелетии: проблемы и решения : материалы IV регион. науч.-практ. конф. Омск, 2017. С. 144—150.

5. Каишев И. Н. Instagram как площадка популяризации спорта и здорового образа жизни среди молодежи // World science: problems and innovations : сб. ст. победителей X Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. Пенза, 2017. С. 186—188.

6. Карамов Д. Р. Влияние социальных сетей на формирование отношения молодежи к спорту и здоровому образу жизни // Физиологические, педагогические и экологические проблемы здоровья и здорового

образа жизни : сб. науч. тр. IX Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2016. С. 137—141.

7. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург : У-Фактория, 2004. 328 с.

8. Киселёв М. А. Сообщества в социальных сетях — одна из форм обратной связи для управления физической культурой и спортом // Университетский спорт: здоровье и процветание нации : материалы V Междунар. науч. конф. студентов и молодых ученых. Т. 2. Казань : Поволж. ГАФКСИТ, 2015. С. 379—382.

9. Комарова А. В. Роль киберпространства социальных сетей в современном спорте // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Фиология. Философия. 2015. № 13. С. 83—86.

10. Королева Н. Н. Влияние коммуникации в сети Интернет на личностные особенности пользователей // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2004. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-kommunikatsii-v-seti-internet-na-lichnostnye-osobennosti-polzovateley> (дата обращения: 31.08.2018).

11. Латур Б. Сети, общества, сферы: размышления одного из создателей актрно-сетевой теории // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества : сб. науч. тр. М. : ИНИОН РАН. 2013. С. 70—75.

12. Лисина О. В. Конструирование российской молодежью ЗОЖ-имиджа в соцсетевом фотосервисе Instagram: реальные и виртуальные здоровьесберегающие практики // Управление устойчивым развитием. 2016. № 4. С. 76—80

13. Лутовнинова О. В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 71. С. 58—65.

14. Лутфуллин И. Я. Основные направления использования информационных технологий в практике спорта // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2012. № 9. С. 88—93.

15. Морозова О. Н. Особенности Интернет-коммуникации: определение и свойства // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. № 5. С. 150—158.

16. Нестеров В. Ю. К вопросу об эмоциональной насыщенности межличностных коммуникаций в Интернет // Мир Internet. 2000. № 3. С. 58—61.

17. Неяскин Г. Н. Влияние социальных медиа на бизнес-коммуникации // Диало-

гические коммуникации в бизнесе : материалы интернет-конф. М., 2010. URL: <http://essosman.hse.ru/text/33378753/> (дата обращения: 31.08.2018)

18. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / пер. с англ. А. Гарькавого. М. : ГРАНД : Фаир пресс, 2006. 416 с.

19. Родин К. С. Опыт прогнозирования результатов выборов на основе анализа социальных сетей // Тезисы докладов на IV Всероссийской социологической конференции «Продолжая Грушина» (27—28 марта 2014 г., Москва). URL: <http://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2014/s1/Rodin.pdf> (дата обращения: 31.08.2018).

20. Туркин Д. В. Социальная коммуникация в сети Интернет // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 33. С. 58—62.

21. Ушкин С. Г. Протестные сообщества в социальных сетях: три года наблюдений // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 6 (124). С. 112—118.

22. Чернобровкина И. Г. Особенности самопрезентации в интернет-коммуникации // Царскосельские чтения. 2012. № XVI. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-samoprezentatsii-v-internet-kommunikatsii> (дата обращения: 31.08.2018).

23. Шилина М. Г. Интернет-коммуникация и теоретические аспекты исследований масс-медиа // Медиаископ. URL: <http://www.mediascope.ru/node/972> (дата обращения: 31.08.2018).

24. Штейнберг И. Е. «Живые» и виртуальные сети социальной поддержки: анализ сходств и различий // Социологический журнал. 2009. № 4. С. 85—103.

25. Boulianne S. Social media use and participation: a meta-analysis of current research // Information, Communication & Society. 2015. Vol. 18, iss. 5: Communication and Information Technologies Section (ASA) Special Issue. P. 524—538.

26. Chesebro J., McMahan D., Russett P. Internet Communication. Bern, Peter Lang Publishing, 2014. 400 p.

27. Clavio G., Walsh P. Dimensions of Social Media Utilization Among College Sport Fans // Communication & Sport. 2014. Vol. 2, iss. 3, 2014. P. 261—281

28. Danet B., Herring S. The Multilingual Internet: Language, Culture, and Communication Online. Oxford : Oxford University Press, 2007. 464 p.

29. Dizon Don S., Graham, D. S. Thompson M., Johnson L., Johnston C., Fisch M., Miller R. Practical Guidance: the Use of Social Media In

Oncology Practice // Journal of Oncology Practice. Vol. 8, iss. 5. P. 114—124.

30. Dodge M., Zook M. Internet measurement // International encyclopedia of human geography / ed. by R. Kitchin, N. Thrift. Oxford : Elsevier, 2009. P. 569—579.

31. Grajales III F. J., Sheps S, Ho K., Novak-Lauscher H., Eysenbach G. Social Media: a Review and Tutorial of Applications in Medicine and Health Care // J Med Internet Res. 2014. Feb; 16(2): e13. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3936280/> (дата обращения: 31.08.2018).

32. Garner J., O'Sullivan H. Facebook and the professional behaviours of undergraduate medical students. The Clinical Teacher. 2010. No. 7 (2). Jun. P. 112—115.

33. Gustafsson N. The subtle nature of Facebook politics: Swedish social network site users and political participation // New Media & Society. 2012. Vol. 14, iss. 7. P. 1111—1127.

34. Karlsen R., Enjolras B.. Styles of Social Media Campaigning and Influence in a Hybrid Political Communication System // The International Journal of Press/Politics. 2016, Vol. 21(3). P. 338—357.

35. Mansell R. Imagining the Internet: Communication, Innovation, and Governance Oxford : OUP Oxford, 2012. 289 p.

36. Moran M., Seaman J., Tinti-Kane H. Teaching, Learning, and Sharing: How Today's Higher Education Faculty Use Social Media // Numerical/Quantitative Data; Reports — Research. 2011. URL: <https://eric.ed.gov/?id=ED535130> (дата обращения: 31.08.2018).

37. Roblyera M. D., McDaniel M., Webb M., Hermand J., Wittye J. V. . Findings on Facebook in higher education: A comparison of college faculty and student uses and perceptions of social networking sites // The Internet and Higher Education. 2010. Vol. 13, iss. 3. P. 134—140.

38. Sproull L., Kiesler S. Connections: new ways of working in the networked organization. 7th print. MIT Press, 2001. 212 p.

39. Witkemper Ch., Lim Choong Hoon, Waldburger Adia. Social Media and Sports Marketing: Examining the Motivations and Constraints of Twitter Users // Sport Marketing Quarterly. 2012. Vol. 21, iss. 3. P. 170—183.

References

1. Bard A., Zoderkvist Y. (2004) Netokratia: Novaya pravyyashchaya elita i zhizn' posle kapitalizma [Netocracy: The new ruling elite and life after capitalism]. St. Petersburg, Publishing

house of the Stockholm School of Economics in St. Petersburg, 252 p. [in Rus].

2. Duzhnikova A.S. (2010) *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, no. 5 (99), pp. 238—251 [in Rus].

3. Dukin R.A. (2016) *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. no. 4, pp. 37—39 [in Rus].

4. Yelkina M. V. (2017) K voprosu o popularizatsii fizicheskoy kul'tury i sporta sredi molodezhi v soobshchestvakh sotsial'noy seti «VKontakte» // *Molodezh' v novom ty-syacheletii: problemy i resheniya: materialy IV regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Omsk, pp. 144—150 [in Rus].

5. Kaishev I. N. I (2017) Instagram kak ploshchadka popularizatsii sporta i zdorovogo obraza zhizni sredi molodezhi // *World science: problems and innovations: sbornik statey pobediteley X Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 3 chastyakh*. Penza, pp. 186—188 [in Rus].

6. Karamov D. R. (2016) Vliyaniye sotsial'nykh setey na formirovaniye otnosheniya molodezhi k sportu i zdorovomu obrazu zhizni // *Fiziologicheskkiye, pedagogicheskkiye i ekologicheskkiye problemy zdorov'ya i zdorovogo obraza zhizni: sbornik nauchnykh trudov IX Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Ekaterinburg, pp. 137—141 [in Rus].

7. Kastels M. (2004) *Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve*. Ekaterinburg, U-faktoria, 328 p. [in Rus].

8. Kiselev M. A. (2015) Soobshchestva v sotsial'nykh setyakh — odna iz form obratnoy svyazi dlya upravleniya fizicheskoy kul'turoy i sportom // *Universitetskiy sport: zdorov'ye i protsvetaniye natsii: materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh*. Kazan, pp. 379—382 [in Rus].

9. Komarova A.V. (2015) *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika. Fiologiya. Filosofiya*, no. 13, pp. 83—86 [in Rus].

10. Koroleva N. N. (2004) *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena. Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*, no. 9. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-kommunikatsii-v-seti-internet-na-lichnostnye-osobennosti-polzovateley>, accessed 31.08.2018 [in Rus].

11. Latour B. (2013) *Sotsial'nyye seti i virtual'nyye setevyye soobshchestva: Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, INION RAN, pp. 70—75 [in Rus].

12. Lisina O. V. (2016) *Upravleniye ustoychivym razvitiyem*, no. 4, pp. 76—80 [in Rus].

13. Lutovinova O. V. (2008) *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo uni-*

versiteta im. A.I. Gertsena, no. 71, pp. 58—65 [in Rus].

14. Lutfullin I.Ya. (2012) *Uchenyye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*, no. 9, pp. 88—93 [in Rus].

15. Morozova O.N. (2010) *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, no. 5, pp. 150—158. [in Rus].

16. Nesterov V. (2000) *Mir Internet*, no. 3, pp. 58—61 [in Rus].

17. Neyaskin G.N. (2010) Vliyanie sotsial'nykh media na biznes-kommunikatsii // *Dialogicheskkiye kommunikatsii v biznese: materialy Internet-konferentsii*. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/text/33378753>, accessed 31.08.2018 [in Rus].

18. Rheingold H. (2006) *Umnaya tolpa: novaya sotsial'naya revolyutsiya*. Moscow, Fair press, 416 p. [in Rus].

19. Rodin K. S. (2014) Opyt prognozirovaniya rezul'tatov vyborov na osnove analiza sotsial'nykh setei // *Tezisy dokladov na IV Vserossiyskoy sotsiologicheskoy konferentsii "Prodolzhaya Grushina" (27—28 marta 2014 g., Moskva)*. Available at: <http://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2014/s1/Rodin.pdf>, accessed 31.08.2018 [in Rus].

20. Turkin D.V. (2008) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. no. 33, pp. 58—62 [in Rus].

21. Ushkin S. G. (2014) *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, no. 6 (124), pp. 112—118 [in Rus].

22. Chernobrovkina I. G. (2012) *Tsarskoesel'skiye chteniya*, no. XVI. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-samoprezentatsii-v-internet-kommunikatsii>, accessed 31.08.2018 [in Rus].

23. Shilina M. G. (2011) *Medaiskop*. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/972>, accessed 31.08.2018. [in Rus].

24. Shteynberg I. E. (2009) *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 4, pp. 85—103 [in Rus].

25. Boulianne S. (2015) *Information, Communication & Society*, no. 5 (vol. 18), pp. 524—538 [in Eng].

26. Chesebro J. (2014) *Internet Communication*. Bern, 400 p. [in Eng].

27. Clavio G., Walsh P. (2014) *Communication & Sport*, vol. 2, iss. 3, pp. 261—281 [in Eng].

28. Danet B. (2007) *The Multilingual Internet: Language, Culture, and Communication Online*. Oxford, 464 p. [in Eng].

29. Dizon Don S. et al. (2012) *Journal of Oncology Practice*, vol. 8, iss. 5, pp. 114—124 [in Eng].

30. Dodge M., Zook M. (2009) *Internet measurement. International encyclopedia of human geography*. Oxford, pp. 569—579 [in Eng].

31. Grajales III F. J. et al. (2014) *Journal of Medical Internet Research*, no 16 (2). Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3936280>, accessed 31.08.2018. [in Eng].

32. Garner J., O'Sullivan H. (2010) *The Clinical Teacher*, no. 7(2), jun., pp. 112—115 [in Eng].

33. Gustafsson N. (2012) *New Media & Society*, vol. 14, iss. 7, pp. 1111—1127 [in Eng].

34. Karlsen R., Enjolras B. (2016) *The International Journal of Press/Politics*, vol. 21(3), pp. 338—357 [in Eng].

35. Mansell R. (2012) *Imagining the Internet: Communication, Innovation, and Governance*. Oxford, 289 p. [in Eng].

36. Moran M., Seaman J., Tinti-Kane H. (2011) *Teaching, Learning, and Sharing: How Today's Higher Education Faculty Use Social Media*. Available at: <https://eric.ed.gov/?id=ED535130>, accessed 31.08.2018. [in Eng].

37. Roblyera M.D., McDanie M., Webb M., Hermand J., Wittye J. V. (2010) *The Internet and Higher Education*, vol. 13, iss. 3, pp. 134—140 [in Eng].

38. Sproull L., Kiesler S. (2001) *Connections: new ways of working in the networked organization*. Cambridge, 212 p. [in Eng].

39. Witkemper Ch., Lim Choong Hoon, Waldburger Adia (2012) *Sport Marketing Quarterly*, vol. 21, iss. 3, pp. 170—183 [in Eng].

For citing: Rudenkin D.V., Yufereva A.S. Social media as an object field of social research: principal directions of analysis and conceptual complexity // *Socium i vlast'*. 2018. № 5 (73). P. 18—27.

UDC 316.776

SOCIAL MEDIA AS AN OBJECT FIELD OF SOCIAL RESEARCH: PRINCIPAL DIRECTIONS OF ANALYSIS AND CONCEPTUAL COMPLEXITY

Dmitry V. Rudenkin,

Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Eltsin,
Associate Professor of the Department Chair
of Integrated Marketing Communications
and Branding, Cand.Sc. (Sociology),
The Russian Federation, 620002,
Yekaterinburg, ulitsa Mira, 19.
E-mail: d.v.rudenkin@urfu.ru

Anastasiya S. Yufereva,

Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Eltsin,
Assistant Professor of the Department Chair
of Integrated Marketing Communications
and Branding,
The Russian Federation, 620002,
Yekaterinburg, ulitsa Mira, 19.
E-mail: a.s.iufereva@urfu.ru

Annotation

The work refers to the topical issues of studying social media in modern social-humanitarian science. The authors point out that the demand for studies in the field of social media is connected not only with scientific inquiry but with the necessity to solve applied problems in the society. For this reason, the authors study the current state of theoretical analysis of social media and empiric researches in this field. Comparing and analyzing the results of various researches the authors come to the conclusion that theoretical researches in the field of social media are very fragmented and don't make a necessary conceptual basis for empiric measurements. Empiric researches are focused on pragmatic aspects and do not contribute much to solving the existing problems in developing the theory of social media.

Key concepts:

information society,
social communication,
social media,
social network,
Internet.

Для цитирования: Гнатышина Е. А., Уварина Н. В., Гордеева Д. С., Евплова Е. В. К вопросу о корпоративной идентичности преподавателя высшей школы: современные реалии // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 28—37.

УДК 333.1

К ВОПРОСУ О КОРПОРАТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

Гнатышина Елена Александровна,

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, профессор кафедры подготовки педагогов, профессионального обучения и предметных методик, доктор педагогических наук, профессор. Российская Федерация, 454080, г. Челябинск, ул. Ленина, д. 69. E-mail: mopr9@mail.ru

Уварина Наталья Викторовна,

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, профессор кафедры подготовки педагогов, профессионального обучения и предметных методик, доктор педагогических наук, профессор. Российская Федерация, 454080, г. Челябинск, ул. Ленина, д. 69. E-mail: uvarinanv@csru.ru

Гордеева Дарья Сергеевна,

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, доцент кафедры экономики, управления и права, кандидат педагогических наук, доцент. Российская Федерация, 454080, г. Челябинск, ул. Ленина, д. 69. E-mail: gordeeva.darya@mail.ru

Евплова Екатерина Викторовна,

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, доцент кафедры экономики, управления и права, кандидат педагогических наук, доцент. Российская Федерация, 454080, г. Челябинск, ул. Ленина, д. 69. E-mail: ekaterina@evplova.ru

Аннотация

Введение. Судьба высшего образования в России зависит в том числе и от того, какой образ доминирует в общественном сознании в настоящее время. Настроения педагогического сообщества, корпоративный климат образовательной организации оказывает непосредственное влияние на успех внедряемых реформ в сфере образования и работы образовательной организации. Корпоративная идентичность преподавателя высшей школы — идентификация педагогами себя как части университета — является ключом эффективного функционирования образовательной организации, признанием ее миссии, корпоративной философии.

Цель. Осуществить описание результатов исследования уровня корпоративной идентичности профессорско-преподавательского состава Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Методы. Для получения информации использовался метод опроса. В опросе принимали участие 569 студентов университета, 68 преподавателей и 12 человек вузовской администрации гуманитарно-педагогического университета.

Научная новизна исследования. Авторами проанализированы подходы и операционные механизмы формирования корпоративной идентичности в университете.

Результаты. Проанализировав ежеквартальные мониторинговые исследования, посвященные выявлению отношения студентов, преподавателей и высших руководителей университета к ряду факторов, сопровождающих процессы модернизации высшего образования, представим полученные результаты опросов, проводимых в педагогическом университете. В 2017—2018 гг. нами был проведено анкетирование среди студентов и сотрудников педагогического университета. Подробное описание полученных результатов представлено в статье.

Выводы. Успех предлагаемой технологии формирования корпоративной идентичности в первую очередь зависит от позиции ректора и всего управленческого состава университета. Очевидно, что направляющими векторами успеха в этой связи становится поддержание значимости университетской корпорации в целом для всех сотрудников.

Ключевые понятия:

высшее образование, высшая школа, корпоративная идентичность, преподаватель.

Введение

Проблемы высшей школы, безусловно, отражаются на трансформации российского общества в целом, являясь в некоторой степени вектором социально-экономических реформ. Современное российское университетское образование определяет новый вектор модернизации, функционирующие институты и агенты социально-экономические компоненты которого тесно взаимосвязаны и подчинены закономерностям развития системы в целом.

На сегодня роль личностного фактора в перестройке образовательной системы стала очевидной. Личностные характеристики преподавателя высшей школы, его социально-психологические особенности становятся неким катализатором успешности внедряемых реформ. Настроение педагогического коллектива, его творческий и нравственный микроклимат, идентичность, авторитетность, сплоченность — вот что определяет прежде всего судьбу современного университета.

Вузы столкнулись с качественно иными явлениями современности, среди которых:

1. Глобальная информационная сетевая организация коммуникаций, которая формируется в условиях цифровой экономики. Ректор Калифорнийского университета Кларк Керр, основоположник Генерального плана развития высшего образования штата Калифорния Соединенных штатов Америки, вводит новационную дефиницию — «мультиверситет» — как сложное многофункциональное и многоцентровое учреждение высшего образования, имеющего сложную сетевую структуру.
2. Появление инновационной прагматичной модели предпринимательского университета, повлекшее за собой коммерциализацию высшего образования. При этом смена ориентиров университетов «с истины на прибыль» не должна восприниматься как ценностный выбор высшей школы, а лишь вынужденной мерой в условиях жесткой конкуренции на рынке образовательных и научных услуг.
3. Преобразование высшей школы в институт повседневности, который вынужден служить бизнесу и государству, утратив свою яркую индивидуальность, традиционную сакральность и особую автономию.
4. Постоянно нагнетаемые западом сомнения в качестве российского образования, стремление перенять европейскую образовательную культуру практически приводит к истреблению национальной компоненты российской высшей школы. В глазах будущих абитуриентов российские университеты противоположны по своему имиджу не только некой абстрактно-идеальной форме высшей школы, но и вполне реальному современному западному вузу.
5. Современный университет часто противопоставляет себя науке, существующий долгое время принцип четкого разделения учебной дисциплины и науки привел к острому непониманию друг друга представителей различных предметных направлений. В сложившейся конфликтной ситуации необходимо найти четкое интегрирующее начало, объединить науку и университетское образование в своеобразный абсолют.

Тем не менее, российские вузы рассматриваются как организации с сильным корпоративным духом, которые дорожат некой университетской автономией, ярко выраженной академической свободой [1; 3; 4; 7; 11]. В нашей стране не вызывают удивления факты профессиональной одержимости конкретного преподавателя, непреодолимой любви к педагогическому труду, а также привязанности его к определенному университету. Нередки случаи, когда преподаватели вузов работают в одном университете династиями: отец — дети — внуки. Возможно, с точки зрения академической мобильности такие факты несут в себе неоднозначный отклик, но с точки зрения корпоративной идентичности это утопия.

В среде ученых и практиков становится все более распространенным мнение об утрате некой идентичности преподавателей высшей школы. Представленный феномен объясняется сочетанием разносторонних аспектов — технологических и социально-культурных, личностных и общественных, материальных и моральных.

Бесспорным является и факт того, что внутренняя среда университета в силу специфики педагогического труда не является тривиальной сферой услуг, а человеческие ресурсы высшей школы есть специфическая образовательная корпорация. Педагогическая деятельность — это многофакторный творческий процесс, результативность которого в большей степени, по мнению

авторов представленной статьи, зависит от стабильности профессорско-преподавательского состава, научного потенциала преподавателей высшей школы, взаимоуважения и бесспорной коллегиальности внутри педагогического сообщества.

Методы и материалы

В определенной мере это подтверждается проводимыми исследованиями. Представим полученные результаты опросов, проводимых в педагогическом университете. В 2017—2018 гг. авторами статьи было проведено анкетирование среди студентов и сотрудников Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (ЮУрГГПУ).

В опросе принимали участие 569 студентов, 68 преподавателей и 12 человек вузовской администрации.

Отметим, что студенческий возраст является сенситивным жизненным этапом становления личности, достаточно чувствительным к окружающей обстановке. Будущим педагогам была предоставлена возможность оценить профессорско-преподавательский состав университета по перечисленным ниже критериям.

Студентов в первую очередь попросили ответить на вопрос «Что Вам больше всего нравится в преподавателях?». Респондентам было предложено 17 вариантов для выбора:

- 1) любовь к профессии;
- 2) совершенствование профессиональных навыков;
- 3) глубокое знание своего предмета;
- 4) пунктуальность;
- 5) оптимизм;
- 6) умение заинтересовать своим предметом;
- 7) доброжелательность и понимание;
- 8) образованности;
- 9) культура общения, грамотная и богатая речь, четкая дикция;
- 10) умение найти общий язык со студентами;
- 11) эмоциональная стабильность;
- 12) внешняя привлекательность, умение одеваться соответственно своему возрасту, сочетать цвета в одежде;
- 13) разносторонняя развитость;
- 14) наличие своего стиля преподавания;
- 15) уважение по отношению к студентам;
- 16) наличие высокой степени (кандидат наук, доктор наук и т. д.);
- 17) активное участие в жизни вуза.

Преподавателям и администрации вуза также было предложено оценить профессиональные качества коллег по вышеуказанным категориям.

При этом отметим, что в недалеком прошлом Челябинский государственный педагогический университет был переименован в Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, поэтому предложенные в анкете вопросы касались исторических этапов существования педагогического университета.

Также не без внимания остались вопросы общей ситуации кризиса современной высшей школы. Далее продемонстрируем результаты проведенного нами исследования актуальных проблем образовательного пространства высшей школы.

Результаты

Полученные результаты исследования показывают, что к числу наиболее значимых качеств преподавателя высшей школы студенты относят: образованность педагога (19 %); глубокое знание преподаваемого предмета (12 %); доброжелательность (8 %), наличие ученой степени (5 %). Большое значение студенты уделяют стилю преподавания (6 %), пунктуальности педагога (7 %) и его оптимизму (4 %).

Для преподавателей значимыми являются такие качества педагога высшей школы, как умение заинтересовать своим предметом (26 %). В отличие от студентов, преподаватели придают большое значение разносторонней развитости педагога (15 %).

Преподаватели также уделяют внимание наличию таких качеств педагогов высшей школы, как любовь к профессии (15 %); умение находить общий язык со студентом (8 %); эмоциональная устойчивость (7 %); внешняя привлекательность (6 %); культура общения (5 %).

При этом сами преподаватели достаточно критично относятся к своим коллегам. Лишь 21 % респондентов высоко оценили общую эрудицию своих коллег, около 39 % — как средний уровень подготовленности, остальные опрошенные оценили качество преподавания и культуру речи своих коллег ниже среднего. Полученные результаты позволяют сделать неутешительные выводы: в современной образовательной практике педагогического вуза практически отсутствует коллегиальность, сплочение преподавателей, профессиональная взаимность.

В этот же период преподавателям была предложена анкета, включающая в себя

следующий вопрос: «Чего в вашей образовательной организации не хватает для полноценной комфортной работы?». 61 % выразили неудовлетворение необъективной оценкой педагогического труда, 18 % — организационной атмосферой, отсутствием корпоративной культуры, 14 % — взаимоотношением с руководителями.

Предложенные анкеты также содержали вопросы, касающиеся переименования Челябинского государственного педагогического университета в Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Результаты опроса представлены в табл. 1.

Вузовские руководители в большей степени, чем студенты и преподаватели настроены на положительные результаты переименования вуза. 37 % опрошенных преподавателей посчитали, что переименование вуза приведет к некому отхождению от истинного предназначения педагогического университета.

Не без внимания остались вопросы, касающиеся кризиса современного высшего образования. Разобщенность вузовских коллективов и отсутствие сотрудничества в инновационных процессах в качестве основной причины кризиса высшей школы назвала почти треть опрошенных, а нежелание части преподавательского состава использовать качественно новые формы и методы обучения — почти четверть (табл. 2).

Что касается руководящих работников университета, по их мнению, основными причинами состояния неопределенности высшего университетского образования являются:

- 1) недостаточное материально-техническое оснащение университетов — 34 %;
- 2) отсутствие у профессорско-преподавательского коллектива четкой ориентации на науку, патенты, открытия — 12 %;
- 3) усиливающая бюрократия управленческой деятельности — 11 %;
- 4) отсутствие корпоративной университетской культуры у преподавателей — 29 %;
- 5) консерватизм, отказ преподавателей от инновационных форм обучения — 4 %.

Обсуждение

Эффективные преобразования в образовательной среде, по нашему мнению, зависят во многом от психологического настроения

профессорско-преподавательского состава. Актуальность проблемы корпоративной идентичности преподавателя педагогического вуза увеличивается в контексте вполне естественных причин: руководство вуза считает важным формирование коллектива высококвалифицированных сотрудников, преданных университетскому сообществу.

При этом на сегодняшний день в российской науке отсутствует четкая формулировка термина «идентичность». Объясняется это сложностью и многоаспектностью рассматриваемой дефиниции, разнообразием концепций и методологии формирования корпоративной идентификации. Мы соглашаемся с интерпретацией Е. А. Догаевой [6], понимающей под корпоративной идентичностью результат эмоционально-когнитивного процесса отождествления себя с частью определенной организации.

Корпоративная идентичность — это такое социально-психологическое явление, при котором участники педагогического процесса, соблюдая совместный паритет, образуют основу нравственного климата коллектива, тем самым содействуя созданию продуктивных межличностных отношений [1; 7]. Отсутствие корпоративной идентичности в стенах современной высшей школы, по нашему мнению, приведет к появлению дополнительных препятствий для эффективного внедрения образовательной реформы [12; 13; 16]. Однако на сегодняшний день, когда в рабочий процесс в большей степени внедряются инновационные управленческие технологии, как это ни парадоксально звучит, корпоративная идентичность практически отсутствует в образовательной практике [17].

При анализе научной литературы [2—4; 11; 14; 15; 18 и др.], посвященной исследуемой тематике, можно выделить два ключевых подхода к интерпретации корпоративной идентичности преподавателя университета. Корпоративная идентичность, согласно первому подходу, есть ярко выраженное отождествление сотрудниками университета себя неотъемлемой единицей целостной системы высшей школы, выражающейся в признании нравственности и общественной ценности педагогического труда [5, с. 55].

Проблема поиска технологий, средств и механизмов корпоративной идентичности преподавателей в педагогическом вузе актуализирована и тем, что высшая педагогическая школа в условиях геометрической прогрессии происходящих изменений должна не только обучать, но и уметь

Таблица 1

**Вузовская общественность
о последствиях переименовании
Челябинского государственного педагогического университета, %**

Показатели	Студенты	Преподаватели	Руководители
Расширяет возможности педагогического университета	36	53	61
Стимулирует научную активность ППС	9	11	22
Просто способствует выживанию вуза	35	29	3
Может принести вред	7	4	13
Не задумываюсь об этом	13	3	1

Таблица 2

Преподаватели о трудностях, испытываемых в педагогическом процессе, %

Показатели	В значительной степени	Средне	Не мешает	Затруднились ответить
Различие в ценностных ориентациях членов педагогического коллектива	14	45	14	24
Неинформированность преподавателей о целях и задачах инноваций	17	36	20	27
Отсутствие сотрудничества в инновационных процессах с другими вузовскими коллективами	52	28	7	13
Стиль руководства	12	19	28	41
Различие в уровне профессионализма среди членов преподавательского коллектива	44	17	15	24
Отсутствие материальной заинтересованности преподавателей в научной инновационной деятельности	39	27	14	20

оперативно обучаться, адаптироваться и выживать.

Признаками существующей корпоративной идентичности являются:

- ощущение себя полноценным членом организации, отождествление с ней, а также некое ограждение от конкурентов;
- высокая осведомленности об истории, традициях, ценностях организации;
- наличие позитивных проявлений чувств по отношению к организации;
- высокая степень привязанности к организации;
- эмоциональная зависимость;
- осознанное соблюдение правил корпоративного поведения.

Что касается механизмов формирования корпоративной идентичности, то, по мнению отечественных и зарубежных исследователей, в их основе лежат коммуникативные процессы [8—10; 18—19]. Так, Н. Ю. Пименова отмечает, что основными элементами организационной культуры, оказывающими непосредственное воздействие на формирование и развитие корпоратив-

ной идентичности, выступают корпоративные коммуникации, корпоративный дизайн и корпоративное поведение, являющиеся, по сути, разновидностями коммуникации [11]. Как указывает А. Фисун, благодаря системе внутрикорпоративных коммуникаций сотрудник компании видит не только фрагмент «корпоративного пространства», но и всю картину в целом, благодаря чему он чувствует себя частью единого коллектива, сплоченного общими целями [14].

Корпоративная идентичность преподавателя российского университета на всех этапах модернизации отечественного образования развивалась и поддерживалась средствами активного участия во внутривузовском самоуправлении, поддержкой защищенных кандидатов и докторов наук, комплектованием ведущих кафедр, межвузовскими связями (сетевое взаимодействие в системе вуз — колледж — вуз), совместной научно-методической деятельностью, профориентационной работой с будущими педагогами.

Своеобразный многокомпонентный вузовский стиль, уважительное отношение к

историзму университета, философские компоненты мировоззрения высшей школы являются областями проявления корпоративной идентичности преподавателя.

Довольно часто в головах современной молодежи возникают негативные стереотипы при слове «преподаватель». Это образ человека, который выбрал карьеру от безысходности, вследствие отсутствия способностей и знаний в более перспективных отраслях либо пришел в профессиональную педагогику, чтобы избежать службы в армии, быть «любимчиком» среди женского коллектива (касательно мужского пола). Но ни в коем случае нельзя забывать, что преподаватели всегда относились к общественной элите, а умение учить категорично воспринималось как дар, способность, которой обладает далеко не каждый.

Становлению корпоративной идентичности препятствует в определенной мере резкое падение престижа педагогического труда и репутация педагогов в обществе. В этом плане под корпоративной идентичностью преподавателя педагогического вуза мы понимаем в полном смысле самоидентификацию высококвалифицированно-специалиста в области педагогики, его приверженность к педагогическому труду, которая является объединяющей основой эффективной реализации функций образования [17].

Существует и другая точка зрения на корпоративную идентичность преподавателя педагогического университета, более узкая, акцентирующая внимание на эмоциональной привязке к конкретному образовательному учреждению. Здесь мы говорим о некой верности выбранному университету, о приверженности к нему на протяжении всего профессионального пути. В данном контексте корпоративная культура преподавателя складывается из трех взаимосвязанных компонентов: когнитивного, эмоционально-оценочного и поведенческого.

Под когнитивным компонентом понимается информационная составляющая идентичности, знания об истории университета, традициях, руководителях и их успехах.

Основой эмоционально-оценочной составляющей является когнитивный компонент идентичности преподавателя, интерпретация имеющихся знаний об университете в форме отрицательных или положительных аттитудов. К положительным формам относят гордость за университет, сложный комплекс чувств, знаний, действий, обычно артикулируемых как любовь к вузу.

Отрицательные, в свою очередь, выражаются негативными эмоциями к содержанию и формам проведения учебных занятий, недовольством стилем руководства, отсутствием карьерного роста в условиях низкого финансирования и т. д.

Корпоративное поведение является неотъемлемой частью корпоративной идентичности преподавателя. Индивидуальное поведение зависит от ценностных установок и ориентиров, личностного отношения к педагогическому труду. Сообщество преподавателей, объединение разноспециализированных кафедр в единую сильнейшую корпоративную систему университета есть результат грамотного эффективного корпоративного поведения.

Большой опыт работы в российском педагогическом вузе авторов данной научной статьи свидетельствует о том, что существующие проблемы формирования корпоративной идентичности преподавателей особенно и не решаются, а если быть точнее, руководство вуза вообще не считает данное направление интересным и перспективным, выделяя более «важные» ориентиры развития университета. Помимо всего прочего, сами преподаватели, описывая идеологию и философию своего университета, часто путаются в датах, концепциях, они используют общепринятые клише, подчеркивая важность педагогического труда и воспитания. Интересным является факт несовпадения взглядов преподавателей на тривиальные позиции, касающиеся университета, но, наряду с этим, педагоги пафосно повторяют избитые фразы о своей гуманной миссии обучать.

На наш взгляд, подобное отношение опасно для образовательной среды следующими последствиями:

- 1) в университетской корпорации у педагогов формируется четко устоявшееся представление о собственной ненужности, а значит, и ненужности результатов своей работы, вопрос об ее эффективности становится риторическим;
- 2) государство перестает поддерживать неэффективное образовательное учреждение, постепенно встает вопрос о его закрытии;
- 3) немногочисленная молодежь, работающая в сфере образования, отдает предпочтение коммерчески выгодным бизнес-проектам.

Для решения вышепредставленных проблем необходимо применять инновационные механизмы и технологии формирования

корпоративной идентичности преподавателя педагогического вуза с целью эффективного его функционирования на фоне снижения престижа педагогической профессии.

В основе формирования ядра интегрированной корпоративной идентичности следует использовать принцип «едины в главном, расходимся в частностях», который позволит минимизировать угрозу унификации, обывательского усреднения в восприятии университета и в большей мере избежать формирования предписанной, навязанной корпоративной идентичности преподавателя педагогического вуза.

Мы выделяем два принципиальных момента. Во-первых, характеристики вуза должны быть реальными, без ложной информации. Экспертами в данном вопросе могут служить преподаватели и сотрудники педагогического университета, знающие всю историю вуза не понаслышке.

Во-вторых, преподаватели должны ощущать себя неотъемлемой частью целостного «университетского организма», проживать и сопереживать все изменения, которые с ним происходят в течении текущего периода, быть носителями характеристик образовательной корпорации, с гордостью распространяя информацию как внутри, так и снаружи университета.

Важным условием консолидации должны стать четко сформулированная внутренняя цель деятельности, не навязанная руководством и несписанная из модного зарубежного журнала, концепции деятельности, методы, принципы и закономерности ведения педагогического процесса.

Отдельным направлением работы на семантическом этапе является совместная работа над имиджем кафедры, факультета и университета в целом. У имиджа существует две стороны медали: искусственно создаваемая и реальная, представляющая собой в некоторой степени определенный результат его функционирования.

Этап прагматической направленности предполагает укрепление имеющихся традиций (коллективное празднование отдельных внутривузовских праздников, чествование заслуженных педагогов, ритуалы и т. п.), корпоративных норм и правил поведения.

При формировании корпоративной идентичности профессорско-преподавательского состава необходимо учитывать возможные операционные механизмы, которые позволят в более мягкой форме добиться положительного результата: внуше-

ние, разъяснение, заражение, подражание и идентификация.

Внушения — это социально-психологический способ, синтезирующий единицы в одно целое путем формирования общего состояния, который на следующем этапе перерастет в групповую деятельность. По мнению В. М. Бехтерева, внушение направлено не к разуму, а к прививанию эмпатий, чувственности, привязанности, и здесь отсутствие логики вполне допустимо [2].

В. М. Бехтерев отмечает, что «внушение есть один из способов влияния одних лиц на другие, которое может происходить как намеренно, так и ненамеренно со стороны влияющего лица и которое осуществляется иногда совершенно незаметно для человека, воспринимающего внушение, иногда же оно происходит с ведома и при более или менее ясном его сознании».

Особенно важен авторитет личности, осуществляющей внушение: уважение и доверие, которое заслуживает данный человек должно быть бесспорным, непоколебимым. Необходимо подчеркнуть важность предварительной подготовленности индивида ко внушению: получаемая информация должна соответствовать реальности.

Внушение тесно связано с разъяснением, убеждением. Разъяснение, безусловно, основывается на логических фактах и доказательствах, при этом затрагивая не только рациональную сферу, но и сферу эмоций. Убеждая, необходимо быть последовательным, логичным, учитывать психологические особенности оппонентов и быть четко убежденным в своей правоте.

Особая роль отводится специфичным операционным механизмам формирования корпоративной идентичности среди профессорско-преподавательского состава — заражению и подражанию.

Подражание подпитывается безграничным уважением, следованием какому-то образцу, примеру (например, всеми уважаемому ректору, прошедшему трудный профессиональный путь, оставившему после себя эффективно функционирующий университет). Среди педагогов подражание возникает стихийно, независимо от подражающего. Автоматически, бессознательно, слушая речь уважаемого коллеги, педагог в процессе учебной деятельности начинает подражать, повторять запомнившиеся фразы.

Неоднозначную, но весьма интересную роль играет механизм заражения. Заражение — это процесс передачи эмоционально-

го отношения, своего отношения к тому или иному явлению посредством ясных и понятных стимулов и мотивов. Можно применить нетривиальную фразу: «заразить любовью к университету».

Идентификация отличается от подражания всегда сознательным следованием за образцом, непосредственное переживание тождественности со своей alma mater.

Одним из ключевых условий, определяющих формирование корпоративной идентичности, является установка. Установка определяет готовность личности воспринимать информацию и происходящие явления и процессы. Установка должна быть позитивна, но максимальна приближена к истине, иметь четкую цель, характерную ориентацию.

Мы рассматриваем корпоративную идентичность как комплексную систему способностей, качеств и умений, в совокупности составляющих его эτικο-исторические основы. В данную систему непременно должны включаться следующие компоненты: высокая профессиональная культура, нравственность и образованность, нестандартное творческое мышление, память на достойных людей, интуиция и доверие, реалистическая установка на качественное образование, разумность и гуманизм.

Руководитель высшей школы, по нашему мнению, должен обладать следующими способностями, поддерживающими корпоративную идентичность профессорско-преподавательского состава:

- 1) умение прогнозировать оптимистическое будущее университета с опорой именно на преподавателей, вера в своих сотрудников;
- 2) творческое мышление, или креативность. Способность формулировать задачи и цели вуза, исполнение которых профессорско-преподавательский состав сочтет за честь;
- 3) отдавать полный отчет в происходящих изменениях в коллективе, поддерживать инициативу преподавателей в проведении праздников, посвященных истории вуза;
- 4) эмпатия — способность руководителя вставать на позицию сотрудников, разделять их взгляды, отождествлять себя с ними;
- 5) способность к волевому воздействию и логическому убеждению;
- 6) способность избирательно, но вместе с тем эффективно использовать механизмы операционных средств руководства: внушением, убеждением, подражанием и заражением.

Заключение

Успех предлагаемых операционных механизмов формирования корпоративной идентичности профессорско-преподавательского состава в первую очередь зависит от позиции ректора и всего управленческого состава педагогического университета. Очевидно, что направляющими векторами эффективности предложенных выше операционных механизмов в этой связи становится поддержание значимости университетской корпорации в целом для всех сотрудников. В противном случае либо становится невозможным формирование целостной корпоративной идентичности, либо, как свидетельствуют исследования в области менеджмента, в вузе происходят серьезные структурные и кадровые изменения.

Таким образом, корпоративная идентичность преподавателя высшей школы — идентификация педагогами себя как части университета — является ключом эффективного функционирования образовательной организации, признанием ее миссии, корпоративной философии. Преподаватели являются информационными носителями культуры высшей школы, его ценностей и традиций, имиджа не только в период своей профессиональной деятельности, но и в предшествующий. В зависимости от того, насколько профессорско-преподавательский состав разделяет ценности своей alma mater, эти ценности разделяются общественностью.

1. Бабинцев В. П. Бюрократизация регионального вуза // Высшее образование в России. 2014. № 2. С. 30—37.

2. Бадмаев В. Н. Миссия и идентичность университета // Вестник Калмыцкого университета. 2015. № 2 (26). С. 38—43.

3. Бизюк А. В., Виткаленко Д. О. Методика создания корпоративного стиля // Восточно-Европейский журнал передовых технологий. 2011. № 10 (49). С. 31—33.

4. Ван Дик Р. Преданность и идентификация с организацией : пер. с нем. Харьков : Гуманитар. центр. 2006. 142 с.

5. Вишленкова Е. Символы Казанского университета // Высшее образование в России. 2004. № 10. С. 80—88.

6. Гальдикас В. А. Оценка реализации кадрового потенциала в системе управления образовательными услугами вуза : дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2012. 206 с.

7. Емельянов С. Г. Интегрированная оценка инновационного потенциала вуза // *Инновации*. 2006. № 6. С. 93—98.

8. Крылов А. Н. Корпоративная идентичность для менеджеров и маркетологов : учеб. пособие. М. : ИКАР. 2004. 226 с.

9. Куценко А. И., Лашкова А. И. Корпоративная идентификация бизнеса: бренд-бук и паспорт фирменных стандартов : монография. Новокузнецк : Изд. центр СибГИУ. 2011. 262 с.

10. Липатов С. А. Социальная идентичность работников в организационных условиях: идентичность и организация в меняющемся мире : сб. науч. ст. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ. 2008. С. 191—212.

11. Пименова Н. Ю. Особенности формирования корпоративной идентичности в системе дистанционного обучения: опыт Владивостокского государственного университета экономики и сервиса // *Университетское управление*. 2004. № 5—6 (33). С. 163—172.

12. Роуден М. Корпоративная идентичность. М. : *Добрая книга*, 2007. 296 с.

13. Скворцова Т., Стернин И. О корпоративной идентичности // *Управление компанией*. 2007. № 2. С. 64—67.

14. Фисун А. Внутрикorporативные коммуникации: проблемы построения эффективной системы. URL: <http://www.fisun-alexey.livejournal.com/5523.html> (дата обращения: 11.08.2018).

15. Ходакевич А. Н. Формирование и развитие кадрового потенциала организации : дис. ... канд. пед. наук. СПб, 2007. 227 с.

16. Шарков Ф. И. Интегрированные PR-коммуникации. М. : РИП-Холдинг. 2004. 272 с.

17. Шукшунов В. Е. Инновационный потенциал высшей школы России. Новочеркасск : ЮРГТУ (НПИ), 2002. С. 14.

18. Merton R.K. The Normative Structure of Science, in *The Sociology of Science*. Chicago : University of Chicago Press, 1973.

19. McClellan III J. E., Dorn H. *Science and Technology in World History*. 2nd ed. London : Johns Hopkins university press, 2006. P. 121.

References

1. Babincev V.P. (2014) *Vysshee obrazovanie v Rossi*, no. 2, pp. 30—37 [in Rus].

2. Badmaev V.N. (2015) *Vestnik Kalmyckogo*, no. 2 (26), pp. 38—43 [in Rus].

3. Bizyuk A.V., Vitkalenko D.O. (2011) *Vostochno-Evropejskij zhurnal peredovyh technologii*, no 10 (49), pp. 31—33 [in Rus].

4. Van Dik R. (2011) Predannost' i identifikaciya s organizaciej. Har'kov, Gumanitarnyj centr, 142 p. [in Rus].

5. Vishlenkova E. (2004) *Vysshee obrazovanie v Rossii*, no. 10, pp. 80—88 [in Rus].

6. Gal'dikas V.A. (2012) Ocenka realizacii kadrovogo potenciala v sisteme upravleniya obrazovatel'nymi uslugami vuza. Thesis. St. Petersburg, 206 p. [in Rus].

7. Emel'yanov S.G. (2006) *Innovacii*, no. 6, pp. 93—98 [in Rus].

8. Krylov A.N. (2004) Korporativnaya identichnost' dlya menedzherov i marketologov. Moscow, IKAR, 226 p. [in Rus].

9. Krylov A.N. (2004) Korporativnaya identichnost' dlya menedzherov i marketologov. Moscow, IKAR, 226 p. [in Rus].

10. Kucenko A.I., Lashkova A.I. (2004) Korporativnaya identifikaciya biznesa: brend-buk i pasport firmennyh standartov. Novokuzneck, SibGIU, 262 p. [in Rus].

11. Lipatov S.A. (2008) Identichnost' i organizaciya v menyayushchemsya mire. Moscow, pp. 191—212 [in Rus].

12. Pimenova N.Yu. (2004) *Universitetskoe upravlenie*, no. 5—6 (33), pp. 163—172 [in Rus].

13. Rouden M. (2007) Korporativnaya identichnost'. Moscow, Dobraya kniga, 296 p. [in Rus].

14. Skvorcova T., Sternin I. (2007) *Upravlenie kompaniej*, no. 2, pp. 64—67 [in Rus].

15. Fisun A. Vnutrikorporativnye kommunikacii: problemy postroeniya ehffektivnoj sistemy. Available at: <http://www.fisun-alexey.livejournal.com/5523.html>, accessed 11.08.2018 [in Rus].

16. Hodakevich A.N. (2007) Formirovanie i razvitie kadrovogo potenciala organizacii. Thesis. St. Petersburg, 227 p. [in Rus].

17. Sharkov F.I. (2004) Integrirovannye PRkommunikacii. Moscow, RIP-holding. 272 p. [in Rus].

18. Shukshunov V.E. (2002) Innovatsionnyi potentsial vysshei shkoly Rossii. Novocher-kassk, YURGTU (NPI), p. 14 [in Rus].

19. Merton R.K. (1973) The Normative Structure of Science, in *The Sociology of Science*, Chicago, University of Chicago Press. [in Eng].

20. McClellan III J. E., Dorn H. (2006) *Science and Technology in World History*. 2nd ed. London, Johns Hopkins university press, p. 121 [in Eng].

For citing: Gnatyshina E.A., Uvarina N.V.,
Gordeeva D.S., Evplova E.V.
Revisiting the corporate identity
of a university teacher: the reality
of modern times //
Socium i vlast'. 2018. № 5 (73). P. 28—37.

UDC 333.1

REVISITING THE CORPORATE IDENTITY OF A UNIVERSITY TEACHER: THE REALITY OF MODERN TIMES

Elena A. Gnatyshina,

South Ural State Humanitarian
Pedagogical University,
Professor of the Department Chair of Training
Teachers, Vocational Training
and Subject Methodology,
Doctor of Education, Professor.
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, prospect Lenina, 69.
E-mail: mopr9@mail.ru

Natalya V. Uvarina,

South Ural State Humanitarian
Pedagogical University,
Professor of the Department Chair of Training
Teachers, Vocational Training
and Subject Methodology,
Doctor of Education, Professor.
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, prospect Lenina, 69.
E-mail: uvarinanv@cspu.ru

Darya S. Gordeeva,

South Ural State Humanitaria
Pedagogical University,
Associate Professor of the Department Chair
of Economics, Management and Law,
Cand. Sc. (Education), Associate Professor.
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, prospect Lenina, 69.
E-mail: gordeeva.darya@mail.ru

Ekaterina V. Evplova,

South Ural State Humanitarian
Pedagogical University,
Associate Professor of the Department Chair
of Economics, Management and Law,
Cand. Sc. (Education), Associate Professor.
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, prospect Lenina, 69.
E-mail: ekaterina@evplova.ru

Annotation

Introduction. The future of higher education depends in particular on what image dominates in public consciousness nowadays. Sentiments of educational community, corporate atmosphere in an educational institution has a direct impact on success of implemented reforms in the sphere of education and activity of an educational establishment. Corporate identity of a university teacher, identifying themselves as a part of university is a key for effective functioning of an educational establishment, acknowledging its mission, corporate philosophy.

The aim of the work is to describe the results of studying the level of corporate identity of the academic teaching staff of South Ural State Humanitarian Pedagogical University.

Methods. To get the information the author used the interview method. 569 students of the University, 68 teaching staff and 12 administrative staff of Humanitarian Pedagogical University have been interviewed.

Scientific novelty of the study. The authors analyzed approaches and operational mechanisms of forming corporate identity at the University.

Results. Having analyzed quarterly surveillance studies, devoted to uncovering the students, teachers and administrative staff's attitude to a number of factors accompanying the processes of higher education modernization, the authors present the results of surveys held at the University.

In 2017—2018 we held polling among students and staff members of the university. The detailed description of the polling results is presented in the article.

Conclusions. Success of the suggested technology of forming corporate identity firstly depends on the Rector and administrative staff's views. It is obvious that directing vectors of success in this context become supporting the importance of university corporation generally for the whole staff.

Key concepts:

higher education,
higher school,
corporate identity,
teacher.

Для цитирования: Сони́на Е. О.
Проблема концептуализации подходов
к реформированию системы
государственного управления
на современном этапе // *Социум и власть*. 2018. № 5 (73). С. 38—45.

УДК 321.01

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОДХОДОВ К РЕФОРМИРОВАНИЮ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Сони́на Екатерина Олеговна,

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Уральский институт управления — филиал,
доцент кафедры философии и политологии,
кандидат политических наук.
Российская Федерация, 620990,
г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 66.
E-mail: soninaeo@gmail.com

Аннотация

Введение. Доминирующие на сегодня концептуальные подходы к реформированию государственного управления анализируются с позиций существующих в научном дискурсе и практике реформирования современных точек зрения на задачи и перспективы государства, исходя из специфики условий и «вызовов», стоящих перед ним как институтом.

Цель. Проанализировать аккумулируемые концептуальные подходы к реформированию государственного управления с точки зрения возможности обеспечения модернизации

государства как института на современном этапе, его трансформацию, исходя из характера актуальных задач, выявить риски и перспективы предлагаемых подходов к построению системы государственного управления.

Методы. В статье используются методы системного, институционального и концептуального анализа, а также при анализе конкретных программ и проектов реформирования государственного управления — метод контент-анализа.

Научная новизна исследования. Статья представляет собой последовательный системный анализ современных концепций реформирования государственного управления в сопоставлении с актуальными подходами к определению перспектив государства как института. Дается оценка указанных подходов с точки зрения роли системы государственного управления в процессах модернизации общества.

Результаты. В статье систематизированы основные современные концептуальные подходы к реформированию государственного управления, выявлены их перспективы и риски с позиций возможности обеспечения не только стабильности государства, а его функционирования как одного из ключевых институтов развития общества.

Выводы. Автор отмечает важность обязательного соотнесения выбираемой модели реформирования государственного управления со сложившейся моделью государства и возможностью обеспечить его функционирование как института, агрегирующего модернизационные процессы.

Ключевые понятия:

государство,
административная реформа,
New Public Management,
Good Governance.

Все нарастающие темпы внедрения и освоения технологических изменений, существенное усложнение структур социальной коммуникации, ситуация «диффузии власти», нарастающая конкуренция за сферы влияния между государством и негосударственными институтами, сохраняющими контроль за определенными ресурсными сферами, принципиально меняют среду существования государства как политического, социального и экономического института. Все чаще в научном и политическом дискурсе данная среда идентифицируется в терминах не «условий», а «вызовов», «угроз», имеющих крайне разнородную природу.

Главным из этих вызовов с позиций теории модернизации является несовпадение темпов освоения изменений государством (в его классическом понимании) и обществом, «запаздывание» реформ по отношению ко все менее прогнозируемым и одновременно необратимо нарастающим скоростью глубинным социальным, технологическим и экономическим сдвигам в современном мире.

«Рациональное государство» и New Public Management

Самой радикальной позицией в оценке перспектив и возможностей государства «вписаться» в темпы происходящих глобальных изменений оказывается аккумулируемое в политическом и научном дискурсе мнение о кризисе государства и межгосударственных объединений, их неэффективности исходя из природы вызовов, стоящих перед ними на современном этапе. Согласно этой точке зрения, мы становимся свидетелями глобального кризиса государства, которое все больше утрачивает способность сохранять контроль за обеспечивающими его стабильность ресурсами и исполнять взятые на себя обязательства по поддержанию правопорядка, защите населения от внешних угроз и его обеспечению социально значимыми благами [8, с. 413—507]. Это приводит постепенно к утрате государством своей легитимности, усилению позиций наднациональных, прежде всего негосударственных образований, и в обозримом будущем может привести к радикальной трансформации всего современного миропорядка.

Менее радикальными являются позиции, предлагающие оптимизировать затраты государства на выполнение обязательств, которые не отвечают задачам развития, или концепции, направленные на максимальное

вовлечение населения в управление государством. Первый из обозначенных подходов активно применялся в рамках неолиберальной политики с ее установкой на обеспечение в первую очередь экономических свобод, реализацию гибкой налоговой политики, минимизацию присутствия государства в экономической сфере, активное стимулирование инвестиций, как внешних, так и внутренних. Главная цель такой политики — это переложение части обязательств государства на негосударственный экономический сектор, обеспечение государственного развития за счет применения механизмов частно-государственного партнерства, поддержку конкуренции [3]. Такой подход к пониманию задач современного государства, возможностям преодоления временных лагов в темпах государственных и социальных, экономических, технологических изменений получил свое воплощение в концепции так называемого «рационального государства» [19] и на практике был реализован при проведении реформ в Соединенных Штатах Америки в период правления президента Р. Рейгана и в Великобритании в период пребывания на посту премьер-министра М. Тэтчер.

Рационализация деятельности государства за счет сокращения его расходных обязательств, активное привлечение к выполнению государственных функций экономических агентов стимулирует экономический рост и экономическое развитие, но несет в себе и ряд существенных рисков. Первый из них связан с потенциальной возможностью утраты со стороны государства контроля за сферами, которые имеют стратегическое значение с точки зрения обеспечения его развития и национальной безопасности. Несмотря на крайнюю гибкость экономических агентов в освоении прогрессивных технологий, инновационных подходов к управлению и организации социальной жизни, основным гарантом обеспечения безопасности населения от возможных негативных эффектов освоения данных технологий выступает все-таки государство и стабильное правовое регулирование.

Во-вторых, «уход» государства из социальной сферы и ориентация на обеспечение экономического развития без должной поддержки социально незащищенных слоев населения со стороны государственных институтов порождает серьезные риски усиления социального неравенства и, как следствие, риски утраты доверия к органам публичной власти [2; 13]. Глубокие социальные кризисы поражали практически все политические

системы, где государственные преобразования по неолиберальному сценарию оказались несостоятельны.

Наконец, указанный рациональный подход к деятельности государства не дает ответа, как решать проблемы, которые потенциально могут создавать глобальные угрозы, но в данный момент таковыми не ощущаются и решение которых никакой очевидной экономической ренты, экономического роста не дает (например, экологические проблемы, проблемы климата, истощаемости природных ресурсов и т. д.).

В практике государственного управления концепция «рационального» государства получила свое воплощение в модели New Public Management (NPM-модель, модель нового государственного управления), в соответствии с принципами которой реализовывались административные реформы в 1980—1990-е гг. в англосаксонских системах. Благодаря признанию в качестве рекомендуемой Всемирным банком, Международным валютным фондом и Организацией экономического сотрудничества и развития [18] во второй половине 1990-х гг. модель New Public Management стала приоритетной для модернизации систем государственного управления в большинстве стран.

Цели административной реформы в соответствии с принципами NPM-модели отвечали целям экономической рационализации деятельности государства, главной из которых было повышение его эффективности и способности к освоению изменений. Эффективность при этом понималась в экономическом смысле — как достижение поставленных целей с максимально возможной минимизацией затрат и формированием максимально возможной ренты за счет этой минимизации [5, с. 106]. Предполагалось, что повысить эффективность государственного управления можно за счет понимания процесса выполнения государственных функций как государственных услуг с оценкой их качества в опоре на мнение основных потребителей — граждан, внедрения принципов проектного управления и конкуренции в государственном секторе, обеспечения информационной открытости деятельности органов власти, привлечения к процессу выполнения государственных функций негосударственных, в первую очередь, экономических агентов [10].

Модель нового государственного управления предполагала кардинальный пересмотр места государства в жизни общества: государство оказывалось не доминирующим по отношению к нему субъектом, реализую-

щим преимущественно функции контроля и надзора, а «служащим, основной функцией которого является производство общественно значимых услуг» [7, с. 48]. При этом под понятие «государственных услуг» попадала и деятельность государства, связанная с обеспечением защиты жизни населения: правоохранительная деятельность, военная оборона, обеспечение противопожарной безопасности и так далее.

Главным положительным эффектом от реализации принципов NPM-модели в системе государственного управления для населения должно было стать повышение чувствительности государства к его нуждам, повышение качества государственных услуг, возможность осуществления общественного контроля за деятельностью государства и экономия затрат граждан как налогоплательщиков на ее обеспечение.

Внедрение принципов New Public Management, действительно, способствовало повышению экономической эффективности государства, обеспечению его информационной открытости, гибкости и «маневренности» в освоении инноваций и изменений [1, с. 189]. Но одновременно NPM-модель таила в себя все риски «рационального» государства, связанные с угрозой утраты его легитимности и способности сохранять контроль за стратегически важными для обеспечения развития и безопасности государства сферами [12, с. 7]. Основным поводом для критики данной модели организации системы государственного управления стало понимание того, что к оценке эффективности деятельности государства не применимы в полной мере подходы, характерные для оценки эффективности систем управления в негосударственном секторе, так как цели государственного управления и менеджмента в негосударственном секторе существенно разнятся. Предоставление услуг государственными учреждениями не находится в прямой зависимости от критериев экономической целесообразности и возможности получения от повышения их качества экономической ренты. Специфика государства как института заключается в том, что оно изначально ориентировано на достижение коллективных целей, удовлетворение коллективных потребностей и обеспечение согласования коллективных ценностей [4, с. 30]. Поэтому качество государственного управления не может быть определено вне ценностных критериев, способности обеспечить сохранность таких ценностей, как равенство, справедливость, свобода, вне оценки качества правового регулирования как

механизма, обеспечивающего реализацию данных ценностей в обществе и его отношениях с государством. Иначе оно утрачивает свое назначение и смысл как политический, социальный и правовой институт.

На фоне проявившихся в начале 2000-х гг. сомнений в универсальности NPM-модели для модернизации системы государственного управления и понимания рисков подобной универсализации в научном и экспертном дискурсе стали появляться другие точки зрения и мнения относительно возможных подходов к определению задач государства, его приоритетов на современном этапе и целей, исходя из этого, административных реформ.

«Сетевое» государство и Good Governance

Другим подходом к переосмыслению функций и задач государства, исходя из характера современных условий его функционирования и происходящих глобальных изменений, является концепция « сетевого » государства.

Понятие «сетевое государство» впервые было введено Мануэлем Кастельсом в его работе «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» [6]. Анализируя роль новых информационных технологий в современном обществе, М. Кастельс разводит понятия «информационное» и «информациональное» общества, обращая внимание, что принципиальным на данном этапе его развития является не просто сам факт владения или передачи информации. Фундаментальными источниками производительности и власти стали «генерирование, обработка и передача информации» [6, с. 42—43], то есть процесс трансформации информации в знание. Впервые в истории человеческая мысль сама оказывается производительной силой, а не просто определенным элементом производственной системы.

Эскалирующее освоение обществом новых информационных технологий разрушает иерархические структуры власти, стирая в какой-то мере различие между пользователем и создателем, приводит к ситуации глобального перераспределения власти, когда «не мы контролируем их, а они нас» [6, с. 496]. В условиях «информационного» общества степень обладания властью напрямую зависит от сохранения способности управлять и одновременно участвовать в процессах аккумуляции информации и знания. Общество все больше приобре-

тает сетевую структуру, а традиционные политические институты утрачивают свой привычный статус субъектов политических изменений.

Доминирование сетевых структур приводит к снижению «удельного веса» традиционного государства в политических и социальных процессах, сокращению его полномочий и постепенной утрате контроля над ключевыми ресурсами. Но это не означает, что государство исчезает как один из основных, наиболее влиятельных институтов. Оно сохраняет за собой свои ключевые функции, связанные с обеспечением стабильности общества и национальной безопасности. Принципиально меняется характер взаимодействия государства с обществом, структура государственного управления, процесс принятия политических решений, в котором общество наряду с государством становится полноценным субъектом влияния, обладая ничуть не меньшей по сравнению с государством властью [11].

«Сетевое» государство основано на сети политических институтов и органов принятия решений различных уровней, «неизбежное взаимодействие которых трансформирует принятие решений в бесконечные переговоры между ними» [6, с. 525]. Ключевыми задачами в условиях доминирования «информационного» общества оказываются обеспечение стабильности коммуникации общества и власти, создание условий для участия населения в процессе принятия политических решений, предупреждение конфликтов за счет своевременного реагирования на точки возможного напряжения в отношениях общества и власти.

«Сетевая» модель государства является одной из наиболее гибких к потребностям общества, позволяет разрешать конфликты между властью и обществом на стадии их возникновения, а также предполагает, что развитие государства будет обеспечиваться за счет максимального использования человеческого капитала и личной заинтересованности граждан в таком развитии.

Но «сетевая» модель государства не является универсальной, и следование ей может сопровождаться целым рядом рисков. Прежде всего подобная модель крайне затратна: как по времени, так и материальным ресурсам. «Сетевая» модель государства строится на согласовании, возможности поиска и нахождения компромиссного решения. А это означает необходимость обработки огромных массивов информации, поступивших предложений, проведение целого ряда согласительных процедур [16].

Все эти процессы невозможны без наличия соответствующей инфраструктуры и создания институциональных рамок, в которых они осуществляются.

Во-вторых, специфика современных условий существования государства заключается в необходимости максимально оперативной реакции и повышения скорости принимаемых политических решений, что зачастую не позволяет тратить существенно время на их согласование и поиска компромиссного варианта.

В-третьих, «сетевая» модель государства очень требовательна к компетенции как властных субъектов, которые должны обладать как минимум коммуникативными навыками, способностью балансировать между различными группами интересами, принимать чужую точку зрения и аргументированно отстаивать свою. Не менее требовательна данная модель и к гражданам, которые должны занимать активную жизненную позицию, быть готовыми к разделению ответственности с государством за принимаемые решения, экспертно включаться и погружаться в анализ специфики функционирования и развития различных сфер жизни общества. Поэтому подобная партнерская модель может работать только при условии состоятельности и зрелости институтов гражданского общества, высокого уровня развития демократических институтов, культуры политического участия в обществе и реальной, внутренне осознанной ответственности органами публичной власти.

Из аккумулируемых на сегодня подходов к организации системы государственного управления наиболее адаптивный к «сетевой» модели государства является Governance-парадигма. Концепция «Good Governance», или «достойного управления», возникает на фоне критики менеджеральных подходов к организации государственного управления. Принципиальное отличие данной модели — это ориентация на граждан не как на потребителей государственных услуг, а как на их «сопроизводителей» [7, с. 52].

Впервые понятие «Good Governance» было употреблено на Ежегодной конференции Всемирного банка в области экономического развития [8]. Как самостоятельная модель построения государственного управления «Good Governance» оформилась в 1997 г., когда вышла соответствующая программа развития ООН «Governance» [21]. Ключевым моментом в данной концепции является отход от применения понятия

эффективности в экономической интерпретации к оценке деятельности органов публичной власти. Эффективная система государственного управления предполагает не только (и даже не столько) возможность оптимизации затрат на обеспечение реализации государственных функций. Согласно концепции «Good Governance», эффективность системы государственного управления определяется показателями качества жизни населения, степенью его вовлеченности в процесс принятия государственных решений, возможностью реализации общественного аудита за деятельностью органов власти [14; 15]. Открытые, готовность к изменениям, способность наращивать свою компетенцию, медиация конфликтов в отношениях общества и власти, обеспечение верховенства права при принятии политических решений, равная ответственность всех участников данного процесса оказываются главными принципами системы государственного управления, построенной в соответствии с моделью «Good Governance».

Данная модель на сегодня принята развитыми странами в качестве приоритетной при реформировании государственного управления. Анализ выполнения принципов «Good Governance» в процессах принятия государственных решений содержится в Ежегодных докладах Генерального секретаря Совета Европы «О состоянии демократии, прав человека и роли закона» [17]. По такой модели пытаются сейчас идти многие классические бюрократические системы, ориентированные на модернизацию. В частности, Франция активно поддерживает институты партисипативной демократии и местного самоуправления, внедряет механизмы обязательного публичного обсуждения и общественной экспертизы проектов нормативных правовых актов и стратегических проектов. Германия, активно внедряя пилотный проект «открытых правительственных инициатив» [17, с. 79].

«Governance»-парадигма очевидно обладает целым рядом преимуществ по отношению к NPM-модели, но она также не лишена рисков, которые во многом коррелируют с рисками «сетевой» модели государства. Прежде всего она тоже очень требовательна к власти и населению как соучастникам процесса государственного управления с точки зрения готовности взять на себя ответственность за соисполнение государственных задач, стратегического видения перспектив государства и готовности к осмысленному диалогу, постоянному наращиванию своего человеческого капитала.

А во-вторых, данная модель достаточна затратна с точки зрения ресурсов, необходимых для ее реализации: человеческих (соответствующий уровень компетентности населения и власти), временных (длительные периоды согласования решений), технологических (обязательное использование информационных технологий).

И, наконец, всегда будут оставаться исключительные функции государства, к «соисполнению» которых крайне сложно привлечь население, — это функции, связанные с обеспечением национальной безопасности [9].

Несмотря на все указанные недостатки, «Governance»-парадигма является наиболее гибким подходом с точки зрения возможности учета мнения населения при определении стратегических направлений развития государства и обеспечения баланса между интересами различных социальных групп в процессе принятия решений.

Общим во всех аккумулируемых на сегодня подходах к осмыслению перспектив государства, даже в самых радикальных, является понимание, что, несмотря на все вызовы, государство не перестает быть ключевым институтом, который может, исходя из стоящих перед ним задач и имеющихся ресурсов, «уравновесить риски», связанные со слишком высокими скоростями возникновения и освоения изменений. Для создания условий для освоения изменений и обеспечения развития важно, чтобы модернизация носила комплексный характер, затрагивая не только технологические и экономические аспекты, но в обязательном порядке политические, социальные и личностные (в смысле создания условий для накопления человеческого капитала). А ключевой (или первоочередной) реформой в этом комплексе изменений должна стать административная, поскольку крайне необходимо обеспечить функционирование такой модели государственного управления, которая позволит сократить временной лаг между принятием согласованного политического решения и его реализацией в жизни.

1. Гаман-Голутвина О. В. Мировой опыт реформирования систем государственного управления // Вестник МГИМО. 2013. № 4 (31). С. 187—194.

2. Государство в меняющемся мире: краткий вариант «Отчета о мировом развитии — 1997» // Вопросы экономики. 1997. № 7.

3. Гринберг Р., Рубинштейн А. «Социальная рента» в контексте теории рационального поведения государства // Российский экономический журнал. 1998. № 3. С. 58—66.

4. Ирхин Ю. В. Эффективность современных моделей государственного управления // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 3. С. 27—42.

5. Капогузов Е. А. Реформирование государственного управления: от «идеальной» бюрократии к новому государственному менеджменту // Экономические науки. 2007. № 32. С. 105—108.

6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2001.

7. Красильников Д. Г., Сивинцева О. В., Троицкая Е. А. Современные западные управленческие модели: синтез New Public Management и Good Governance // Ars Administrandi: Искусство управления. 2014. № 2. С. 45—62.

8. Кревельд М., ван. Расцвет и упадок государства. М., 2006. 544 с.

9. Мамут Л. С. «Сетевое государство?» // Государство и право. 2005. № 11.

10. Морозова Е., Фалина А. Традиции и новации в практике рыночно ориентированных административных реформ // Вестник университета (Государственный университет управления). 2012. № 4. С. 68—73.

11. Сморгунов Л. В. Управляемость и сетевое политическое управление // Власть. 2014. № 6. С. 5—14.

12. Тихомиров Ю. А. Государственное управление: модели и реальность // Право и экономика. 2006. № 4. С. 3—8.

13. Хак Ш. Кризис легитимности — проблема государственной службы XXI века // Государственная служба за рубежом. Реформы государственного управления накануне третьего тысячелетия. 1999. № 6.

14. Argynades D. Good Governance. Professionalism, Ethics and Responsibility // International Review of Administrative Sciences. 2006. № 72.

15. Caddy J. Why citizens are central to Good Governance // The OECD Observer. 2001. № 229.

16. Citizens as Partners. OECD Handbook on Information, Consultation and Public Participation in Policy-Making / ed. By M. Gramberger. Paris, 2001.

17. Council of Europe. Secretary General. Reports. URL: <https://www.coe.int/en/web/>

secretary-general/reports (дата обращения: 28.08.2018).

18. Osborne D., Gaebler T. *Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit Is Transforming The Public Sector*. New York, 1993. URL: <http://gis.emro.who.int/HealthSystemObservatory/Workshops/WorkshopDocuments/Reference%20reading%20material/Literature%20on%20Governance/GOVERN~2.PDF> (дата обращения: 21.07.2018).

19. *Rational State* // A Dictionary of Sociology. Oxford : Oxford University Press, 1998. URL: <https://www.encyclopedia.com/social-sciences/dictionaries-thesauruses-pictures-and-press-releases/rational-state> (дата обращения: 20.08.2018).

20. UNDP. *Governance for Sustainable Human Development*. 1997. Jan.

21. World Bank. *Governance and Development*. Washington, 1992.

References

1. Gaman-Golutvina O.V. (2013) *Vestnik MGIMO*, no. 4 (31), pp. 187—194 [in Rus].

2. *Gosudarstvo v menyayushchemsya mire: kratkiy variant «Otcheta o mirovom razvitii — 1997»* (1997) *Voprosy ekonomiki*, no. 7 [in Rus].

3. Grinberg R., Rubinshteyn A. (1998) *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal*, no. 3. pp. 58—66 [in Rus]

4. Irkhin Y. (2017) *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*, no. 3, pp. 27—42 [in Rus].

5. Kapoguzov Y. (2007) *Ekonomicheskiye nauki*, no. 32, pp. 105—108 [in Rus].

6. Kastel's M. (2001) *Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura*. Moscow, GU VSHE [in Rus].

7. Krasil'nikov D.G., Sivinceva O.V., Troickaya E.A. (2014) *Ars Administrand: Iskusstvo upravleniya*, no. 2, pp. 45—62 [in Rus].

8. Kreveld M., van (2006) *Rascvet i upadok gosudarstva*. Moscow, 544 p. [in Rus].

9. Mamut L. (2005) *Gosudarstvo i pravo*, o. 11 [in Rus].

10. Morozova Y., Falina A. (2012) *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyy universitet upravleniya)*, no. 4, pp. 68—73 [in Rus].

11. Smorgunov L. (2014) *Vlast'*, no. 6, pp. 5—14 [in Rus].

12. Tikhomirov Y. (2006). *Pravo i ekonomika*, no. 4, pp. 3—8 [in Rus].

13. Khak S. (1999) *Gosudarstvennaya sluzhba za rubezhom. Reformy gosudarstvennogo upravleniya nakanune tret'yego tysyacheletiya*, no. 6 [in Rus].

14. Argynades D. (2006) *International Review of Administrative Sciences*, no. 72 [in Eng].

15. Caddy J. (2001) *The OECD Observer*, no. 229 [in Eng].

16. *Citizens as Partners*. (2001) *OECD Handbook on Information, Consultation and Public Participation in Police-Making* / ed. by M. Gramberger. Paris [in Eng].

17. Council of Europe (2018) *Secretary General*. Available at: <https://www.coe.int/en/web/secretary-general/reports>, accessed 28.08.2018 [in Eng].

18. Osborne D., Gaebler T. (1993) *Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit Is Transforming The Public Sector*. New York [in Eng].

19. *Rational State* (1998). A *Dictionary of Sociology*. Oxford, Oxford University Press 1998. Available at: <https://www.encyclopedia.com/social-sciences/dictionaries-thesauruses-pictures-and-press-releases/rational-state>, accessed 20.08.2018 [in Eng].

20. UNDP (1997) *Governance for Sustainable Human Development*. Available at: <http://gis.emro.who.int/HealthSystemObservatory/Workshops/WorkshopDocuments/Reference%20reading%20material/Literature%20on%20Governance/GOVERN~2.PDF>, accessed 21.07.2018 [in Eng].

21. World Bank. (1992) *Governance and Development*. Washington [in Eng].

For citing: Sonina E.O.
 Problem of conceptualizing approaches
 to reforming the system
 of public administration in modern times //
 Socium i vlast'. 2018. № 5 (73). P. 38—45.

UDC 321.01

PROBLEM OF CONCEPTUALIZING APPROACHES TO REFORMING THE SYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION IN MODERN TIMES

Ekaterina O. Sonina,

The Russian Presidential Academy
 of National Economy and Public Administration,
 Ural Institute of Management, Branch,
 Associate Professor of the Department Chair
 of Philosophy and Politology,
 Cand.Sc. (Political Sciences),
 The Russian Federation, 620990
 Yekaterinburg, ulitsa 8 Marta, 66.
 E-mail: soninaeo@gmail.com

Annotation

Introduction. The dominant conceptual approaches to reforming public administration are analyzed from the standpoint of the current perspectives on the tasks and prospects of the state in the scientific discourse and practice of reforming, based on the specific conditions and “challenges” facing it as an institution.

The aim of the work is to analyze the accumulated conceptual approaches to reforming public administration from the viewpoint of the possibility of ensuring modernization of the state as an institution

at the present stage, its transformation, based on the nature of current tasks, to identify the risks and prospects of the proposed approaches to building a public administration system.

Methods. The author uses the methods of system, institutional and conceptual analysis, when analyzing specific programs and projects of public administration reforming method of content analysis is used.

Scientific novelty of the study. The article presents a consistent system analysis of modern concepts of reforming public administration in comparison with current approaches to defining prospects of the state as an institution, assesses these approaches from the viewpoint of the role of the public administration system in the processes of society modernization.

Results. The author systematized the main modern conceptual approaches to reforming public administration, identified their perspectives and risks from the standpoint of the possibility of ensuring not only the stability of the state, but its functioning as one of the key institutions for the development of society.

Conclusions. The author notes the importance of the mandatory correlation of the chosen model of reforming public administration with the current state model and the ability to ensure its functioning as an institution that aggregates modernization processes.

Key concepts:

state,
 administrative reform,
 New Public Management,
 Good Governance.

Для цитирования: Фурсов К. К. Дискурс вражды масс-медиа: процесс формирования и структура теории // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 46—56.

УДК 167.7-81'42-392.77

ДИСКУРС ВРАЖДЫ МАСС-МЕДИА: ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ И СТРУКТУРА ТЕОРИИ

Фурсов Кирилл Константинович,

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук, аспирант.
Российская Федерация, 62363,
Оренбургская обл., г. Новотроицк,
ул. Советская 109.
E-mail: biathlon91@mail.ru

Аннотация

В данной статье даётся определение «дискурса вражды» масс-медиа и описывается универсальная структура данной теории. В основе «дискурса вражды» лежат определения вражды, которые формируются из трёх подходов: агонального, аксиологического и теории межгрупповых отношений. Основой формирования теории «дискурса вражды» масс-медиа стали теории «языка вражды», «образа врага», дискурс ингрупп и аутгрупп, интолерантный и агональный дискурс. Доминирование метода дискурс-анализа привело к формированию универсального понятия «дискурс вражды» масс-медиа. Важными чертами «дискурса вражды» масс-медиа является речевая агрессия и эмоциональность.

Ключевые понятия:
дискурс вражды,
масс-медиа,
образ врага,
агональный,
аксиологический.

Появление понятия «дискурс вражды масс-медиа» обусловлено несколькими причинами. Из сферы практической политики актуальность этого понятия связана с нарастанием атмосферы напряжённости и раскручивания конфликтов. В области политической науки давно сложилось представление о том, что информация стала ресурсом власти. Для описания подобного подхода было введено первое научное понятие — информационная война. Это понятие концентрировалось на описании технологий информационного воздействия. Расширение областей и методов исследований подобного явления привело к появлению новых понятий — языка вражды, образа врага, дискурса ингрупп и аутгрупп. Различные понятия и описываемые ими сущности описывают близкие друг к другу объекты. Поэтому появилась потребность в выработке универсального понятия. Возросла доля исследований, которые используют принцип «свой — чужой». В методологической области дискурсивный метод анализа превратился из инновационного в стандартный метод анализа научных исследований, он стал господствующим. Этим обусловлено появление понятия «дискурс вражды» масс-медиа. Ввиду возможности появления универсального понятия дискурса вражды масс-медиа, возможно обозначение единых принципов и выработка общей структуры этого понятия.

Принцип «своего — чужого» объединяет такие теоретические модели, как язык вражды, «образ врага», дискурс ингруппы и аутгруппы, агональный и интолерантный дискурс. Сущностью данных моделей является отношение враждебности сторон. Для понимания дискурса вражды масс-медиа требуется дать определение понятию вражды. История философии этого понятия позволяет показать то, какие сформировались подходы к определению данного понятия и показать путь выработки принципа «свой — чужой». В истории философии выработалось три подхода к понятию вражды: агональный, аксиологический и теории межгрупповых отношений. Определение понятия вражды позволяет сконцентрироваться на сущности понятия дискурса вражды масс-медиа.

Агональный подход к враждебности определяет её как войну, борьбу с врагами. Отличительной спецификой агонального подхода к вражде является акцентирование на форме процесса — борьбе. Подход концентрируется на описании борьбы, её формах и участниках. Агональный подход

сделал большой шаг от констатации принадлежности вражды к античному космосу до понимания правила вражды, в котором разрыв тесных социальных связей ведёт к страстной форме вражды. Основателями агонального подхода к вражде можно считать Гераклита и Эмпедокла. Этому подходу уделили внимание Платон, Т. Гоббс, Д. Локк, Г. Гегель, К. Маркс, Г. Зиммель. Эти авторы уделили особое внимание борьбе, войне. Т. Гоббс назвал вражду сущностью конфликта: «Если воля двух различных людей производит действия, враждебные друг другу, то это называется конфликтом» [1, с. 507]. В философии марксизма вражда нашла своё выражение в понятии классовой борьбы. Г. Зиммель выявил закономерность вражды: чем сильнее единство и социальное родство между социально-политическими субъектами, тем сильнее страсть и радикализм [6].

Следующим подходом к вражде является аксиологический подход. В основе этого подхода лежит описание вражды с позиции ценностных категорий — морали и нравственности. Решением проблем морали и нравственности занимаются этика и теология. Особенностью аксиологического подхода является зависимость вражды от человеческих пороков и страстей; осуждающий характер этих отношений; представление моделей исправления вражды. Аксиологическому подходу уделили внимание Платон, Аристотель, Аврелий Августин, Н. Макиавелли, И. Кант, Н. Ф. Фёдоров. Синонимом вражды становится ненависть. Данное понимание вражды сопровождается отвращением — желанием удалиться от присутствующего объекта. Вражда выражается в использовании клеветы. Мораль и нравственность вражды выражается в порочности человека, бездушие, использование арсенала средств раздора и смуты. И. Кант считал выражением вражды пороки культуры — злорадство, зависть, неблагодарность, человеконенавистничество [8]. Этика — наука о морали, требующая оценки поведения людей. Подавляющее большинство относилось к вражде, как антигуманному действию. Исправить эту человеческую природу предлагалось использованием человеком разума, большей добродетелью. Распад общества на враждебные личности приводит к утрате сознания. Основным итогом становится утрата знания и мудрости, как всеобщего знания.

Третьим подходом к вражде, который появился после двух остальных, стал подход теории межгрупповых отношений. В его основе главным качеством выступает обозначение диспозиции двух сторон — ин-

группы (своих) и аутгруппы (чужих), которые находятся друг с другом во враждебном отношении. Базовым фундаментом этой теории является наличие противников. В рамках этого подхода авторы обращались к позициям как агонального, так и аксиологического подхода к вражде. Данный подход показали И. Кант, Ф. Ницше, Ф. Шмитт. Первым сформулировал понимание вражды в рамках теории межгрупповых отношений И. Кант. В рамках его этического учения были сформированы категории, которые использовались в теории межгрупповых отношений: «мы», «другие», «чужие». Он заложил принцип сравнительного себялюбия — сравнение себя с другими, стремление добиваться собственной ценности во мнении других, желание превосходства над другими [8]. Этот принцип можно считать первоосновой формирования вражды в рамках концепции межгрупповых отношений. Ф. Ницше предложил синонимом вражды понятие «ressentiment». Ф. Ницше выделил мораль господ и мораль рабов. Основной ценностью морали рабов становится «нет» всему внешнему. «Мораль рабов всегда нуждается для своего возникновения, прежде всего в противостоящем и внешнем мире, нуждается, говоря физиологическим языком, во внешних раздражениях, чтобы вообще действовать, — её акция в корне является реакцией» [12, с. 10]. При морали господ человек испытывает уважение к своему врагу, в условиях ressentiment основное творчество человека заключает в себе формирование образа злого врага. К. Шмитт считал политикой разделение сторон на друзей и врагов. Смысл вражды у К. Шмитта в отрицании чужого бытия. Вражда друзей и врагов у К. Шмитта выражается в крайней форме войны [23].

Последовательное развитие понимания вражды в истории философии привело к формулированию принципа «свой» — «чужой». Появление понятия «вражда» в научном смысле связано с коммуникативными исследованиями американских учёных М. Митсуды (1993) и К. Клэя (1997). Именно они сформулировали понятие «hate speech» — «язык вражды». Заимствованное понятие получило развитие в отечественной науке и превратилось в теоретическую модель «языка вражды». Данной теории посвятили свои работы А. В. Гладилин, А. В. Евстафьева, Г. Кожевникова, О. С. Коробкова, Е. П. Соколова. У А. В. Евстафьевой язык вражды понимается как негативистская оценочная лексика к этническим, религиозным, половым

особенностям личности или убеждениям человека [5]. Примерно так же его понимает Е. П. Соколова. Это словесная дискриминация, речевая агрессия к различным социальным и этническим группам [18]. О. С. Коробкова определяет язык вражды в качестве лингвистического выражения интолерантности или проявления социального неравенства [10].

Теория языка вражды опиралась прежде всего на устойчивые коммуникативные конструкции. Это проявляется в модели «адресат — адресант». Используются языковые формулы в виде «мы враждуем с вами». Теория языка вражды выделяет различные коммуникативные стратегии, показывающие направленность языка вражды. Язык вражды связан с дискурс-анализом того материала, который выпускают масс-медиа. В основе анализа масс-медиа лежат сообщения этнического и религиозного характера. Используются специальные термины, обозначающие негативные этнические понятия, — этнофолизы. Для анализа сообщений используется инструментальный дискурс-анализ. Применяются качественные и количественные характеристики. Язык вражды ставит своей целью дискриминацию различных социальных групп, отказ им в праве в человеческом статусе. Недостатком данной теории является неопределённость критериев языка вражды. Различные авторы предлагают многочисленные виды языка вражды, которые вступают с собой в противоречия. Анализ сообщений в основном представлял сообщения в газетах и видео на телевидении.

Дальнейшее развитие теории было связано с концептом «образа врага», получившим распространение после публикации работы И. Нойманна «Использование Другого» [13]. Основной теории «образа врага» является антитеза «свои — чужие», в основе которой лежит принцип инаковости и чужеродности. «Образ врага» концентрируется на описании субъектов враждебных отношений. Теория «образа врага» имеет несколько положений. Образ врага является конструируемым масс-медиа. Основная функция «образа врага» заключается в консолидации общества на основе групповой идентичности ингруппы. «Образ врага» усиливается в условиях мобилизационного общества. Политические субъекты и институты используют «образ врага» для перенаправления внимания с внутренних проблем на внешние проблемы. Актуализация «образа врага» происходит в период социальных напряжений. Из периферии в

центр общественного внимания выводятся мифологические стереотипные представления массового сознания. Посредством языковых средств формируются границы ингрупп и аутгрупп. Закрытость группы позволяет определить критерии ингруппы и аутгруппы. Обычно формирование аутгруппы связано с непредсказуемостью, неопределённостью врага, его асоциальной силой.

Проблематике образа врага уделяется значительное внимание в работах И. Ноймана, Л. П. Репина, А. С. Сенявского, Е. С. Сенявской, М. А. Фадеичевой, С. Акопова и Е. Прошиной, Е. С. Храбровой. И. Нойман рассматривает «образ другого» с позиции нескольких подходов. К таким подходам относятся этнографический, психологический подходы, подход континентальной философии и «восточного экскурса». Этнографический подход рассматривал отношения идентичности «я» и «другого», а также маркеры границ между различными этническими группами. Психологический подход подразумевает отношения в рамках групповой психологии ингрупп и аутгрупп. Подход континентальной философии определяется марксистской диалектикой и диалогическим подходом М. Бахтина к идентичностям «я» и «другого». К «восточному экскурсу» можно отнести переработку работ Г. Зиммеля, К. Шмитта, Ф. Ницше. В этих работах обозначение «другого» совмещается с принципом «чужого» и врага, а также дискурсивным подходом, выработанным М. Фуко [13]. Анализируя различные работы, И. Нойман сосредотачивается на национальной идентичности. К таким же выводам в образе «другого» приходит Л. П. Репина. Она сосредотачивается на национальном характере, национальных стереотипах, этнический стереотип формулирует установку на эмоционально-ценностное восприятие «другого» и «врага» [15].

Существенной работой по описанию образа врага можно назвать идентификацию И. А. Денисова этого образа в коммуникации [3, с. 121]. Он выделил 12 существенных признаков образа врага: 1) наличие оппозиции «мы — они»; 2) акцентирование отличий через стереотипы и дегуманизацию; 3) деструктивная принадлежность злу; 4) угроза; 5) возложение вины на врага за негативные аспекты прошлого; 6) ложность идеологии, верований, целей врага; 7) противопоставление образу героя; 8) наличие жертвы врага; 9) сюжет предательства через агентов врага; 10) персонифицированный образ агентов врага; 11) негативные эмоции страха, ненависти, гнева; 12) сила врага как

способность к деструктивной деятельности в настоящем и будущем, возможность нести угрозу.

На формирование образа врага влияют стереотипы и установки, присущие массовому сознанию. Образы и стереотипы зависят от исторических условий. У каждой социальной и политической группы есть свои образы, которые возникают с её появлением. Для групп свободный выбор образа ограничен, их образ зависит от истории. Образы и стереотипы могут передаваться из поколения в поколение, меняться от эпохи к эпохе, исчезать и возрождаться вновь. Дискурсивной особенностью «образа врага» является оценочная характеристика представителя конкретной социальной и политической группы. Выделяются два типа мнений о враге. Массовое мнение является аморфным, разнородным, опирается на массовые взгляды и традиционные элементы идентификации. Вторым мнением является заинтересованное и рационализированное мнение политических элит.

Теория «образа врага» разделяет понятия врага и образа. Враг — это объективная данность, а образ — это отражение аксиологических и эстетических элементов мироощущения субъекта. Теории «образа врага» сосредотачиваются на причинах и основаниях формирования подобного образа, на том, какими функциями обладает этот образ. Исследователи сосредотачиваются на двух функциях: массовой мобилизации и переносе внимания. Образ врага включает три объекта: национальные и религиозные группы, международные отношения государств. Одним из источников «образа врага» становятся масс-медиа.

В конце 1990-х — начале 2000-х гг. новацией в исследовании вражды стал дискурсивный подход. Это привело к формированию теорий дискурса ингрупп и аутгрупп, интолерантного и агонального дискурса. Большой вклад в выработку дискурсивного подхода в науке внёс Т. А. ван Дейк. Его рассмотрение дискурса ингрупп и аутгрупп является системным. Был выработан метод критического дискурс-анализа. Объектом исследования голландского учёного выступил расистский дискурс. Расистский дискурс используется масс-медиа. Для анализа подобной области был выработан концепт медиадискурса. Т. А. ван Дейк выделил разницу ингрупп (наших) и аутгрупп (других). В данной ситуации используется дискурсивная стратегия противопоставления ингруппы и аутгруппы, ингруппа восхваляется, а аутгруппа принижается [2, с. 129—134]. По-

ложительная самопрезентация использует семантические и риторические стратегии, негативная презентация аутгруппы достигается через аргументацию и конкретные истории. Эти истории используют личный опыт, легитимируют новостные сообщения.

Т. А. ван Дейк обратил внимание на лингвистические особенности дискурса ингрупп и аутгрупп. Голландский исследователь для дополнения дискурса расизма приводит пример из книги Д. Суза «Конец расизма». Стратегии расистского дискурса выражаются через риторические средства гипербола и метафор, преувеличивая репрезентацию социальных проблем в терминах болезни. Также делается акцент на контрасте цивилизованных людей и варваров. Аргументируется ущербность чёрной культуры отрицанием негативных черт белой культуры (расизм), риторические преуменьшаются её преступления, происходит превращения колониализма и рабства в эвфемизм. Делается семантическое смещение объекта обвинения (обвинение жертвы). Используются такие тактики, как поляризация, дискурсивное закрепление и воспроизведение принижения, демонизации, исключения «других» из нашего сообщества цивилизованных.

Развитие теории дискурса ингрупп и аутгрупп привело к изменению подходу в области вражды по сравнению с теориями языка вражды и образа врага. Дискурс сосредоточился в целом на сфере масс-медиа. Основной областью исследований вражды стали расовые группы и их идентичность. Методом анализа масс-медиа стал критический дискурс-анализ, который в предыдущих теоретических схемах не использовался. Этот метод позволяет определить доминирование ингруппы в дискурсе масс-медиа. Но при этом дискурс ингрупп и аутгрупп использует коммуникативные стратегии, которые демонстрируют цели вражды, как и в теории языка вражды. Использование лингвистических средств в этих теориях делает общим элементом теорий языка вражды, образа врага, дискурса ингрупп и аутгрупп.

Продолжением теории языка вражды и использования метода дискурс-анализа стала появление теории интолерантного дискурса. Общим объектом для интолерантного дискурса являются враждебные отношения между социальными и политическими группами, выраженными в языке и тексте. Научное исследование понятия интолерантность началось в 1995 г. Интолерантность связана с теорией языка вражды из-за выделения количественных параметров интолерантности масс-медиа на основе анализа

языка вражды. В процессе трансформации теории происходит постепенный переход от языка вражды к интолерантному дискурсу. Проблеме интолерантности посвящены работы Э. Понарина, Д. Дубовского, А. Толкачёва, Р. Акифьева, И. В. Коноваленко. Для формирования интолерантного дискурса были применены количественные характеристики анализа языка вражды. Интолерантный дискурс зависит от номинации аутгруппы: её обозначения, характеристики, интерпретации её действий. Методология анализа включает несколько этапов. Первый этап включает проблему репрезентации аутгруппы. Она включает поиск аутгруппы — определением того, кто они. Также происходит самоидентификация аутгруппы. На втором этапе выясняется система убеждений об аутгруппе, стратегия отношения к аутгруппе, способы взаимодействия с аутгруппой через призму интолерантности. В рамках такой методики интолерантность определяется, как неравноправие ингруппы и аутгруппы. На третьем этапе происходит оценка текста по критериям интолерантности. К таким критериям относятся насилие, угроза, дискриминация, сниженная лексика, тактика проблематизации и обобщения, метонимия, негатив аутгруппы [14].

В некоторых случаях интолерантность определяется как агрессивное речевое поведение. Под интолерантным дискурсом подразумевается агрессивный и конфликтный дискурс. В области масс-медиа под интолерантным дискурсом понимается использование агрессивных техник и стратегий. Е. Ю. Кольцова и Е. Е. Таратута обозначали под интолерантностью учёт только своих интересов, нетерпимость и борьбу с другими точками зрения насильственными методами [9]. Интолерантность можно выявить с помощью смысловых индикаторов. Признаком интолерантного дискурса является поляризованное иерархическое деление. Признаки содержат положительные и отрицательные характеристики группы. Также к интолерантному дискурсу относятся побудительные конструкции — призывы к насилию и т. п. Интолерантный дискурс использует описание ингрупп и аутгрупп, ингруппа выступает в качестве эталона, аутгруппа описывается с позиции отклонения от нормы. Лексические и синтаксические маркеры могут быть дополнительными указателями интолерантного дискурса. Такими характеристиками являются отсутствие или минимальное присутствие вероятностной модальности («возможно», «скорее всего»). Отсутствуют или присутствуют в минималь-

ном количестве уступительные конструкции («хотя», «тем не менее», «несмотря на то, что...»). Многочисленны обличительные и разоблачительные конструкции: «якобы», «дескать», кавычки. Часты категоричные суждения без оговорок. Используются собирательные существительные и метонимия для аутгруппы, глаголы конкуренции, войны, борьбы. Применяется экспрессивная метафорика, в т. ч. животная в адрес аутгруппы. Часто используется оскорбительная лексика, нейтральным словам придаётся негативная коннотация.

Дискурс интолерантности стал прямым продолжением языка вражды. В основе анализа этой теории лежит дискурс-анализ текста. Дискурс интолерантности вынужден выделять критерии типов дискурса тем же способом, которым пользуется теория языка вражды. Дискурс интолерантности сосредоточился на дихотомии групп «ингруппа — аутгруппа». Важным выводом теории интолерантного дискурса является главенствующая роль содержательной стороны, лингвистические и синтаксические элементы являются дополнением. Интолерантный дискурс выделил структурные критерии — наличие поляризованного иерархического деления для интолерантного дискурса. В дискурсе интолерантности имеет большое значение недоброжелательное отношение между социальными и политическими группами.

Агональный дискурс продолжает развитие теорий дискурса вражды. Агональный дискурс объединяет с «дискурсом вражды» использование критериев противостояния, категории врагов, а также применение агрессии и насилия. Е. И. Шейгал и В. В. Дешёвова в работе «Агональность в коммуникации: структура понятия» системно описывается понятие агонального дискурса [22]. Данная работа заложила подходы под определение агонального дискурса и его классификацию. Понятие агональности обозначает борьбу противоположных сторон за власть до победного конца. Дискурс агональности затрагивает состояние коммуникации, в котором общение имеет доминирующий характер. Агональность предполагает активную деятельность сторон, присутствие эмоций и удачи, амбиции и амбициозность участников, театральность представления, применение агрессии и насилия. Обращает внимание также результат агональности: победа, поражение, компромисс. Дискурс агональности делится на конфронтативный, дискуссионный, игровой. Коммуникативной интенцией конфронта-

тивного дискурса агональности является «фатическая» интенция — выброс негативных эмоций, эмоциональная разрядка, «выяснение отношений», а также предполагает публичный скандал — нанесение ущерба сопернику, понижение его статуса. При общении проявляются признаки вербальной агрессии. Коммуникативной интенцией дискурса дискуссионной агональности является достижение истины в споре. Победа в споре воспринимается как торжество истины. К такому типу относятся парламентские и президентские дебаты, судебные споры. Коммуникативной интенцией дискурса игровой агональности является развлекательность.

Теория агонального дискурса сосредотачивается на публичной коммуникации, выводя масс-медиа из непосредственного анализа. Взгляд на процесс вражды больше рассматривается как борьба между противоположными категориями. Другие теории описывали вражду как одномоментный статический процесс. Также агональный дискурс отличается от других теорий нацеленностью на результат. Важным является деление агональной коммуникации на три типа. Деление типов коммуникации определяется интенцией дискурса. Теоретической основой вражды в агональном дискурсе ограничивается фатической интенцией. Другие теории находят больше мотивов для враждебной коммуникации, чем теория агонального дискурса.

Развитие различных теорий дискурса, а также постановка проблемы враждебной коммуникации привели к формулированию понятия дискурс вражды. Первым это определение сформулировали представители уральской школы политического дискурса Л. М. Ермакова, В. М. Мишланов, В. М. Салимовский. С позиции уральской политической школы «дискурс враждебности» определялся как «выражающий враждебное отношение одних людей к другим и/или в соответствии со своей целеустановкой воплощает психологические причины враждебности и поэтому закономерно вызывает её» [11]. Не противоречит этому определению и М. А. Фадеичева: «Дискурс вражды — специфический, проникнутый неприязнью и ненавистью способ означивания и интерпретации “чужого”» [19]. Эмоциональность является важной чертой вражды. Поэтому, используя психологическую специфику, было выработано собственное определение «дискурса вражды» — это такой дискурс, который выражает желание причинить вред тому, кто воспринимается

как враг или выражает психологические причины враждебности.

За основу дискурса вражды при его рассмотрении были выбраны теории языка вражды, образ врага, дискурс ингрупп и аутгрупп, а также интолерантный и агональный дискурс. Критерием выбора этих теорий являлось наличие объекта враждебных отношений. Эти теории должны затрагивать область коммуникации — выражаться в анализе текстов масс-медиа или каких-либо коммуникативных жанров. Отношения должны касаться противостояния и противоборства групп, противоположных сторон. Дополнительным критерием отбора являлось наличие лингвистических и синтаксических средств использования в рамках такой коммуникации.

Структурный анализ элементов «дискурса вражды» масс-медиа

Враждебные отношения в сфере коммуникации оказались сосредоточены в рамках теорий «языка вражды», «образа врага», дискурса ингрупп и аутгрупп, интолерантного и агонального дискурса. Враждебность является основой этих теорий. Эта форма отношений выражается в дихотомии «свой — чужой», «ингруппа — аутгруппа». Поэтому эти критерии легли в основу разработки формирования универсальной теории «дискурса вражды» масс-медиа. Как любая теория, она должна обладать своей теоретической структурой. Общей моделью теоретической структуры является дискурс публичной коммуникации. Модель дискурса публичной коммуникации позволяет сформировать «дискурс вражды» масс-медиа как теорию с общими критериями и структурой. «Дискурс вражды» масс-медиа относится по типу к дискурсу публичной коммуникации. Эта универсальная структура должна помочь в анализе элементов этого конкретного дискурса. Дискурс публичной коммуникации представляет собой знаковую деятельность, осуществляемую в публичном коммуникативном пространстве, в ходе которого реализуются взаимосвязанные функции: функция формирования властного коммуникативного ресурса; функция дизайна ментальных структур общественного сознания в соответствии с коммуникативными стратегиями. Дискурс публичной коммуникации опирается на публичные выступления. В сфере политики публичное выступление реализуется через живую речь и тексты политических и государственных деятелей, обращенных к публике, гражданам, народу

своей страны и международной общественности [16]. У дискурса публичной коммуникации есть соответствующие принципы:

- 1) каждый дискурс публичного выступления связан с коммуникативной стратегией и интерактивной интенцией;
- 2) дискурс представляет идеи, образы, смыслы, ценностные ориентации;
- 3) дискурс несёт невидимый план в виде ментальных образований и преобразований, контекстов, подоплёки, потенциала;
- 4) дискурс несёт в себе эмоционально-энергетический заряд, обладающий социальной и властно-психологической энергетикой;
- 5) дискурс включён в культурно-историческое пространство, несёт на себе исторические стереотипы, фобии, травмы.

Дискурс публичных коммуникаций обладает шестью планами: интенциональным, актуальным, виртуальным, контекстуальным, «осадочным» и психологическим планом [16, с. 192].

Для описания планов «дискурса вражды» масс-медиа потребуются описания планов теорий «языка вражды», «образа врага», дискурса ингрупп и аутгрупп, интолерантного и агонального дискурса. Для описания структуры «дискурса вражды» масс-медиа требуется структурный анализ подобных теорий на принадлежность дискурсу публичных коммуникаций. Эти теории «языка вражды», «образа врага», теории дискурса ингрупп и аутгрупп, теории интолерантного и агонального дискурса обладают своими характеристиками, принципами, которые соотносятся со структурными планами дискурса публичной коммуникации. «Дискурс вражды» масс-медиа формируется как теоретическая модель. При описании близких к «дискурсу вражды» масс-медиа теоретических моделей были выявлены недостатки, по которым некоторые теории не обладали всеми структурными планами дискурса публичной коммуникации. Теории «языка вражды» и агонального дискурса не обладают контекстуальным и виртуальным планом.

Первым планом дискурса публичной коммуникации является интенциональный план. Интенциональный план представляет собой совокупность элементов коммуникационного проекта, который обеспечивает продвижение коммуникативного намерения от замысла к непосредственному воплощению. Элементами коммуникативного намерения являются идеи, замыслы, наме-

рения. В состав элементов стратегического планирования входят стратегические цели и задачи, тематический и сценарный план публичного выступления. Теории «языка вражды», «образа врага», дискурс ингрупп и аутгрупп, интолерантный и агональный дискурс используют несколько коммуникативных намерений. В рамках теории «языка вражды» интенциональный план включает речевую агрессию к различным социальным и этническим группам, негативистскую и оценочную лексику. Основные теоретические модели «дискурса вражды» используют суггестивную и эмоциональную интенцию — внушение борьбы с противником через речевую агрессию, выброс эмоций, оскорбление, принижение статуса соперника [9, с. 201]. В рамках стратегического планирования используются средства в виде противопоставления ингрупп и аутгрупп, формирования «образа врага». Основной коммуникативной стратегией «дискурса вражды» становится дискредитация оппонента [7, с. 60—62].

Актуальный план дискурса — процессуальный коммуникативный акт, живая дискурсивная практика, включающая применение вербальных и невербальных форм общения. Актуальный план дискурса определяет представление дискурсивного замысла и воплощение предлагаемого смысла. Продвижение «дискурса вражды» зависит от форм маркетинговой коммуникации — пропаганды, PR, рекламы и других форм. Больше всего внимания придаётся предписаным социальным статусам — идентичности по половому, возрастному, национальному, гражданскому, религиозному признакам. Особая роль в «дискурсе вражды» масс-медиа создают заголовки, которые упрощают и предвосхищают смысл передаваемых сообщений. Возбуждающее воздействие оказывают принципы интолерантности — призывы к насилию и дискриминации по национальной, религиозной или расовой принадлежности. Используются сниженная лексика, оскорбления, оценка индивидуальных действий по групповой принадлежности, негатив по отношению к аутгруппе [14]. Продвижение «дискурса вражды» в масс-медиа обеспечивается через дискредитацию. Используются прямые и косвенные способы её применения. К прямым способам дискредитации относятся обвинение, метонимический перенос, тактика жёсткого конфронтационного вопроса с определённой интонацией, многочисленными повторами. К косвенным способам дискредитации относят понижение профессиональной ком-

петенции адресата, повышение профессионального имиджа адресата, ирония, игра репликой предыдущего оратора за счёт использования омофонов [20].

Виртуальный план дискурса публичного выступления — это механизм передачи и усвоения смысла транслируемого сообщения. Центром виртуального плана выступает смысловой пакет — ценностное ядро сообщения или основной контент. Смысловой пакет есть предмет виртуального обмена между субъектами публичной коммуникации. Передача и усвоение смысла «дискурса вражды» происходит путём использования различных ментальных моделей. В рамках теории «языка вражды» используется ментальная модель речевой агрессии. Её смысл в использовании ксенофобских понятий — призывов к насилию, носящих расовый и ксенофобский характер. Эта модель использует стереотипы для изменения массового сознания аудитории. Теория «образа врага» использует модель отбора знаков для управления когнитивными структурами сознания реципиентов. Эта модель использует концептуальную метафору — ключевое понятие, переносящее значение из неизученного в понятную сферу сознания человека и общества [20]. Метафоризация закрепляет новое содержание, оказывающее эмоциональное воздействие на реципиентов для изменения политической картины мира. Формирование «образа врага» зависит от базовых схем метафорической концептуализации, которые образуют устойчивые связи с положительной и отрицательной оценкой, которая становится мощным орудием пропаганды и манипулирования. Виртуальный план теории дискурса ингрупп и аутгрупп зависит от связки «дискурс — познание». Эта связка поддерживает этнические предрассудки. Она использует страдательный залог, скрывающий ответственное лицо. Специальный тип метафоры усиливает негативное мнение об аутгруппе через эвфемизмы, скрывающие ингруппу. Ментальные репрезентации используются для расистского дискурса, который создаёт условия для замыкания расизма и его воспроизводства в различных расистских практиках. В рамках теории интолерантного дискурса кроме бессознательного и стереотипов используется модель механизма передачи этничности в массовое сознание. Он обеспечивается через конструирование этнических идей об аутгруппе, поддержку мифологии прошлого, использование интолерантной лексики [9].

Контекстуальный план «дискурса вражды» масс-медиа требует дискурс-анализа

внешних условий публичной коммуникации. В состав плана входят культурно-исторический контекст; политико-идеологический контекст; контекст места действия; контекст атмосферы; контекст основного вербального сообщения. Среди анализируемых теоретических моделей контекстуальный план присутствовал во всех теориях, кроме агонального дискурса. В теории «языка вражды» контекст определяется позицией доминирующей группы, сочетанием новостей и соединением вместе различных понятий. В теории «образа врага» контекст зависит от интерпретации знаков и символов. Для данной теории подчёркивается обязательность манипуляционного характера контекста [4]. В рамках теорий дискурса ингрупп и аутгрупп, а также интолерантного дискурса контекст указывает на различия схожего смысла. Это позволяет поддерживать доминирование определённого этнического консенсуса. При использовании интертекста — цитат, внешних ссылок — именно контекст позволяет сохранять доминирование интерпретируемого смысла ингруппы. В основе отрицательного контекста восприятия аутгруппы лежит негативный контакт и исходящая от неё угроза опасности [17, с. 9].

В основе психологического плана «дискурса вражды» все основные теоретические модели объединяет использование эмоционального отклика аудитории. Ингруппа использует речевую агрессию, культивирование коллективной ненависти. Дискриминация и ксенофобия приводят к ощущению несправедливости и фрустрации. Ответным действием становится использование насилия. В стремлении сторон происходит стремление к получению психологического превосходства. Стереотипы, предрассудки, предубеждения формируют негативный эмоциональный фон среди представителей аутгрупп. Эмоциональные компоненты затрудняют восприятию аутгруппы.

К осадочному плану публичного дискурса относят формы материального и виртуального запечатления — т. е. документальные, литературные, интернет-источники, скульптурные изображения, памятники, фразы, цитаты и крылатые выражения, запечатленные на носителях рекламной продукции. Осадочный план выражается в жанрах реализации «дискурса вражды». Это могут быть речевые формы — фразы, анекдоты, фразеологизмы, шутки. Графические и образные жанры представлены в виде образных карикатур и надписей на архитектурных зданиях. В рамках сети Интернет осадочный план представлен в виде блогов,

чатов, видеоматериалов, интернет-мемов. Смысл осадочного плана будет определяться коммуникативной интенцией «дискурса вражды».

«Дискурс вражды» обладает всеми планами дискурса публичной коммуникации. Универсальная структура дискурса публичной коммуникации позволяет сделать вывод о том, что «дискурс вражды» масс-медиа возможен как теория, обладающая всеми планами и элементами других близких теорий. Различные теории апеллируют к одному элементу интенционального плана — речевой агрессии, в рамках психологического плана — к эмоциональному восприятию аудитории, в рамках контекстуального плана — к доминированию интерпретации ингруппы через контекст при расхождении смысла. Только в виртуальном плане используются различные методы передачи и усвоения смысла «дискурса вражды» масс-медиа.

Для определения понятия вражды были выделены три подхода в истории философии. Это агональный, аксиологический подход и подход межгрупповых отношений. Эти подходы определили понимание и элементы вражды. В основе агонального подхода вражды лежит война и борьба с врагами. Аксиологический подход включает элементы этики, морали и нравственности вражды. Подход межгрупповых отношений определяет враждебные отношения между ингруппами и аутгруппами.

Основой теории «дискурса вражды» масс-медиа выступили теории «языка вражды», «образа врага», дискурса ингрупп и аутгрупп, интолерантного и агонального дискурса. Развитием теорий в этой области послужило введение в науку понятия «hate speech». Оно стало основой для формирования теории «языка вражды». Все пять теорий, описывающих враждебные отношения, обладают своей уникальностью и отличиями. Эти теории дают разные определения вражды. Все теории, описывающие враждебную коммуникацию, обладают своими недостатками. Теория «языка вражды» имеет неопределённый критериев «языка вражды», противоречия многочисленных видов этого языка. Недостатком теории «образа врага» является концентрация на функциях «образа врага», причинах и способах формирования этого образа. Теория дискурса ингрупп и аутгрупп сосредотачивается на методе дискурс-анализа сообщений масс-медиа. Метод дискурс-анализа требует судить с позиции меньшинства. Теория дискурса интолерантности является продолжением теории «языка вражды», использу-

ются различные критерии типов вражды, происходит концентрация на дихотомии «ингруппы — аутгруппы». Недостатком агонального дискурса является концентрация на публичной коммуникации и ориентация на результат — победу.

Анализ подобных теорий позволил сформулировать определение «дискурса вражды». «Дискурсом вражды» можно назвать такой дискурс, который выражает желание причинить вред тому, кто воспринимается как враг или выражает психологические причины враждебности. Близкими к теории «дискурса вражды» стали «язык вражды», «образ врага», дискурс ингрупп и аутгрупп, интолерантный и агональный дискурс. Эти теории для формирования «дискурса вражды» были проанализированы по планам дискурса публичной коммуникации. Элементами этого плана являются интенциональный, актуальный, виртуальный, контекстный, психологический и осадочный планы. Структурами плана обладают теории «образа врага», теории дискурса ингрупп и аутгрупп, интолерантного дискурса. Теории «языка вражды» и агонального дискурса не обладают контекстуальным и виртуальным планом.

Можно выделить общие структурные элементы «дискурса вражды» масс-медиа. В основе интенционального плана «дискурса вражды» масс-медиа лежит речевая агрессия, противопоставление ингрупп и аутгрупп, формирование «образа врага». В актуальном плане для продвижения этого дискурса используются социально предписанные идентичности и стратегия дискредитации оппонента. В рамках виртуального плана используются различные ментальные модели: речевая агрессия, модель концептуальных метафор, модель передачи этничности в массовое сознание. В основе контекстуального плана доминирование ингруппы обеспечивается интерпретацией смысла через контекст при его расхождении. В основе психологического плана «дискурса вражды» масс-медиа лежит эмоциональный отклик аудитории и использование стереотипов. Осадочный план выражается в жанрах реализации дискурса. Эти формы выражены в речевом и графическом виде, через жанры интернет-коммуникации.

1. Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. Т. 1 М. : Мысль, 1989. 622 с.

2. Дейк Т. А., ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и

коммуникации : пер с англ. М. : ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.

3. Денисов Д. А. Идентификация образа врага в политической коммуникации // Вестник РРГУ. 2009. № 1. С. 113—126.

4. Дзялошинский И. М., Дзялошинская М. И. Российские СМИ: как создается образ врага : ст. разных лет. М. : Academia, 2007. 169 с.

5. Евстафьева А. В. Адресант и адресат «языка вражды» в текстах средств массовой информации // Вестник ТюмГУ. 2008. № 1. С. 125—133.

6. Зиммель Г. Человек как враг. // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 114—119.

7. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.

8. Кант И. Сочинения : в 6 т. Т. 4. Ч. 2. М. : Мысль, 1965. 478 с.

9. Кольцова Е. Ю., Таратута Е. Е. Измерение толерантности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 4. С. 113—129.

10. Коробкова О. С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Сер. Филология. 2011. № 111. С. 200—205.

11. Мишланов В. А., Салимовский В. А. Дискурс враждебности как социальный феномен // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 56—65.

12. Ницше Ф. К генеалогии морали. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1990. 829 с.

13. Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М. : Новое изд-во, 2004. 335 с.

14. Понарин Э., Дубровский Д., Толкачёва А., Акифьева Р. Индекс (ин)толерантности прессы // Язык вражды против общества 2007. С. 72—106.

15. Репина Л. П. «Национальный характер» и «образ Другого» // Диалог со временем. М., 2012. Вып. 39. С. 9—19.

16. Русакова О. Ф. Дискурс-анализ публичных коммуникаций // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика М. : Рос. ассоц. полит. науки (РАПН) : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2012. С. 187—204.

17. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2006. 288 с.

18. Соколова Е. П. Агрессивные тенденции в российских СМИ как проявление осо-

бенностей политической культуры // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2010. № 4. С. 274—280.

19. Фадеичева М. А. Экзистенциальные основания языка вражды // Дискурс-Пи. 2015. № 1(18). С. 20—24.

20. Чес Н. А. Конструирование образа врага в метафорической картине мира в условиях информационной войны (на материале англоязычного политического дискурса) // Человеческий капитал. 2015. № 11—12 (83—84). С. 36—39.

21. Шеватлохова Е. Д. Особенности реализации стратегии создания образа врага в текстах, подлежащих рассмотрению при проведении лингвистической экспертизы по делам об экстремизме // Вестник АГУ. 2016. № 2 (177). С. 117—120.

22. Шейгал Е. И., Дешеева В. В. Агональность в коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34 (172). Филология. Искусствоведение. Вып. 36. С. 145—148.

23. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 35—67.

References

1. Gobbs T. (1989) *Sochineniya: v 2 tomah*. T. 1. Moscow, Mysl', 622 p. [in Rus].

2. Dejk T.A., van (2013) *Diskurs i vlast': Reprezentaciya dominirovaniya v yazyke i kommunikacii*. Moscow, LIBROKOM, 344 p. [in Rus].

3. Denisov D.A. (2009) *Vestnik RRGU*, no. 1, pp. 113—126 [in Rus].

4. Dzyaloshinskij I.M., Dzyaloshinskaya M.I. (2007) *Rossijskie SMI: kak sozdaetsya obraz vraga: stat'i raznyh let*. Moscow, Academia, 169 p. [in Rus].

5. Evstaf'eva A.V. (2008) *Vestnik TyumGU*, no. 1, pp. 125—133 [in Rus].

6. Zimmel' G. (1994) *Sociologicheskij zhurnal*, no. 2, pp. 114—119 [in Rus].

7. Issers O.S. (2008) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi*. Moscow, Izdatel'stvo LKI, 288 p. [in Rus].

8. Kant I. (1965) *Sochineniya: v 6 tomah*. T. 4. Ch. 2 Moscow, Mysl', 478 p. [in Rus].

9. Kol'cova E.Y., Taratuta E.E. (2003) *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, no. 4, pp. 113—129 [in Rus].

10. Korobkova O.S. (2011) *Izvestiya RGPU im. A.I.Gercena. Seriya Filologiya*, no. 111, pp. 200—205 [in Rus].

11. Mishlanov V.A., Salimovskij V.A. (2006) *Diskurs vrazhdebnosti kak social'nyj fenomen. Yazyk vrazhdy i yazyk soglasiya v sociokul'turnom kontekste sovremennosti*. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 56—65.

12. Nicshe F. (1990) K genealogii morali. Sochineniya: v 2 tomah. T. 2. Moscow, Mysl', 829 p. [in Rus].

13. Nojmann I. (2004) Ispol'zovanie «Drugogo». Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskih identichnostej. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 335 p. [in Rus].

14. Ponarin E., Dubrovskij D., Tolkachyova A., Akif'eva R. (2007) Yazyk vrazhdy protiv obshchestva, pp. 72—106 [in Rus].

15. Repina L.P. (2012) *Dialog so vremenem*, no. 39, pp. 9—19 [in Rus].

16. Rusakova O.F. (2012) Politicheskaya kommunikativistika: teoriya, metodologiya i praktika. Moscow, Rossijskaya asociaciya politicheskoy nauki (RAPN), Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEHN), Moscow, pp. 187—204 [in Rus].

17. Senyavskaya E.S. (2006) Protivniki Rossii v vojnah XX veka: evolyuciya «obrazavruga» v soznanii armii i obshchestva. Moscow, Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEHN), 288 p. [in Rus].

18. Fadeicheva, M.A. (2015) *Diskurs-Pi*, no. 1 (18), pp. 20—24 [in Rus].

19. Fedorov N.F. (1995) *Sobranie sochinenij*: v 4 tomah. T. 1. Moscow, Progress, 518 p. [in Rus].

20. Ches N.A. (2015) *Chelovecheskij capital*, no. 11—12 (83—84), pp. 36—39 [in Rus].

21. Shevatlohova E.D. (2016) *Vestnik AGU*, no. 2 (177), pp. 117—120 [in Rus].

22. Shejgal E.I., Deshevova V.V. (2009) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*, no. 34 (172), pp. 145—148 [in Rus].

23. Shmitt K. (1992) *Voprosy sociologii*, no. 1, pp. 35—67 [in Rus].

For citing: Fursov K.K.

Discourse of mass media hostility: process of formation and theory structure // *Socium i vlast'*. 2018. № 5 (73). P. 46—56.

UDC 167.7-81'42-392.77

DISCOURSE OF MASS MEDIA HOSTILITY: PROCESS OF FORMATION AND THEORY STRUCTURE

Kirill K. Fursov,

Institute of Philosophy and Law,
the Russian Academy of Sciences, Ural Branch,
Post-graduate student,
The Russian Federation, 462363,
Orenburgskaya Oblast', Novotroitsk,
ulitsa Sovetskaya, 109.
E-mail: biathlon91@mail.ru

Annotation

The author gives the definition of “mass media hostility discourse” and describes the universal structure of this theory. In the basis of the “hostility discourse” there is the definition of hostility which is formed from three approaches: agonal, axiological and the theory of intergroup relations. The basis for forming the theory of “mass media hostility discourse” were the theories of “hostility language”, “enemy image”, in-group and out-group discourse, intolerant and agonal discourse. Prevalence of the discourse-analysis method resulted in forming a universal notion of “mass media hostility discourse”.

The important features of “mass media hostility discourse” are hostile rhetoric and emotiveness.

Key concepts:

hostility discourse,
mass media,
“enemy image”,
agonal,
axiological.

Для цитирования: Иванов О. П., Шибанова Е. К., Аверьянова Д. В. Регулирование государственной молодежной политики на основе системы сбалансированных показателей // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 57—70.

УДК 304.44

РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ НА ОСНОВЕ СИСТЕМЫ СБАЛАНСИРОВАННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Иванов Олег Петрович,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
лаборатория прикладной политологии
и социологии,
старший научный сотрудник,
кандидат технических наук, доцент.
Российская Федерация, 454077,
г. Челябинск, ул. Комарова, д. 26.
E-mail: oleg_ivanov@chel.ranepa.ru

Шибанова Елена Климентьевна,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
начальник учебно-методического отдела,
кандидат педагогических наук, доцент.
Российская Федерация, 454077,
г. Челябинск, ул. Комарова, д. 26.
E-mail: shibanova@chel.ranepa.ru

Аверьянова Дарья Валерьевна,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
лаборатория прикладной политологии
и социологии,
младший научный сотрудник.
Российская Федерация, 454077,
г. Челябинск, ул. Комарова, д. 26.
E-mail: bdv@chel.ranepa.ru

Аннотация

В статье представлены механизмы регулирования государственной молодежной политики на основе системы сбалансированных показателей. Методика Д. Нортон и Р. Каплана, адаптированная к сфере молодежной политики, отражает паритет интересов молодежи, общества, экономики и государства. Предложена авторская система интегральных показателей молодежной политики региона, балансирующих интересы сторон; каскадирование интегральных показателей, как трансляция региональных показателей на муниципальный уровень; матрица приоритетов в планировании и реализации молодежной политики. Подготовлены рекомендации по внедрению разработанной системы сбалансированных показателей в практику управления развитием молодежи региона. Основные результаты исследования и разработок отражают научное обоснование применения системы сбалансированных показателей для управления реализацией полномочий органов государственного и муниципального управления в сфере государственной молодежной политики. Выделение «логики» причинно-следственного взаимодействия сбалансированных показателей позволяет получить синергетический эффект и возможность достижения базовых целей основных акторов и стейкхолдеров в процессах планирования и реализации молодежной политики.

Ключевые понятия:

молодежная политика,
показатели,
система сбалансированных показателей,
управление,
государственное регулирование.

Введение

Происходящие в мире глобальные изменения порождают целый ряд актуальных социальных проблем, требующих поиска и использования новых возможностей в управлении развитием Российской Федерации. Динамично изменяющиеся обстоятельства оказывают влияние не только на статистически измеримые показатели качества жизни населения, но и на характер восприятия и оценку населением происходящего в России и за рубежом, часто, прежде всего в молодежной среде, порождают алармистские настроения и нигилизм, ставящий под сомнение, а в крайней своей форме отрицающий еще недавно общепринятые ценности, идеалы, нормы нравственности и культуры. По сути, происходит активное переформатирование менталитета молодых людей.

Причиной этих изменений во многом являются научно-технический прогресс и современные технологии, существенно меняющие производственные, информационные возможности и коммуникационные отношения в обществе, в том числе и в молодежной среде. Это делает жизнь людей во многом иной, отличной от привычных жизненных установок поколения, рожденного в 50-е — 70-е гг. прошлого века. Инновационные тенденции, проникая в сознание людей, порождают совершенно новые, часто до конца не осознанные, но активно декларируемые требования к организации жизни, к экономическим и социальным условиям жизни [4, с. 67].

Наиболее восприимчивой и подготовленной к использованию технологических новшеств и создаваемых ими новых возможностей является молодежь. Одновременно она же является наиболее предрасположенной к генерации на их основе креативных идей, технологий, а также сфер и способов их использования. Молодежь в силу возрастных особенностей может иметь глубокий горизонт в планировании своей жизнедеятельности. Особенно это касается ее активной и наиболее образованной части и поэтому именно она является главным стратегическим ресурсом, определяющим перспективы развития стран, в т. ч. и России. Реальные факты и события, происходящие в самых различных странах, показывают, что в этих условиях молодежь может стать как драйвером развития страны, так и драйвером введения ее в состояние хаоса [10, с. 187].

* * *

В мире сегодня идет нарастающая конкуренция между странами за жизненно важные для развития ресурсы, главным из которых все более определенно становится интеллект. Носителем критического мышления, растущего и меняющего мир интеллекта во все времена были молодые люди. Именно за этот ресурс сегодня идет перманентная и очень жесткая борьба с использованием новейших технологий менеджмента, психологии, достижений других наук. Достаточно вспомнить речь Аллена Даллеса, директора ЦРУ на конгрессе США в 1945 г., на основе которой 18 августа 1948 г. Совет Национальной Безопасности США принял доктрину 20/1. Главным направлением в противостоянии с Советским Союзом была обозначена борьба за умы молодежи.

Сегодня это противостояние не стало менее острым. Необходимо понять, что в условиях сегодняшнего дня использование в молодежной политике управленческих принципов и технологий, устаревших инструментов прошлого века, созданных в совершенно иных технологических, экономических, социальных и политических условиях — означает быть обреченным на проигрыш.

В программных установках и мероприятиях государственной молодежной политики России сегодня определены основные направления и мероприятия по работе с молодежью¹. Однако в этих документах и практических рекомендациях используются далеко не все возможности, созданные новыми управленческими и информационными технологиями.

В стратегии государственной молодежной политики Российской Федерации ключевая трактовка понятия «государственная молодежная политика» формулируется следующим образом: «Это система формирования приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, для развития ее потенциала в интересах России и, следовательно, на социально-экономическое и культурное развитие страны, обеспечение ее конкурентоспособности и укрепление национальной безопасности»². Основным средством разви-

¹ Росмолодежь. Органы власти в регионах. URL: <https://fadm.gov.ru/agency/structure/regions/74> (дата обращения: 03.06.2018).

² Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации (в ред. распоряжений Правительства РФ от 12.03.2008 № 301-р от 28.02.2009 № 251-р, от 16.07.2009 № 997-р).

тия потенциала молодёжи является её вовлечение в активную социально-экономическую, общественно-политическую и социокультурную жизнь российского общества [7, с. 542]. Перед органами государственной власти стоит сложная задача: необходимо «пройти по лезвию бритвы», создавая одновременно условия свободы для развития активности молодежи и систему мотивации, обеспечивающую использование свободы для движения в позитивном и конструктивном направлении. Для этого требуются здоровые взгляды и подходы на формирование и реализацию молодежной политики РФ [6, с. 158].

Стратегическим рычагом молодежной политики может быть идея управления сложными социально-экономическими объектами на основе системы сбалансированных показателей (BSC), предложенная Д. Нортоном и Р. Капланом. Сразу же следует подчеркнуть, что в контексте BSC смысл термина «сбалансированных» и главная заслуга авторов этой методики заключается в формализации и создания четкого алгоритма формирования в стратегических ориентирах паритетных условий, отражающих стремление к совмещению и обеспечению ключевых интересов основных акторов, задействованных в формировании и реализации молодежной политики. Технологическая часть этой методики состоит в трансляции стратегических целей в систему показателей и разработке соответствующих инициатив, обеспечивающих достижение поставленных целей [11, с. 71]. За прошедшие 20 лет BSC получила широкое распространение. Она все более широко входит в практику государственного и муниципального управления, в частности в сферах здравоохранения, образования, культуры, государственного управления в иных бюджетных структурах [8, с. 305].

Методика BSC предполагает в решении управленческих задач движение от миссии молодежной политики и приоритетных направлений развития к конкретным стратегическим целям и отражающим их измеримым показателям, дальнейшему их каскадированию по уровням системы управления, выходя в итоге на конкретные инициативы, обеспечивающие достижение поставленных целей. «Изюминкой» системы сбалансированных показателей в данном случае является базовый принцип соразмерности, на основе которого формируются целевые ориентиры молодежной политики, осуществляется оцифровка показателей и выбираются критерии для оценки ее результатов в матричной многомерной системе. Этот

принцип ориентирует разработчиков на одновременное и паритетное удовлетворение интересов различных сторон, участвующих в процессах, так или иначе связанных с реализацией молодежной политики [5, с. 162].

Интеграция интересов ключевых участников этих процессов дает возможность получить синергетический эффект их взаимодействия в конкретных мероприятиях, повышает результативность использования имеющихся ресурсов. Основными участниками и стейкхолдерами молодежной политики являются: **молодежь** в возрасте от 14 до 30 лет; **общество**, частью которого является сама молодежь; **экономика**, создающая материальную основу жизни общества; **государство**, осуществляющее координацию всех сфер жизни населения и экономической деятельности страны. Целью данного исследования является поиск показателей, балансирующих интересы перечисленных сторон. В такой постановке задача формирования и управления реализацией молодежной политики в России и за рубежом ранее не ставилась и не решалась.

Система ключевых показателей реализации государственной молодежной политики региональными органами исполнительной власти, утвержденная приказом ФАДМ¹, охватывает достаточно широкий спектр работы с молодежью и содержит 46 основных показателей, распределенных по 15 группам:

1. Вовлечение молодежи в волонтерскую деятельность.
2. Вовлечение молодежи в инновационную деятельность и научно-техническое творчество.
3. Содействие профориентации и карьерным устремлениям молодежи.
4. Патриотическое воспитание молодежи.
5. Вовлечение молодежи в здоровый образ жизни и занятия спортом, популяризация культуры безопасности в молодежной среде.
6. Вовлечение молодежи в занятие творческой деятельностью.
7. Развитие молодежного самоуправления.
8. Поддержка и взаимодействие с общественными организациями и движениями.
9. Вовлечение молодежи в работу средств массовой информации (молодежные медиа).

¹ О принятии Концепции молодежной политики города Челябинска «Молодежь Челябинска в третьем тысячелетии». URL: <http://docs.cntd.ru/document/920302457> (дата обращения: 25.05.2018).

10. Формирование у молодежи традиционных семейных ценностей.
11. Социализация молодежи, нуждающейся в особой заботе государства.
12. Содействие подготовке и переподготовке специалистов в сфере государственной молодежной политики.
13. Формирование российской идентичности, единства российской нации, содействие межкультурному и межконфессиональному диалогу.
14. Развитие международного и межрегионального молодежного сотрудничества.
15. Работа с молодежью, находящейся в социально опасном положении

В целом эти показатели отражают результаты деятельности молодежи на муниципальном и региональном уровнях, однако более глубокий анализ приводит также и к другим выводам.

1. Система показателей отражает количество мероприятий и их участников, но никак не качество и результаты этих мероприятий.
2. Далеко не все показатели имеют достоверную статистическую поддержку, т. к. они либо вообще не фиксируются, либо фиксируются «на глаз», очень приблизительно.
3. Показатели, как и весь документ, отражают мероприятия, направленные на поддержку только молодежи. Это правильно идеологически, но совершенно ошибочно инструментально. Политика не может быть успешной, если она в своей реализации крайне узко учитывает интересы только одной стороны некоторых сложных социально-экономических процессов. Здесь формируется именно такая ситуация.
4. Группы показателей имеют разное количество внутренних измерителей, что порождает определенные сомнения в достоверности вариативной статистики по каждой группе.
5. Группы показателей априори имеют разный вес, что совершенно не отражено в СКП.

Между тем, вопросам формирования и реализации эффективной молодежной политики (МП) за рубежом уделяется очень большое внимание. Органы власти отчетливо понимают, что борьба за молодежь имеет высочайший приоритет в решении задач развития с горизонтом в несколько десятилетий [2]. Вот несколько ключевых моментов, касающихся МП в зарубежных странах:

1. Особенностью западной МП является ее направленность на различные группы, не только на «проблемные». Молодежь разделяют на группы, что позволяет более конкретизировать мероприятия в соответствии с возрастом, интересами, предпочтениями и пр.
2. Процесс формирования МП является не только государственной, но и межгосударственной задачей, развивается межгосударственное сотрудничество, молодежная политика находится в фокусе внимания международных организаций, в т. ч. ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ, МОТ.
3. Законодательство большинства зарубежных стран, регулирующее вопросы МП, отличается множественностью актов законодательного и подзаконного характера. Принимается большое количество межотраслевых документов, направленных на осуществление отдельных аспектов МП.
4. Расширяется практика регламентации МП на местном уровне, акцент делается именно на работу местных органов, поскольку они наиболее приближены к потребителям услуг.
5. Важная роль принадлежит программам и проектам практической направленности, которые предусматривают определённые виды деятельности по поддержке молодежи в разных сферах.
6. Во многих странах действует институт молодежного омбудсмана. Это Германия, Великобритания, Нидерланды, Финляндия, Польша, Новая Зеландия, Австралия [9, с. 5].

В контексте исследования практики реализации МП наибольший интерес представляют инновационные организационно-управленческие технологии ее обеспечения [3, с. 10]. Следовательно, проблемы эффективности и результативности молодежной политики обусловлены необходимостью конкретизации дефиниции «эффективность и результативность молодежной политики», следствием чего является необходимость разработки измеримых показателей для планирования и оценки эффективности МП на региональном и местном уровнях. Говоря об эффективности, следует соотносить полученные выгоды и понесенные при этом затраты. Если по затратам оценки можно сделать практически на любом уровне управления, то оценка полученных выгод —

задача многократно более сложная. Многие полезные результаты с определенной долей вероятности могут быть получены и станут очевидными по истечению многих лет.

В рамках настоящего исследования авторы предлагают оценивать результативность региональной МП и ее реализации на уровне муниципалитетов, используя систему конкретных измеримых и показателей, отражающих интересы молодежи, общества, экономики и государства. Эти показатели, принципиально трансформируемые, могут быть использованы для разработки и проведения мероприятий, обеспечивающих планомерное воздействие на основных участников и стейкхолдеров МП.

В классической форме процедура разработки и практического использования BSC в управлении МП может быть представлена следующим образом: BSC — на основе анализа факторов внешней среды, внутреннего потенциала организации (SWOT-анализ) и формулирования ее миссии осуществляется разработка стратегии развития организации.

1. Построение BSC — формирование и конкретизация стратегических целей; связывание стратегических целей причинно-следственными цепочками, построение стратегической карты; разработка системы показателей и определение их целевых значений; разработка стратегических мероприятий.
2. Каскадирование BSC — декомпозиция целей верхнего уровня на более низкие уровни организации с целью их передачи и конкретизации в BSC нижестоящих структурных подразделений (например, от региональных органов власти на уровень муници-

палитетов). Это обеспечивает взаимосвязь системы показателей верхнего уровня (региональное Управление МП) и нижестоящих структурных подразделений (ответственные структуры муниципалитетов), а также формирует единый и непротиворечивый вектор развития объекта управления в целом.

3. Контроль выполнения стратегии — оценка степени достижения целевых показателей по уровням и по «горизонту». Одновременно осуществляется оценка результативности работы всех структурных подразделений и персонала, решаются вопросы по мотивации трудовой деятельности.

В целом логика, структура и последовательность разработки системы сбалансированных показателей как инструмента управления реализацией полномочий и оценки деятельности уполномоченных органов в сфере государственной МП на региональном и муниципальном уровнях» выглядят следующим образом (рис. 1).

Рассмотрим некоторые аспекты использования методики BSC в формировании молодежной политики, SWOT-анализ и ее приоритетные направления на примере Челябинской области.

Миссия как предназначение региональной молодежной политики в обеспечении жизнедеятельности государства как социально-экономической системы более высокого уровня должна отражать интересы: молодежи, ориентированной на собственное развитие и достижение высокого уровня качества жизни; общества, частью которого является молодежь как социальной среды жизнедеятельности молодежи; экономической среды, генерирующей ресурсы

Рис. 1. Концепт логики решения задачи формирования и управления реализацией региональной МП

для реализации задач развития региона и государства, в т. ч. органов государственного и муниципального управления как структуры, обеспечивающей координацию в использовании всех видов ресурсов с целью социально-экономического развития¹. Максимально возможно совмещение интересов и целей четырех перечисленных сторон может обеспечить высокую результативность МП. Это обстоятельство является необходимым условием для появления синергетического эффекта как результата взаимодействия основных акторов МП, взаимного усиления и повышения результативности их совместных действий в реализации всего пакета конкретных проектов реализации молодежной политики².

В настоящее время известно достаточно большое число формулировок миссии МП как таковой. Они весьма разнообразны. Например, «смысл молодежной политики состоит в том, чтобы создать в обществе условия и стимулы для жизнедеятельности новых поколений, которые способствовали бы проявлению, развитию и реализации задатков, способностей и талантов молодых людей в целях социально-экономического и политического прогресса российского общества»³. В проекте Федерального закона «О государственной молодежной политике в Российской Федерации» государственная МП определяется как «система формирования приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, для развития ее потенциала в интересах России, социально-экономического развития страны, обеспечения ее конкурентоспособности и укрепления национальной безопасности»⁴.

Руководитель Росмолодежи сформулировал суть миссии молодежной политики следующим образом: формирование миро-

возрения молодежи, «достижение успеха, патриотические цели, здоровый образ жизни, бережное отношение к природе. Развитие у молодежи востребованных компетенций: креативное мышление, способность генерировать инновации, коммерциализация идей, наличие предпринимательских навыков, гражданское участие, осознанное и ответственное социальное поведение, жизненная навигация, выстраивание профессиональных компетенций, проектное мышление, умение управлять проектами»⁵. В стратегии развития МП регионов, например Ставропольского края, миссия звучит следующим образом: «Содействие формированию личности молодого человека с активной жизненной позицией посредством обеспечения его прав, интересов и поддержки его инициатив»⁶.

Представляет определенный интерес и такая формулировка миссии: миссией МП является только одно — выстраивание доверительных и понятных коммуникаций между молодежным сообществом, старшим поколением и действующей властью с целью передачи, усвоения, сохранения ценностных ориентиров — глубинных архетипов народного сознания, посредством которых и развивается историческая сущность и предназначение нации, народа [1].

Для формулирования миссии на основе паритетного (сбалансированного) сочетания интересов сторон: молодежи и основных акторов и стейкхолдеров среды ее жизнедеятельности может быть использована следующая схема:

1. Определение круга акторов и стейкхолдеров, определяющих эффективность и результативность МП.
2. Выполнение SWOT-анализа состояния МП с целью выявления ее сильных и слабых сторон, а также внешних благоприятных возможностей и угроз.
3. Формирование перечня ключевых слов (фраз), отражающих интересы акторов и стейкхолдеров МП.
4. Используя ключевые слова (фразы) как носителей смысла, формулирование миссии в полном с точки зрения информационной наполненности варианте.
5. Оптимизация формулировки миссии с позиций логики, филологии,

¹ Постановления в сфере молодежной политики ЧО. URL: <http://gump74.ru/dokumenty/postanovleniya-v-sfere-molodezhnoj-politiki-cho/> (дата обращения: 1.06.2016).

² Росмолодёжь — федеральное агентство по делам молодёжи. URL: <https://fadm.gov.ru/docs?categoryId=14&page> (дата обращения: 06.06.2018)

³ О критериях эффективности молодёжной политики. URL: http://nasha-molodezh.ru/society/o_kriterijakh_ehffektivnosti_molodjozhnoj_politiki.html (дата обращения: 20.05.2018).

⁴ Проект Федерального закона «О государственной молодежной политике в Российской Федерации», внесен депутатом Государственной думы Буратаевой А. М. URL: http://nasha-molodezh.ru/society/o_kriterijakh_ehffektivnosti_molodjozhnoj_politiki.html (дата обращения: 14.06.2018).

⁵ Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации (в ред. распоряжений Правительства РФ от 12.03.2008 № 301-р, от 28.02.2009 № 251-р, от 16.07.2009 № 997-р).

⁶ Стратегия развития молодежной политики в Ставропольском крае до 2020 года. URL: <http://pandia.ru/text/78/622/16600.php> (дата обращения: 10.05.2018).

психологической привлекательности и непротиворечивости, а также ее краткости.

Ниже представлена схема (рис. 2), в которой приведены ключевые понятия, отражающие главные интересы молодежи, государства, общества и экономики в успешном и эффективном осуществлении молодежной политики.

Перечисленные понятия должны стать главными (реперными), работающими на уровне подсознания, смысловыми элементами в формулировке миссии. Следует также в этой связи вспомнить слова Президента Российской Федерации В. Путина, подтверждающие многоаспектность молодежной политики: «Когда мы говорим о молодежной политике, то имеем в виду целый комплекс экономических, социальных вопросов, проблем демографии, науки, образования, жилищной политики. Это продолжение нашей стратегической линии на инвестиции в человеческий капитал».

По мнению авторов, миссия молодежной политики на основе баланса интересов основных акторов может быть представлена следующим образом: «Создание условий для успешного физического и интеллектуального развития молодежи, обеспечивающего высокий уровень жизни и социальный комфорт общества на основе предприимчивости, профессиональных компетенций и инновационного менталитета нового поколения, гарантирующих национальную безопасность и экономическое процветание России».

Следующим шагом в стратегическом планировании и формировании BSC является SWOT-анализ текущего состояния молодежной политики на примере Челябинской области (табл. 1).

Результаты SWOT-анализа позволили сделать следующие выводы:

1. Молодежь является главным и наиболее активным ресурсом, на основе которого формируется будущее всех без исключения стран. Борьба за умы молодежи — это борьба за будущее страны.
2. Внешняя по отношению к России среда в настоящее время содержит как позитивные, так и негативные факторы влияния на молодежную политику страны. Искусство управления заключается в умении использовать первые и парировать вторые.
3. Задача создания благоприятных условий для жизни и развития молодых людей становится все более актуальной как для государства, так и для отдельных территорий, городов, населенных пунктов. Приоритет в создании условий для развития молодежи имеет стратегический характер и должен стать доминирующим в решении задач развития общества.
4. Решение этой задачи требует формирования активной и результативной молодежной политики, пронизывающей все уровни и срезы российского общества. Разработка и реализация эффективной молодежной политики должны опираться на современные возможности техники и технологий, новейший инструментарий менеджмента и достижений в других сферах науки.
5. Эффективная молодежная политика в современных условиях роста идеологической конкуренции за умы молодежи немыслима без использования

	Молодежь 1. Здоровье. 2. Успешное развитие. 3. Материальный достаток	
Общество 1. Национальная и религиозная толерантность. 2. Социальная и моральная адекватность. 3. Взаимопонимание поколений	МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА	Государство 1. Развитие человеческого капитала. 2. Патриотизм и готовность служить Родине. 3. Развитие активности при исключении экстремизма
	Экономика 1. Профессиональные компетенции. 2. Инновационный менталитет. 3. Предпринимательские навыки	

Рис. 2. Ключевые понятия, отражающие сущность главных интересов молодежи, государства, общества и экономики

SWOT-анализ молодежной среды Челябинской области

Внутренняя среда	
Сильные стороны	Слабые стороны
<ol style="list-style-type: none"> 1. Активное развитие общественных молодежных структур (молодежных палат и молодежных советов при органах власти). 2. Начало становления процессов кооптации молодежных лидеров во властные структуры. 3. Появление информационной среды общения молодежного актива как средства реализации инициатив. 4. Формирование молодежной среды из молодых людей, родившихся в рыночной экономике и адаптированных к ее специфике. 5. Рост индивидуальной и групповой активности молодежи и развитие ориентации на лидерство и профессиональный успех (поколение Z). 6. Растущий тренд формирования молодежной моды на здоровый образ жизни и приобщение к спорту на уровне хобби и не только 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Устаревшие, созданные для условий прошлого века принципы, механизмы и инструментарий формирования и реализации молодежной политики. 2. Недостаточность и отсутствие системы профессиональной подготовки специалистов для работы с молодежью. 3. Финансирование по остаточному принципу деятельности органов, формирующих и осуществляющих молодежную политику, мероприятий по реализации молодежной политики. 4. Слабое использование возможностей формата ГЧП в финансировании молодежных программ и проектов, обеспечение государственно-частной поддержки молодежных стартапов. 5. Высокая инертность и менталитет неуверенности и невозможности изменений в подсознании молодежи периферийных территорий, низкая политическая активность, индифферентность. 6. Межведомственный характер рассматриваемой отрасли, отсутствие в органах исполнительной власти единого центра, осуществляющего и координирующего реализацию молодежной политики. 7. Сохраняющаяся с прежних времен установка властных структур рассматривать молодежь в качестве ресурсных доноров, одной из социально незащищенных групп населения, а не как основной ресурс, генерирующий возможности социального развития
Внешняя среда	
Благоприятные возможности	Угрозы
<ol style="list-style-type: none"> 1. Развитие сетевых технологий, способствующих интеграции молодежи, формированию молодежных структур. 2. Наличие общественных организаций — элементов гражданского общества — способствующих реализации молодежной политики. 3. Достаточно развитая система образовательных учреждений, повышающих качество человеческого капитала. 4. Растущее осознание органами власти важности и стратегического характера молодежной политики и целенаправленного формирования поколения next. 5. Рост спектра возможностей, играющих роль социального лифта и требующих креативной активности, ориентации на самодостаточность, умение работать в команде и ориентации на успех 6. Ожидаемая структурная перестройка экономики России связана с омоложением ключевых персон в управлении организациями, регионами, страной, и это открывает широкий спектр возможностей для самореализации молодежи здесь и сейчас. 7. Формирование тенденции использования в отрасли системы общественной экспертизы 8. Развитие дистанционных образовательных проектов, просветительских программ, способствующих росту образовательного и социального капитала, а также формированию условий для успешного развития потенциала молодежи и ее эффективной самореализации 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Трансформация структурного кризиса в экономике в хроническую стагнацию, определяющую низкий уровень востребованности, возможностей развития и самореализации молодежи 2. Эмиграция наиболее талантливой, профессионально подготовленной предприимчивой, активной и самодостаточной молодежи за пределы региона (и страны) 3. Мощное и комплексное идеологическое воздействие западной культуры, жизненных ценностей и приоритетов, разрушение национальной самоидентификации в молодежной среде 4. Рост охвата «неустроенной» молодежи опасными асоциальными явлениями (экстремизм, молодежные суициды, наркомания, алкоголь и др.) 5. Отсутствие внятной нормативной базы, способствующей реализации молодежной политики (например, отсутствие закона о молодежи). 6. Рост доли неет-молодѣжи (не работают и не учатся), имеющей большое количество свободного времени, ничем не заполненного. 7. Отсутствие системной работы по привлечению денежных средств бизнес-сообществ, благотворительных фондов, общественных организаций на реализацию молодежной политики

гуманных, эксклюзивных технологий управления людьми, ориентированных на глубокое понимание специфики объекта управления — молодежной части населения России.

6. Ситуация в Челябинской области, постепенно теряющей лидирующие позиции в экономике среди регионов России, и растущая миграция молодежи в более успешные регионы определяют повышенную актуальность своевременного формирования эффективной региональной молодежной политики на основе современных технологий менеджмента.
7. Используемые сегодня методики и процедуры формирования и инструментарий реализации молодежной политики во многом базируются на разработках прошлого времени, но произошедшие изменения в сфере технологий, социальной и экономической сферах, а также в политической жизни страны и мира делают их применение малопродуктивным и малоэффективным. Актуальной задачей становится поиск и создание нестандартных и соответствующих современным реалиям принципов, подходов и инструментов формирования и реализации молодежной политики.
8. Формирование и осуществление эффективной молодежной политики должно базироваться на принципе паритетного сочетания и максимально возможного сближения интересов основных действующих сил: самих молодых людей, общества, экономики и государства (региона, муниципалитета).
9. Молодежная среда, перманентно являющаяся наиболее активной и инновационно настроенной частью общества, требует особенных, «продвинутых» мероприятий по разумной и мягкой координации ее развития, целенаправленного создания естественных условий для ориентации активности и энергии в направлении самосовершенствования, социальной толерантности.

Таким образом, приоритетные стратегические направления политики развития молодежи могут быть представлены следующим образом:

1. Создание условий для повышения образовательного и профессионального уровня молодых людей.
2. Создание новых рабочих мест в сфере hi-tech для молодых людей, обла-

дающих набором профессиональных компетенций высокого уровня.

3. Включение молодежи в реальный процесс инновационного развития региона через создание условий и мотивации для раскрытия талантов и реализации потенциала личности.
4. Ресурсная поддержка молодежных инициатив и стимулирование ее предпринимательской активности.
5. Разрешение сложностей социальной адаптации молодежи, оказавшейся в трудной жизненной ситуации, как в плане социальной психологии, так и финансовой, физиологической и др.
6. Воспитание молодого поколения в духе нравственности, толерантности, патриотизма и готовности служить родине.
7. Поддержка ориентации молодежи на здоровый образ жизни и гармоничное физическое развитие.

Миссия и результаты SWOT-анализа региональной молодежной политики позволяют сформировать основные стратегические цели верхнего, регионального уровня. Последующее их каскадирование, трансляция на следующие уровни иерархической структуры системы управления молодежной политикой позволит получить еще одну систему конкретных целей, но уже для структурных подразделений управления молодежной политикой и муниципальных образований.

Система интегральных показателей региональной молодежной политики представлена в табл. 2.

Далее в соответствии с принципами методики Д. Нортон и Р. Каплана осуществляется каскадирование — трансляция региональных показателей на муниципальный уровень [5, с. 217]. Каскадирование интегральных показателей молодежной политики региона на муниципальный уровень в зависимости от конкретных условий, целей и задач молодежной политики может включать 24, 36 или 48 конкретных измеримых, обеспеченных регулярно формируемыми статистическими данными показателей, раскрывающих и детализирующих на уровне муниципалитетов стратегические цели региональной молодежной политики, а также те ожидаемые результаты, которые должны быть получены при достижении этих целей. Число показателей в каждой из 12 групп должно быть равным, что также обеспечивает паритет интересов основных акторов. Приведем в качестве примера фрагмент, в частности направление «Интересы молодежи» (табл. 3).

Таблица 2

Система интегральных показателей молодежной политики региона, балансирующих интересы сторон

1. МОЛОДЕЖЬ		
Интересы в молодежной политике: здоровье, успех, достаток		
1.1. Развитие и реализация творческого потенциала молодежи	1.2. Формирования поколения, ориентированного на здоровый образ жизни и занятия спортом	1.3. Повышение качества жизни молодежи
2. ОБЩЕСТВО		
Интересы в молодежной политике: толерантность, будущее, связь поколений		
2.1. Формирование межнациональной и межрелигиозной толерантности в молодежной среде	2.2. Достижение социальной и моральной адекватности в мышлении и поведении молодых людей	2.3. Высокий уровень взаимопонимания и взаимной поддержки различных поколений
3. ЭКОНОМИКА		
Интересы в молодежной политике: трудовые ресурсы, инновации, предприимчивость		
3.1. Рост профессиональных компетенций молодежи	3.2. Формирование инновационного менталитета молодого поколения	3.3. Развитие предпринимательской активности в молодежной среде
4. ГОСУДАРСТВО		
Интересы в молодежной политике: человеческий капитал, патриотизм, конструктивная активность		
4.1. Развитие человеческого капитала в молодежной среде	4.2. Формирование молодежной среды с патриотической ориентацией и готовностью служить Родине	4.3. Развитие активной жизненной позиции молодежи и неприемлемости использования асоциальных технологий в достижении успеха

Таблица 3

Каскадирование интегральных показателей молодежной политики региона на муниципальный уровень (фрагмент)

1. НАПРАВЛЕНИЕ: ИНТЕРЕСЫ МОЛОДЕЖИ		
№	Показатели	Целевые ориентиры
1.1	Развитие и реализация творческого потенциала молодежи	Наращивание творческого потенциала будущих поколений
1.1.1	Количество молодых людей, завоевавших призовые места в общероссийских и международных конкурсах, олимпиадах, награжденных премиями Президента РФ по поддержке талантливой молодежи	Вовлечение в статусные конкурсные мероприятия, выявления талантливых молодых людей и создание условий для развития их творческих амбиций
1.1.2	Количество участников региональных конкурсов по выявлению и поддержке талантливой молодежи	Мотивация и поддержка стремления молодежи к развитию своих способностей, талантов
1.2	Формирование поколения, ориентированного на здоровый образ жизни и занятия спортом	Увеличение периода и результативности активной и производительной жизни человека
1.2.1	Количество призовых мест, завоеванных молодыми людьми в общероссийских и международных соревнованиях	Развитие спортивных амбиций и ориентации на достижение лидерства в спорте и в жизни
1.2.2	Количество молодых граждан, принявших участие в мероприятиях спортивной направленности областного и федерального уровня	Максимальный охват молодежи массовым спортом и формирование моды на спортивный стиль и здоровый образ жизни

Представленные в табл. 2 целевые ориентиры и показатели для планирования мероприятий и оценки их результатов являются открытой системой и полностью соответствуют понятию «SMART-цели». Они также актуальны и отражают интересы основных акторов и стейкхолдеров. Все показатели конкретны и измеримы либо прямым измерением, либо

на уровне экспертных оценок. В решении вопросов планирования необходимо четко соблюдать один из ключевых принципов планирования: мероприятия, обеспечивающие достижение целей, должны иметь необходимые для успешной реализации ресурсы.

Предлагаемая система также позволяет на уровне экспертных оценок определять

зоны приоритетной концентрации ресурсов региональных Управлений молодежной политики (УМП). Всего в соответствии с весовыми характеристиками показателей можно выделить 4 зоны. Первая — зона максимальной и полной концентрации, вторая — зона высокой концентрации с учетом актуальности, третья — зона концентрации при наличии возможности и ресурсов, четвертая — зона концентрации по остаточному принципу. Результаты экспертного анализа весовых коэффициентов по трехуровневой шкале могут быть представлены, например, в виде матрицы (рис. 3).

Важным моментом является формирование условий для появления синергетического эффекта взаимодействия и взаимовлияния ориентиров и показателей молодежной политики. Возможная логика причинно-следственных связей представлена в табл. 4.

Синергетический эффект и возможность достижения базовых целей основных акто-

ров и стейкхолдеров определяются следующей логикой причинно-следственного взаимодействия сбалансированных показателей:

1. Физически здоровая, успешная в личном развитии и живущая в достатке молодежь формирует успешное общество будущего.
2. Общество, живущее в мире и согласии, видит перспективы своего будущего и формирует благоприятные условия для развития экономики.
3. Успех в экономике — это рост благополучия населения, экономической силы и авторитета государства, новые горизонты развития.
4. Экономически сильное, социально благополучное государство становится привлекательным для людей и инвестиций.

Разработка стратегических карт по методике BSC Р. Каплана и Д. Нортон

Весовые коэффициенты		Важность для реализации миссии МП		
		Высокая	Средняя	Низкая
Возможность активного влияния со стороны УМП	Высокая	Группа показателей !!!	Группа показателей !!!	Группа показателей !!
	Средняя	Группа показателей !!!	Группа показателей !!	Группа показателей !
	Низкая	Группа показателей !!	Группа показателей !	Группа показателей !?

Рис. 3. Матрица приоритетов в планировании и реализации молодежной политики

Таблица 4

Схема причинно-следственного взаимодействия BSC молодежной политики

Сбалансированные показатели — гармонизация интересов — достижение цели			
Государство	4.1. Развитие человеческого капитала в молодежной среде	4.2. Формирование патриотической ориентации в молодежной среде, готовности к осознанной деятельности в интересах страны	4.3. Развитие активности представителей молодежи и неприемлемости использования асоциальных технологий в достижении успеха
Экономика	3.1. Рост профессиональных компетенций молодежи	3.2. Формирование инновационного менталитета молодого поколения	3.3. Развитие предпринимательской активности в молодежной среде
Общество	2.1. Формирование межнациональной и межрелигиозной толерантности в молодежной среде	2.2. Достижение социальной и моральной адекватности в мышлении и поведении молодых людей	2.3. Высокий уровень взаимопонимания и взаимной поддержки различных поколений
Молодежь	1.1. Развитие и реализация творческого потенциала молодежи	1.2. Формирования поколения, ориентированного на здоровый образ жизни и занятия спортом	1.3. Повышение уровня качества жизни молодежи

должен обязательно осуществляться с прямым участием руководителей и исполнителей мероприятий по реализации молодежной политики.

Заключение

Будущее Российской Федерации во многом будет зависеть от того, насколько нынешняя молодежь окажется способной профессионально встроиться в экономику, каков будет уровень ее активности, патриотизма и культуры. Молодежная политика должна создать в стране благоприятные для развития молодых людей экономические, социальные и правовые условия. Все это станет возможным, если в молодежной политике сегодняшнего дня мы сможем найти решения и осуществить мероприятия, совмещающие интересы самой молодежи, общества, в котором она живет, экономики, предоставляющей молодежи возможность профессиональной самореализации, государства как системы, создающей необходимые условия для жизнедеятельности населения во всех его проявлениях. В стратегическом плане эта задача относится к числу важнейших для Российской Федерации.

Принцип паритета интересов основных акторов и стейкхолдеров молодежной политики заложен в основу разработок данной методики. Базовым инструментарием решения поставленных задач по совершенствованию планирования и реализации молодежной политики послужили: методика управления на основе системы сбалансированных показателей Д. Нортон и Р. Каплана, методика управления результативностью (эффективностью) Performance management, а также технология «мягкой силы» Soft Power.

Использование системы сбалансированных показателей в управлении молодежной политики позволяет:

1. Построить реально действующий, стандартизованный и одновременно гибкий механизм стратегического планирования и оценки результатов деятельности в сфере молодежной политики.
2. Сформировать комплексную систему сбалансированных показателей, равномерно, на принципах паритетности охватывающих в стратегии и инициативах молодежной политики интересы основных акторов и стейкхолдеров: молодежи, общества, экономики, государства.

3. Осуществить визуализацию плановых ориентиров и показателей эффективности (результативности), а также результатов выполнения этих планов с возможным построением рейтингов достижений муниципалитетов и отслеживанием для каждого муниципалитета временных трендов динамики показателей эффективности.
4. Определить в молодежной политике зоны особой напряженности, требующие повышенного внимания и дополнительных ресурсов для устранения негативных тенденций.

Результаты выполненных исследований позволяют рекомендовать предложенную методику формирования системы сбалансированных показателей для управления молодежной политикой на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

1. Артин В. Молодёжная политика: миссия. URL: <http://www.vzsar.ru/blogs/657> (дата обращения: 25.05.2018).

2. Белоконев С. Ю. Система мер по повышению эффективности государственной молодежной политики // Министерство образования и науки РФ. URL: <http://минобрнауки.рф/media/events/files/41d4701a45d6785bb30b.pdf> (дата обращения: 09.06.2018).

3. Зырянов С. Г. Горелова Г. Г. Место образования в системе ценностей студенческой молодежи // Социум и власть. 2015. № 4. С. 7—14.

4. Зырянов С. Г., Зырянова В. М. Особенности электоральной культуры современной российской молодежи // Социум и власть. 2016. № 2. С. 65—74.

5. Каплан Р., Нортон Д. Сбалансированная система показателей: от стратегии к действию. М. : Олимп-Бизнес, 2017. 320 с.

6. Николаева Л. А. Основные направления социальной работы с молодежью в России: (на примере Челябинской области) // Молодежь в науке и культуре XXI века : материалы междунар. науч.-творч. форума, 6—8 нояб. 2014 г. / сост. Е. В. Швачко. Челябинск : УрСИ, 2014. Ч. 2. С. 157—160.

7. Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 4 / под ред. В. С. Стёпина. М. : Юрайт, 2011. 736 с.

8. Райзберг Б. А. Программно-целевое планирование и управление. М. : Инфра-М, 2002. 428 с.

9. Рожнов О. А. Управление молодежной политикой в современной России : автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2006. 21 с.

10. Куленко И. К. Молодежный научный проект «Семь-Я!» // Социально-экономическое развитие России: возможности, проблемы, перспективы. Взгляд молодых : ст. и тез. докладов XIX Междунар. молодеж. науч. конф. Челябинск : УрСЭИ (филиал) ОУП ВПО «АТИСО», 2014. 412 с.

11. Norton D., Kaplan R. The Balanced Scorecard — Measures That Drive Performance. Harvard : Business Review, 1992. P. 71—79.

References

1. Artin V. Molodyozhnaya politika: Missiya. Available at: <http://www.vzsar.ru/blogs/657>, accessed 25.05.2018 [in Rus].

2. Belokonev S.Yu. Sistema mer po povysheniyu ehffektivnosti gosudarstvennoj molodezhnoj politiki. Available at: <http://minobrnauki.rf/media/events/files/41d4701a45d6785bb30b.pdf>, faccessed 09.06.2018 [in Rus].

3. Zyryanov S.G., Gorelova G.G. (2015) *Socium i vlast'*. no 4. pp. 7—14. [in Rus].

4. Zyryanov S.G., Zyryanova V.M. (2016) *Socium i vlast'*. no 2. pp. 65—74. [in Rus].

5. Kaplan R., Norton D. (2017) Sbalansirovannaya sistema pokazatelej: ot strategii

k dejstviyu. Moscow, Olimp-Biznes, 320 p. [in Rus].

6. Nikolaeva L.A. (2014) Osnovnye napravleniya social'noj raboty s molodezh'yu v Rossii: (na primere Chelyabinskoy oblasti) // *Molodezh' v nauke i kul'ture XXI veka*. Chelyabinsk, UuSI, pp. 157—160. [in Rus].

7. Styopina V.S., ed. (2011) *Novaya filosofskaya ehnciklopediya: v 4 tomah*. T. 4. Moscow, YUrajt. 736 p. [in Rus].

8. Rajzberg B.A. (2002) *Programmno-celevoe planirovanie i upravlenie*. Moscow, Infra-M6 428 p. [in Rus].

9. Rozhnov O.A. (2006) *Upravlenie molodezhnoj politikoj v sovremennoj Rossii*. Abstract of thesis. Moscow, 21 p. [in Rus].

10. Kulenko I.K. (2006) Molodèzhnyj nauchnyj proekt «Sem'-YA!» // *Social'no-ehkonomicheskoe razvitie Rossii: vozmozhnosti, problemy, perspektivy*. Vzglyad molodyh. Chelyabinsk, UrSEHI (filial) OUP VPO «АТИСО», 412 p. [in Rus].

11. Norton D., Kaplan R. (1992) *The Balanced Scorecard — Measures That Drive Performance*. Harvard, Business Review, pp. 71—79. [in Eng].

For citing: Ivanov O.P.,
Shibanova E.K., Averyanova D.V.
Regulating state youth policy
on the basis of the balanced scorecard //
Socium i vlast'. 2018. № 5 (73). P. 57—70.

UDC 304.44

REGULATING STATE YOUTH POLICY ON THE BASIS OF THE BALANCED SCORECARD

Oleg P. Ivanov,

The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Laboratory of the Applied Politology and Sociology
Senior Research Scientist,
Cand. Sc. (Technical Sciences),
The Russian Federation, 454077,
Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: oleg_ivanov@chel.ranepa.ru

Elena K. Shibanova,

The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Head of the Academic Services Office,
Cand. Sc. (Education), Associate Professor.
The Russian Federation, 454077,
Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: shibanova@chel.ranepa.ru

Darya V. Averyanova,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Laboratory of the Applied Politology
and Sociology Junior Research Scientist,
The Russian Federation, 454077,
Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: bdv@chel.ranepa.ru

Annotation

The article presents mechanisms of regulating state youth policy on the basis of the balanced scorecard. The methodology of D. Norton and R. Kaplan adapted to the sphere of youth policy reflects the parity of interests of youth, society, economy and state. The authors suggest their proprietary system of integral indicators the region's youth policy balancing the interests of the parties, cascading of the integral indicators as translating regional indicators on the municipal level, matrix of priorities in planning and implementing youth policy. Recommendations on implementing the developed balanced scorecard into the practice of managing the development of the region's youth are suggested. The key research insights reflect the scientific justification for applying the balanced scorecard in managing exercise of powers of public administration bodies in the sphere of state youth policy. Unveiling the logics of cause-effect interaction of the balanced scorecard makes it possible to get a synergetic effect and possibility to achieve the basic goals of the primary actors and stakeholders in the processes of planning and implementing youth policy.

Key concepts:
youth policy,
indicators,
balanced scorecard,
management,
state regulation.

Для цитирования: Качанова Е. А., Коротина Н. Ю. Методические аспекты оценки российской модели бюджетного федерализма с позиции асимметричности экономических критериев // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 71—81.

УДК 332.021

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ БЮДЖЕТНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА С ПОЗИЦИИ АСИММЕТРИЧНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КРИТЕРИЕВ

Качанова Елена Анатольевна,

Уральский институт РАНХиГС,
профессор кафедры экономики и управления,
доктор экономических наук, доцент,
Российская Федерация, 620002,
г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66
E-mail: elena.kachanova@ui.ranepa.ru

Коротина Наталья Юрьевна,

Челябинский филиал РАНХиГС
заведующий кафедрой экономики, финансов
и бухгалтерского учета
кандидат экономических наук, доцент,
Российская Федерация, 454077,
г. Челябинск, ул. Комарова, 26
E-mail: korotina@chel.ranepa.ru

Аннотация

Цель. Изучение российской модели бюджетного федерализма с позиции асимметричности следующих критериев: разграничения полномочий и расходных обязательств, закрепления налоговых источников, организации межбюджетных отношений, осуществления региональных и муниципальных заимствований.

Методы. Нормативный, структурный подходы.

Результаты. Проанализирована структура доходных источников, расходных полномочий, межбюджетных трансфертов и субрегиональных заимствований по уровням бюджетной системы. Сформулированы перспективные направления реформирования бюджетного федерализма с целью формирования у локальных территорий экономических стимулов самостоятельного развития.

Научная новизна. Доказано, что реализованная в России модель бюджетного федерализма является асимметричной по критериям разграничения полномочий и расходных обязательств, закрепления налоговых источников, действующей системы межбюджетных отношений, региональных и муниципальных заимствований

Ключевые понятия:

бюджетный федерализм,
асимметричность,
модель федерализма,
оценка асимметричности.

Введение

На современном этапе развития национальной экономики остро возрастают противоречия взаимодействия федерального центра, регионов и муниципальных образований. Проявлением этих процессов выступает: нарастающая социально-экономическая дифференциация территорий; усугубляющаяся асимметрия между расходными обязательствами публично-правовых образований и доходными источниками их реализации; периодические изменения в распределении функций и финансовых средств между государственными структурами разных уровней.

Все это, на взгляд авторов, свидетельствует о несовершенстве сложившейся в России модели бюджетного федерализма, определяющей состояние и развитие локальных территорий.

Для анализа сложившихся тенденций необходимо рассмотреть теоретико-методологические основы формирования и реализации модели бюджетного федерализма.

Предпосылки формирования асимметричной модели бюджетного федерализма в России

В системе публичного управления Российской Федерации на этапе зарождения федеративных отношений была выбрана кооперативная модель федерализма. Эту точку зрения разделяют не только сторонники концепции кооперативной природы Российской Федерации, но и ее оппоненты [11].

Следует отметить, что эта модель основана на отношениях координации, сотрудничества и постоянного взаимодействия между публично-правовыми образованиями. В то же время в российской модели присутствуют конкурирующие составляющие преимущественно в сфере распределения федеральной финансовой помощи. Фактически в России реализована «асимметричная модель» бюджетного федерализма, соединившая характеристики кооперативного и конкурентного федерализма [2, с. 113—121].

Авторы исходят из понимания асимметричности как универсального свойства развития региональных экономических систем. В статье используется подход, изложенный в работе Б. Т. Маргоева [7], при котором под асимметричностью понимается разупорядочение системы, нарушение порядка, равновесия, относительной устойчивости, пропорциональности и соразмерности между составными частями целого.

Понятие асимметричности бюджетного федерализма используется для отражения ситуации в бюджетной сфере наряду с понятиями «неоднородность», «дифференциация» в ряде работ отечественных [2; 11] и зарубежных авторов [12—15].

Предпосылками формирования асимметричной модели бюджетного федерализма послужила значительная политическая и экономико-географическая асимметрия в России. Гипотеза политической асимметрии, на взгляд авторов, подтверждается следующими факторами:

- 1) разделение Российской Федерации на субъекты по национальному признаку (22 республики, 4 автономных округа, 1 автономная область, занимающие 29 % территории и включающие 19 % населения) и административно-территориальному признаку (46 областей, 9 краев, 3 города федерального значения);
- 2) неравенство конституционного статуса субъектов федерации;
- 3) «скрытая асимметрия» (в частности, в неравном представительстве субъектов федерации в верхней палате федерального парламента) [10. С. 150—158].

Экономико-географическая асимметрия, в свою очередь, связана с крайней неоднородностью природно-географического расположения и социально-экономического развития территорий [1, с. 16—18]. Это подтверждают фактические данные, исходя из 3 основных критериев¹:

- 1) по запасам природных ресурсов. На пять самых богатых регионов: Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, Тюменскую область, республики Татарстан и Якутию (Саха) (где в сумме проживает около 6 % населения) приходится почти 53 % всех поступлений от налогов, сборов и платежей за пользование природными ресурсами. Один только Ханты-Мансийский автономный округ (равный по площади Франции), в котором проживает $\frac{1}{50}$ населения России, производит 80 % российской нефти. Доля топливной промышленности в общем объеме промышленного про-

¹ Расчеты авторов по данным статистического сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели» (Официальный сайт Федерального государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 28.12.2017)).

изводства варьируется в регионах от 0 до 86,8 %.

- 2) по размещению производительных сил на территории страны. Различие составляет 54 раза. В 2016 г. показатель ВРП на душу населения составил в среднем по России 443 950,7 тыс. р. Наименьшее значение ВРП на душу населения в г. Севастополь — 92 899,6 тыс. р. (в 4,8 раза меньше, чем средний российский показатель), следующее наименьшее значение у республики Ингушетия — 116 007,9 тыс. р., а наибольшее — 4 990 259,7 тыс. р. в Ненецком автономном округе;
- 3) по плотности населения. Российское население проживает крайне неравномерно: 68 % россиян проживают в европейской части России, составляющей 21 % территории. Плотность населения европейской России — 27 чел/км², азиатской — 3 чел/км². Доля городского населения составляет 74 %. Самые густонаселенные по плотности населения регионы — города федерального значения: Москва с плотностью 4834,31 чел/км², Санкт-Петербург (3764,49 чел/км²) и Севастополь (496,24 чел/км²). Самые малонаселенные регионы России: Чукотский автономный округ (0,07 чел/км²), Ненецкий автономный округ (0,25 чел/км²). Среднее значение плотности населения в России составляет 8,57 чел/км².

Сложившееся экономико-географическое неравенство усиливается реализацией асимметричной модели бюджетного федерализма и ведет к еще большему нарастанию региональной асимметрии.

Для определения актуальных направлений реформирования сложившейся модели российского федерализма с целью увеличения ее экономической эффективности авторы данной публикации предлагают свою методику анализа модели федерализма с позиций симметричности/асимметричности экономических критериев. Именно экономические критерии обуславливают синергетический эффект от всех применяемых инструментов, методов бюджетного регулирования в федеративном государстве, т. к. определяют объем и составляющие совокупного экономического продукта региона, рост благосостояния каждой локальной территории и индивида. Авторы считают, что к экономическим критериям оценки федерализма следует отнести: порядок разграничения полномочий между уровнями

управленческой иерархии; порядок разделения доходной базы и расходов бюджетов разных уровней; политику межбюджетных отношений; политику субнациональных и муниципальных заимствований.

Анализ модели российского федерализма по критерию разграничения полномочий между уровнями законодательной иерархии

В Российской Федерации полномочия между публично-правовыми образованиями разграничены так: установлен исчерпывающий перечень полномочий Федерации (он закреплен в ст. 71 Конституции РФ); перечень совместных полномочий Федерации и субъектов Федерации (ст. 72); все остальные полномочия по «остаточному принципу» закреплены в качестве собственных полномочий субъектов Федерации (ст. 73). Подобная система разграничения полномочий действует также в Австрии, ФРГ, Бразилии, Швейцарии.

В пределах своей компетенции и Федерация, и субъекты Федерации принимают правовые акты, решающие вопросы государственной и общественной жизни. По предметам ведения Российской Федерации (первая группа вопросов) принимаются федеральные законы, имеющие прямое действие на всей ее территории. По предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (вторая группа вопросов) издаются федеральные законы, в соответствии с которыми субъекты Федерации принимают уже свои законы и иные нормативные акты.

В части предметов исключительного ведения субъектов Федерации (третья группа вопросов) последние руководствуются конституцией или уставом субъекта и собственным законодательством, принимаемым региональным парламентом.

Отношения по разграничению полномочий федерального центра и субъектов Федерации можно оценивать как относительно симметричные для всех субъектов. Несмотря на то что в Российской Федерации осуществлено формирование системы разграничения полномочий между публично-правовыми образованиями, наблюдается тенденция их централизации. Так, за период 2012—2014 гг. отдельные полномочия муниципальных образований на постоянной основе перешли в ведение субъектов Федерации: в сфере здравоохранения, дошкольного образования, содействия занятости населения и другие. Наряду с этим,

с федерального уровня на региональный перешли полномочия по содержанию учреждений начального и среднего профессионального образования. В 2012 г. финансирование органов внутренних дел стало централизованным.

Также реализуемая в Российской Федерации модель федерализма предусматривает механизм передачи полномочий на временной основе. Следует отметить различные подходы регионов к передаче государственных полномочий органам местного самоуправления. Так, в 2016 г. 28 субъектов Российской Федерации увеличили количество переданных на муниципальный уровень государственных полномочий, а 15 субъектов Российской Федерации его сократили. По сравнению с 2015 г. в 2016 г. значительное снижение количества передаваемых государственных полномочий отмечается в Тюменской области (на 9), по остальным субъектам Российской Федерации снижение количества передаваемых государственных полномочий не превышает трех. Наибольшее количество переданных на муниципальный уровень государственных полномочий отмечается в 2016 г. в Свердловской области — 22, Ярославской области — 19 и Челябинской области — 16.

Количество передаваемых субъектами Российской Федерации на муниципальный уровень отдельных государственных полномочий остается существенным, в 2016 г. более 10 полномочий передано 14 субъектами Российской Федерации¹. Различие состава полномочий подтверждается закреплением обязанности субъектов Федерации и муниципальных образований вести ежегодный реестр расходных обязательств.

Таким образом, в отношениях субъектов Федерации и муниципальных образований по поводу предметов ведения и полномочий прослеживается значительная неравномерность, и поэтому российская модель федерализма с позиций разграничения полномочий оценивается как *асимметричная*.

¹ Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2016 год // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2017/06/main/Rezultaty_provedeniya_monitoringa_mestnykh_budzhetrov_za_2016_god-versiya_28.06.2017.pdf (дата обращения: 22.12.2017).

Анализ модели российского федерализма по критерию распределения бюджетных расходов

В процессе реализации российской модели федерализма присутствуют как совместные расходы, так и расходы, осуществляемые только одним уровнем власти. Исключительно из федерального бюджета Российской Федерации финансируются расходы в сфере национальной обороны, фундаментальных исследований, атомной безопасности страны, государственной поддержки железнодорожного, воздушного и морского транспорта, исследования и использования космического пространства, организации утилизации и переработки радиоактивных отходов и некоторые другие.

Из бюджетов субъектов и местных бюджетов финансируются программы: развития экономики региона; организации, содержания и развития муниципального жилищно-коммунального хозяйства; благоустройства территорий; организации утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов; обеспечения противопожарной безопасности.

В России отмечается большой перечень совместных расходов, которые финансируются одновременно их бюджетов разных уровней. Наиболее распространены совместные расходы социальной и инфраструктурной направленности. Расходование средств на локальных уровнях осуществляется в соответствии с социальными стандартами, установленными федеральным уровнем власти.

В связи с действием механизма передачи полномочий, расходы субъектов и муниципальных образований делятся на расходы на осуществление собственных полномочий и на осуществление передаваемых полномочий.

Анализ показал, что по муниципальным образованиям Российской Федерации расходы на выполнение государственных полномочий составили 36,2 % от всех расходов. Наблюдается значительная дифференциация по правовым типам муниципальных образований (табл. 1).

Таким образом, с позиции финансирования расходов в российской модели федерализма больше прослеживаются асимметричные черты.

Таблица 1

**Структура расходов местных бюджетов Российской Федерации
в разрезе полномочий и вопросов, 2016 г., %**

Муниципальное образование	Расходы на решение вопросов местного значения	Расходы по осуществлению государственных полномочий	Расходы на решение вопросов, не отнесенных к вопросам местного значения
Городские округа	64,3	35,2	0,5
Муниципальные районы	53,8	45,8	0,4
Городские поселения	99,1	0,7	0,2
Сельские поселения	98,1	1,8	0,1
В целом по муниципальным образованиям	63,4	36,2	0,4

**Анализ модели
российского федерализма
по критерию закрепления
налоговых доходов
бюджетов разных уровней**

Налоговые источники бюджетов всех видов публично-правовых образований четко разграничены федеральным законодательством (Бюджетным кодексом РФ) по вертикали. Наблюдается явное преимущество центра в формировании налоговых доходов и в их регулировании. Это преимущество прослеживается и по составу, и по объему собираемых средств.

Для регионов установлена определенная, но ограниченная свобода в назначении собственных налоговых источников. Собственные налоги субъекты и муниципалитеты могут устанавливать, только руководствуясь предложенным федеральным центром перечнем таких налогов в Бюджетном кодексе.

Ограниченность свободы региональных и местных властей в части налогового регулирования заключается и в установлении федеральным законодательством верхнего предела ставок по всем региональным и местным налогам.

В России широко используется принцип «расщепления» налогов, графическое представление которого отражено в табл. 2.

В российской модели федеральный налог на доходы физических лиц и налоги по специальным налоговым режимам (единый налог на вмененный доход, единый сельскохозяйственный налог) в разные виды муниципальных образований зачисляются по разным нормативам, что предопределяет асимметричность реализуемой модели в разрезе видов муниципальных образований.

Принцип расщепления широко используется и на уровне субъектов Федерации.

Субъект самостоятельно определяет вид налогов, передаваемых на местный уровень, нормативы его зачисления в соответствующие бюджеты. Это предопределяет асимметричность реализуемой модели в разрезе муниципальных образований различных субъектов Федерации.

В рамках межбюджетному регулированию применяется практика дополнительного закрепления субъектами Российской Федерации за местными бюджетами отчислений от федеральных и региональных налогов. В 2016 г. данным правом воспользовались 78 субъектов Российской Федерации. При этом правом на передачу в местные бюджеты отчислений от федеральных и региональных налогов и сборов за исключением НДФЛ воспользовался 51 субъект.

Наличие асимметрии в доходах можно проследить путем соотношения доходов и налоговых доходов в бюджетах каждого уровня (табл. 3).

Данные показывают высокую централизацию доходов бюджетной системы: более 60 % доходов сосредоточено в федеральном бюджете.

На внутрирегиональном уровне также отмечается высокая централизация доходов: субфедеральные бюджеты аккумулируют доходов в 6,4 раза больше, чем местные.

Анализ структуры доходной базы местных бюджетов также свидетельствует о значительной дифференциации доходов местных бюджетов. На долю городских округов приходится примерно половина (49,9 %) доходов, а доля налоговых доходов на 6 процентных пунктов выше, у муниципальных районов и поселений соотношение доходов и суммарных налогов обратное (табл. 4).

Субъекты Федерации в рамках стимулирования и регулирования муниципального развития устанавливают в регионе дополнительные отчисления от федеральных,

Таблица 2

Распределение налоговых доходов между бюджетами бюджетной системы (в % по нормативу зачисления)

Наименование налогового дохода	ФБ	РБ	Местные бюджеты				
			ГО	ГосВГД	МР	ГП	СП
Статья БК РФ	БК РФ, ст. 50	БК РФ, ст. 56	БК РФ, ст. 61.2	БК РФ, ст. 61.3	БК РФ, ст. 61.1	БК РФ, ст. 61	БК РФ, ст. 61.5
Федеральные налоги							
НДС	100	—	—	—	—	—	—
Налог на прибыль (по ставке, установленной для зачисления в соответствующий бюджет)	3	17	—	—	—	—	—
НДФЛ	—	85	15	15	5*/13**	10	2
ЕНВД	—	—	100	100	100	—	—
УСН	—	100	—	—	—	—	—
Водный налог	100	—	—	—	—	—	—
Патентная система	—	—	100	—	100	—	—
ЕСХН	—	—	100	100	70*/50**	50	30
Региональные налоги							
Налог на игорный бизнес	—	100	—	—	—	—	—
Налог на имущество организаций	—	100	—	—	—	—	—
Транспортный налог	—	100	—	—	—	—	—
Местные налоги							
Земельный налог	—	—	100	100	—	100	100
Налог на имущество физических лиц	—	—	100	100	—	100	100

Составлено авторами в соответствии с Бюджетным кодексом РФ по нормативам зачисления налоговых доходов в 2018 году

* с территории сельских поселений

** с территории городских поселений

Перечень сокращений: ФБ — федеральный бюджет; РБ — региональный бюджет; ГО — городской округ; ГосВГД — городской округ с внутригородским делением; МР — муниципальный район; ГП — городское поселение; СП — сельское поселение.

Таблица 3

Структура доходов бюджетов бюджетной системы РФ, % [8, с. 16]

Тип бюджета	2010	2011	2012	2013	2014
Федеральный бюджет	56,0	59,8	61,5	61,5	62,0
Бюджеты субъектов федерации	36,8	34,1	32,8	32,3	32,7
Бюджеты муниципальных образований	7,2	6,1	5,7	6,2	5,3

Таблица 4

Структура доходов местных бюджетов по видам муниципальных образований, %

Муниципальное образование	Доходы бюджетов, всего	Налоговые доходы бюджетов
Городские округа	49,9	55,9
Муниципальные районы	34,6	28,8
Городские поселения	6,5	6,9
Сельские поселения	8,1	6,8
Внутригородские муниципальные образования	0,9	1,5

региональных налогов, специальных налоговых режимов из бюджета субъектов в муниципальные образования. В табл. 5 представлены нормативы отчислений, действующие в отдельных субъектах¹.

По приведенным в таблице данным видно, что распределение налоговых доходов в области усиливает асимметричность применяемой кооперативной модели федерализма в разрезе видов муниципальных образований внутри одного субъекта. В некоторых субъектах, в частности в Московской, Псковской, Оренбургской области, регулирующий механизм в виде дополнительных нормативов в бюджеты муниципальных образований на постоянной основе вообще не используется, что также свидетельствует об асимметричности модели федерализма.

Действующим инструментом усиления заинтересованности муниципальных образований в расширении налогооблагаемой базы является замена дотаций дифференцированными отчислениями в местные бюджеты от налога на доходы физических лиц. Но этот механизм широко применяется субъектами в отношении городских округов и муниципальных районов и не применяется в отношении поселений.

Таким образом, отношения по поводу налоговых доходов бюджетов оцениваются как асимметричные.

Анализ модели российского федерализма по критерию реализации межбюджетных отношений

В российской практике функционирования бюджетной системы каждый уровень власти имеет собственные источники доходов. Несмотря на их наличие у субфедеральных и местных властей, перераспределение средств между бюджетами играет значительную роль.

Минфином России были разработаны и доведены до регионов стандарты лучшей практики по созданию эффективной и справедливой системы межбюджетных отношений [10, с. 149—168], что является элементом модели кооперативного федерализма.

Доля безвозмездных поступлений в консолидированных доходах всех субъектов

¹ За исключением установленных Бюджетным кодексом РФ акцизов на автомобильный и прямой бензин, дизельное топливо, моторные масла в размере 10 % налоговых доходов консолидированного бюджета субъекта от указанного налога в зависимости от протяженности дорог местного значения в границах муниципального образования.

составляет 17,6 %, но в 32 регионах этот показатель превышает 30 %. В пяти регионах (Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Дагестан) более 70 % доходов сформированы за счет трансфертов из федерального бюджета.

В доходах местных бюджетов доля безвозмездных поступлений составляет в среднем по стране 63,4 %. В отдельных муниципальных образованиях (в первую очередь, в сельских поселениях) доходит до 95 %.

Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности являются ключевым видом межбюджетных трансфертов как из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации, так и из субфедеральных бюджетов муниципальным образованиям [5, с. 47—57]. Доля дотаций в федеральных трансфертах составляет 41,9 % (табл. 6). Это свидетельствует о сильном горизонтальном выравнивании регионов (муниципалитетов), потребность в котором возникает из-за их значительной дифференциации по показателю бюджетной обеспеченности на душу населения.

Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности не получали в 2016 г. только 14 регионов из 85 (16,4 %, Республика Татарстан, Калужская область, Ленинградская область, Московская область, Самарская область, Сахалинская область, Свердловская область, Тюменская область, Ярославская область, Москва, Санкт-Петербург, Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ).

Широкое применение дотаций как инструмента межбюджетного регулирования свидетельствует о значительной асимметрии региональной бюджетной обеспеченности. В 2016 г. уровень фактической бюджетной обеспеченности составил 69,1 % от среднего по России или 35,7 тыс. р. на 1 человека в год.

Различие в уровне фактической бюджетной обеспеченности между 10 наиболее обеспеченными и 10 наименее обеспеченными регионами до выравнивания составляло 6 раз, после выравнивания — 2,5 раза.

Субсидии составляют 22,7 % всех федеральных трансфертов. Субсидии — это трансферты, предоставляемые на принципах софинансирования расходов, поэтому изначально при их распределении заложен принцип асимметрии, основанный на финансовой способности субъектов Федерации изыскать средства для участия в программах софинансирования.

Таблица 5

Нормативы отчислений от федеральных, региональных налогов, специальных налоговых режимов в отдельных субъектах в 2017 году

Тип налога	Бюджеты муниципальных районов	Бюджеты городских округов	Бюджеты поселений
Челябинская область			
Налог на добычу общераспространенных полезных ископаемых	50	—	—
Налог на добычу полезных ископаемых	50	—	—
Налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения	50	50	—
Костромская область			
Налог на доходы физических лиц	15	15	5
Налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения	35	10	15
Красноярский край			
Налог на доходы физических лиц	15	15	—
Налог на прибыль организаций	5	5	—

Составлено авторами в соответствии с законом Красноярского края от 10.07.2007 № 2-317 (ред. от 30.11.2017) «О межбюджетных отношениях в Красноярском крае» (подписан губернатором Красноярского края 20.07.2007); законом Челябинской области от 30.09.2008 № 314-ЗО (ред. от 06.12.2017) «О межбюджетных отношениях в Челябинской области» (подписан губернатором Челябинской области 20.10.2008); законом Костромской области от 03.11.2005 № 310-ЗКО (ред. от 11.07.2017) «О межбюджетных отношениях в Костромской области» (принят Костромской областной Думой 19.10.2005).

Таблица 6

Структура межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации в 2012—2016 годах

Наименование	2012	2013	2014	2015	2016
Межбюджетные трансферты, млрд р., в т. ч.	1440,2	1487,9	1607,0	1603,7	1567,8
Дотации, млрд р.	524,0	609,1	774,7	651,0	656,2
Субсидии, млрд р.	570,9	515,6	409,9	400,2	356,5
Субвенции, млрд р.	284,2	273,7	308,2	336,6	334,3
Иные межбюджетные трансферты, млрд р.	61,1	89,5	114,2	215,9	220,8
доля дотаций в межбюджетных трансфертах, %	36,4	40,9	48,2	40,6	41,9
доля субсидий в межбюджетных трансфертах, %	39,6	34,7	25,5	25,0	22,7
доля субвенций в межбюджетных трансфертах, %	19,7	18,4	19,2	21,0	21,3
доля иных межбюджетных трансфертов, %	4,3	6,0	7,1	13,5	14,1

В доходах муниципальных образований безвозмездные поступления от вышестоящих бюджетов занимают значительную долю (в 2016 г. эта доля составила 63,4 %). Наблюдается тенденция к постоянному повышению, что свидетельствует об усилении процессов централизации на региональном уровне.

Наибольшая часть трансфертов (56,0 %) представлена субвенциями, то есть предоставляется муниципальным образованиям не на выполнение своих полномочий, а на финансирование государственных полно-

мочий, переданных на местный уровень. За 9 лет доля субвенций значительно выросла, в 2008 г. этот показатель составлял только 37,6 %. Это также говорит об усилении централизации.

Вышеприведенные данные свидетельствуют о наличии *асимметрии* как по горизонтали — при сравнении субъектов между собой и муниципальных образований между собой, так и по вертикали — между отношениями «центр — субъекты», «субъекты — муниципальные образования» [6, с. 62—66].

**Анализ модели
российского федерализма
по критерию источников
и объемов субнациональных
и муниципальных заимствований**

Практика показывает, что в России субъекты Федерации осуществляют активную политику внутренних заимствований. Почти четверть всего внутреннего долга субъектов (509,68 млрд р. или 21,7 %) занимает долг пяти регионов (Московская область, Краснодарский край, Республика Татарстан, Свердловская область, Красноярский край).

У пяти регионов внутренний долг присутствует в размере менее 3 млрд р. (Республика Ингушетия, Тюменская область, Республика Алтай, Республика Тыва, Алтайский край). Не имеют внутреннего государственного долга 2 субъекта (г. Севастополь и Сахалинская область).

Внешние займы в 2014 и 2015 гг. осуществляли только 2 субъекта (Москва — 98,8 % всех внешних заимствований, и республика Крым — 1,2 %), в 2016 — только Республика Крым.

В муниципальных образованиях четырех субъектов Российской Федерации доля муниципального долга в собственных доходах превышает уровень 80 % (Удмуртская Республика — 80,4 %, Пензенская область — 80,8 %, Республика Мордовия — 97,2 %, Республика Татарстан — 100,5 %). Отсутствует муниципальный долг в Республике Ингушетия.

Эти данные свидетельствуют о неравномерном распределении долговых обязательств как между субъектами Федерации, так и между муниципальными образованиями разного вида, поэтому с позиций субнациональных заимствований федеративные отношения в России оцениваются как *асимметричные*.

Заключение

Таким образом, предлагаемая авторами методика демонстрирует полную асимметричность практики применения модели бюджетного федерализма, что ярко проявляется в асимметрии расходов, налоговых и неналоговых доходов, политике регионального межбюджетного регулирования и муниципальных заимствованиях.

В качестве перспективных направлений реформирования бюджетного федерализма с целью формирования у локальных территорий экономических стимулов самостоятельного развития, по мнению авторов, необходимо:

- внедрение элементов децентрализованной модели бюджетного федерализма в виде увеличения объемов и видов целевой финансовой поддержки инвестиционного и экономического характера;
- увеличение объемов государственных (муниципальных) грантов для хозяйствующих субъектов, увеличивающих налоговый потенциал территории;
- увеличение объемов государственных инвестиций в развитие инфраструктурных проектов, способствующих расширению доходной базы территорий [4, с. 97—115];
- закрепление за бюджетами субъектов РФ и местными бюджетами нормативов отчислений от косвенных налогов (НДС, акцизы) и увеличение нормативов по прямым налогам, администрируемых на территории;
- переход на финансовую поддержку территорий опережающего роста от перераспределения финансовых ресурсов по дотации на основании сравнения расчетной бюджетной обеспеченности.

1. Бережной В. И., Таран О. Л., Бережная О. В., Чуракова М. М. Асимметрия и пространственная поляризация развития региональных социально-экономических систем: монография. М. : РУСАЙНС, 2017. 314 с.

2. Данилова И. В., Баженова Е. В., Баженов П. С. Совершенствование модели экономического федерализма в России как условие развития регионов // Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. 2011. № 4 (17). С. 113—121.

3. Дубровская Ю. В. Согласование экономических интересов в целях обеспечения устойчивого развития муниципального образования // Вестник Пермского государственного технического университета. Социально-экономические науки. 2010. № 5. С. 149—162.

4. Ёлохова И. В., Дубровская Ю. В. Особенности оценки эффективности бюджетных инвестиций в России // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2012. № 17 (43). С. 97—115.

5. Качанова Е. А, Маточкин Р. В. Эффективность организации бюджетно-налоговой политики муниципального образования в стратегическом планировании развития

территории // Муниципалитет: экономика и управление. 2017. № 3 (20). С. 47—57.

6. Коротина Н. Ю. Муниципальные образования как участники отношений экономического федерализма // Социум и власть. 2017. № 6 (68). С. 62—66.

7. Моргоев Б. Т. Структурная и функциональная асимметричность развития российских регионов : дис. ... д-ра экон. наук. Владикавказ, 2006. 442 с.

8. Татаркин А. И. Региональная направленность экономической политики Российской Федерации как института пространственного обустройства территорий // Экономика региона. 2016. Т. 12, Вып. 1. С. 9—27.

9. Чиркин В. Е. Модели современного федерализма: сравнительный анализ // Государство и право. 1994. № 8—9. С. 150—158.

10. Шахрай С. М. Федерализм: образ действий или образ мыслей? // Казанский федералист. 2004. № 3 (11). URL: http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n11/1/#_ftn1 (дата обращения: 02.07.2017).

11. Danilova I., Korotina N. et al. Estimation of Decentralization at the Regional Level and Asymmetry of the Economic Federalism Model in Russia Innovation Management and Education // Excellence through Vision 2020 : 31st IBIMA Conference: 25—26 April 2018, Milan, Italy. URL: <https://ibima.org/accepted-paper/estimation-of-decentralization-at-the-regional-level-and-asymmetry-of-the-economic-federalism-model-in-russia/> (дата обращения: 02.07.2017).

12. Smith J. The case for asymmetry in Canadian federalism. URL: <https://www.queensu.ca/iigr/sites/webpublish.queensu.ca/iigrwww/files/files/WorkingPapers/asymmetricfederalism/Smith2005.pdf> (дата обращения: 02.07.2017).

13. Saxena R. Is India a Case of Asymmetrical Federalism? // Economic and Political Weekly. 2012. Vol. 47, No. 2. January 14. P. 70—71, 73—75. URL: https://www.jstor.org/stable/23065612?seq=1#page_scan_tab_contents. (дата обращения: 02.07.2017).

14. Beyme K. 2005. Asymmetric federalism between globalization and regionalization. Journal of European Public Policy. 2005. Vol. 12. P. 432—447.

15. Brock K. L. The Politics of Asymmetrical Federalism: Reconsidering the Role and Responsibilities of Ottawa. Canadian Public Policy // Analyse de Politiques. 2008. Vol. 34, no. 2. Jun. P. 143—161.

References

1. Bereznoj V.I., Taran O.L., Berezhnaja O.V., Churakova M.M. (2017) Asimetrija i pros-

transtvennaja poljarizacija razvitija regional'nyh social'no-jekonomicheskikh sistem. Moscow, RUSAJNS, 314 p. [in Rus].

2. Danilova I.V., Bazhenova E.V., Bazhenov P.S. (2011) *Nauchnyj vestnik Ural'skoj akademii gosudarstvennoj sluzhby: politologija, jekonomika, sociologija, pravo*, no. 4 (17), pp. 113—121 [in Rus].

3. Dubrovskaja Ju.V. (2010) *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Social'no-jekonomicheskie nauki*, no. 5, pp. 149—162 [in Rus].

4. Yolohova I.V., Dubrovskaja Yu.V. (2012) *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politehničeskogo universiteta. Social'no-jekonomicheskie nauki*, no. 17 (43), pp. 97—115 [in Rus].

5. Kachanova E.A, Matochkin R.V. (2017) *Municipalitet: jekonomika i upravlenie*, no. 3 (20), pp. 47—57 [in Rus].

6. Korotina N.Yu. (2017) *Socium i vlast'*, no. 6 (68), pp. 62—66 [in Rus].

7. Morgoev B.T. (2006) *Strukturnaja i funkcional'naja asimmetričnost' razvitija rossijskij regionov*. Thesis. Vladikavkaz, 442 p. [in Rus].

8. Tatarkin A.I. (2016) *Jekonomika regiona*, vol. 12, iss. 1, pp. 9—27 [in Rus].

9. Chirkin V.E. (1994) *Gosudarstvo i pravo*, no. 8—9, pp. 150—158 [in Rus].

10. Shahraj S.M. (2004) *Kazanskij federalist*, no. 3(11). Available at: http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n11/1/#_ftn1, accessed 02.07.2017 [in Rus].

11. Danilova I., Korotina N. (2018) Estimation of Decentralization at the Regional Level and Asymmetry of the Economic Federalism Model in Russia Innovation Management and Education // Excellence through Vision 2020: 31st IBIMA Conference: 25—26 April 2018, Milan, Italy. Available at: <https://ibima.org/accepted-paper/estimation-of-decentralization-at-the-regional-level-and-asymmetry-of-the-economic-federalism-model-in-russia>, accessed 02.07.2017 [in Eng].

12. Smith J. (2005) The case for asymmetry in Canadian federalism. Available at: <https://www.queensu.ca/iigr/sites/webpublish.queensu.ca/iigrwww/files/files/WorkingPapers/asymmetricfederalism/Smith2005.pdf>, accessed 02.07.2017 [in Eng].

13. Saxena R. (2012) *Economic and Political Weekly*, vol. 47, no. 2, January 14, pp. 70—71, 73—75. Available at: https://www.jstor.org/stable/23065612?seq=1#page_scan_tab_contents, accessed 02.07.2017 [in Eng].

14. Beyme K. (2005) Asymmetric federalism between globalization and regionalization. Journal of European Public Policy. 2005, vol. 12, pp. 432—447 [in Eng].

15. Brock K.L. (2008) *Analyse de Politiques*, vol. 34, no. 2, Jun., pp. 143—161 [in Eng].

For citing: Kachanova O.A., Korotina N.Yu.
Methodological aspects of assessing
the Russian model of budget federalism
from the viewpoint of asymmetric
economic criteria //
Socium i vlast'. 2018. № 5 (73). P. 71—81.

UDC 332.021

**METHODOLOGICAL
ASPECTS OF ASSESSING
THE RUSSIAN MODEL
OF BUDGET FEDERALISM
FROM THE VIEWPOINT
OF ASYMMETRIC
ECONOMIC CRITERIA**

Elena A. Kachanova,

Ural Institute of Management, Branch of RANEPa,
Professor of the Department Chair
of Economics and Management,
Doctor of Economics, Associate Professor,
The Russian Federation, 620990,
Yekaterinburg, ulitsa 8 Marta, 66.
E-mail: elena.kachanova@ui.ranepa.ru

Natalya Yu. Korotina,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Head of the Chair of Economics,
Finance and Accounting,
Cand. Sc. (Economics), Associate Professor,
The Russian Federation, 454071,
Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 41.
korotina@chel.ranepa.ru

Annotation

The cooperative model of fiscal federalism is being implemented in the Russian Federation. There are competitive components in the model, mainly in the federal financial subsidies.

The authors support the view of the asymmetry of applicable models on political and geographical criteria and argue their view of the asymmetry of models by economic criteria.

The authors propose the following economic criteria for assessing the model of federalism: the delineation of powers between levels of power; division of revenues and expenditures of budgets of different levels; the intergovernmental budget relations; policy of subnational and local borrowing. The analysis shows the complete asymmetry of the model of fiscal federalism in Russia: the asymmetry of expenditures, revenues, of the intergovernmental budget relations, subnational and local borrowing.

The perspective directions of reforming federalism are formulated for the formation of economic stimuli of independent development in the local territories.

Keywords:
budget federalism,
asymmetry,
federalism model,
asymmetric assessment

Для цитирования: Максимова Т. В.,
Дубынина А. В., Хлестова К. С.
Оценка коэффициентов, учитываемых
при определении арендной платы
за земельные участки в г. Челябинске //
Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 82—90.

УДК 332.6

ОЦЕНКА КОЭФФИЦИЕНТОВ, УЧИТЫВАЕМЫХ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ АРЕНДНОЙ ПЛАТЫ ЗА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ В г. ЧЕЛЯБИНСКЕ¹

Максимова Татьяна Викторовна,

Челябинский филиал Финансового университета
при Правительстве РФ,
заведующий кафедры
«Экономика и финансы»,
кандидат экономических наук, доцент.
Российская Федерация, 454084,
г. Челябинск, ул. Работниц, 58.
E-mail: maximova.tv@mail.ru

Дубынина Анна Валерьевна,

Челябинский филиал Финансового университета
при Правительстве РФ,
доцент кафедры
«Экономика и финансы»,
кандидат экономических наук.
Российская Федерация, 454084,
г. Челябинск, ул. Работниц, 58.
E-mail: ann-file@mail.ru

Хлестова Ксения Сергеевна,

Челябинский филиал Финансового университета
при Правительстве РФ,
старший преподаватель кафедры
«Экономика и финансы».
Российская Федерация, 454084,
г. Челябинск, ул. Работниц, 58.
E-mail: kseniya.khlestova@gmail.com

Аннотация

В статье проведена оценка коэффициентов, учитываемых при расчете арендной платы за пользование земельными участками, расположенными на территории города Челябинска, государственная собственность на которые не разграничена, и земельными участками, которые находятся в собственности данного муниципального образования, утвержденных решением Челябинской городской Думы от 24.06.2008 № 32/7 (ред. от 26.07.2017).

В связи с отсутствием единой и четкой методики расчета корректирующих коэффициентов для определения суммы арендной платы за пользование земельными участками, расположенными на территории муниципального образования, государственная собственность на которые не разграничена, находящимися в муниципальной собственности, возникает объективная необходимость в совершенствовании методики определения арендной платы за использование земельных участков, учитывающей интересы и арендаторов, и муниципалитета как арендодателя за счет корректировки коэффициентов, не приводящих, с одной стороны, к ухудшению инвестиционного климата в городе Челябинске, обусловленного завышенной величиной рассчитанных коэффициентов, с другой стороны — к значительному снижению поступлений в бюджет за счет сдачи земельных участков в аренду.

Новизна полученных авторами результатов состоит в подготовке предложений и практических рекомендаций по совершенствованию подходов и методов расчета арендной платы за использование земельных участков.

Ключевые понятия:

арендная плата,
земельные участки,
корректирующий коэффициент,
кадастровая стоимость,
ставка арендной платы.

¹ Статья подготовлена по результатам научно-исследовательской работы в рамках выполнения муниципального контракта Челябинского филиала Финансового университета с Комитетом по управлению имуществом и земельным отношениям города Челябинска.

Введение

Поступления арендной платы от земельных участков, которые расположены на территории города Челябинска, и земельных участков, которые находятся в собственности данного муниципального образования, являются доходом местного бюджета [19, с. 133].

При этом отсутствует единая и четкая методика расчета корректирующих коэффициентов для определения суммы арендной платы за использование земельных участков, которые расположены на территории муниципального образования, и земельных участков, находящихся в собственности города Челябинска.

Решение Челябинской городской Думы от 24.06.2008 № 32/7 (ред. от 26.07.2017) «Об арендной плате за землю на территории города Челябинска» утверждает порядок расчета арендной платы за пользование земельными участками¹. Действие данного порядка распространяется на земли, которые расположены на территории города Челябинска, и земли, которые находятся в собственности города Челябинска. В качестве основы расчета арендной платы за земельные участки является ее кадастровая стоимость.

Новизна полученных авторами результатов состоит в подготовке предложений и практических рекомендаций по совершенствованию подходов и методов определения арендной платы за пользование земельными участками.

Практическая значимость данного исследования содержится в разработке конкретных и экономически обоснованных предложений и рекомендаций по совершенствованию подходов и методов определения аренды за пользование земельными участками.

1. Анализ и проверка социальной и экономической обоснованности числовых значений коэффициента K_1 .

Начисление арендной платы за использованием земельных участков, которые расположены на территории города Челябинска, и земельными участками, которые находятся в муниципальной собственности, осуществляется в соответствии с законом Челябинской области от 24 апреля 2008 г. № 257-ЗО «О порядке определения арендной платы за земельные участки, государ-

ственная собственность на которые не разграничена, предоставленные в аренду без проведения торгов» (далее 257-ЗО)².

При этом значения коэффициентов K_1 , учитывающего разрешенное использование земельного участка согласно сведениям, которые содержатся в Едином государственном реестре недвижимости, K_2 , учитывающего особенности расположения земельных участков в городе, K_3 , учитывающего категории арендаторов (далее коэффициенты) в соответствии со ст. 1 п. 3, 7, 10 закона Челябинской области № 257-ЗО могут устанавливаться решением органов местного самоуправления.

Для определения величины аренды за земельные участки, которые расположены на территории города Челябинска, значения коэффициентов рассчитываются согласно решению Челябинской городской думы от 24.06.2008 г. № 32/7 «Об арендной плате за землю на территории города Челябинска» (далее решение № 32/7).

Так, K_1 должен рассчитываться в соответствии с видом разрешенного использования земли согласно сведениям, которые содержатся в ЕГРН. При этом Земельный кодекс РФ (ст. 7 п. 2) гласит, что «виды разрешенного использования земельных участков определяются согласно классификатору³, утвержденному федеральным органом исполнительной власти, который осуществляет выработку государственной политики и нормативно-правовое регулирование земельных отношений»⁴. В соответствии с данным классификатором предусматривается 13 укрупненных групп видов разрешенного использования земельных участков⁵.

Виды земельных участков, разрешенные к использованию, которые указаны в решении № 32/7, сформулированы таким образом, что характеризуют виды деятельности арендаторов, а не виды разрешенного использования земельных участков, указанных в Классификаторе. Более того,

² О порядке определения арендной платы за земельные участки, государственная собственность на которые не разграничена, предоставленные в аренду без проведения торгов : закон Челяб. обл. от 24 апр. 2008 г. № 257-ЗО. URL: <http://base.garant.ru/8713871>.

³ Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков : приказ М-ва экон. развития Рос. Федерации от 1 сент. 2014 г. № 540. URL: <http://www.consultant.ru>.

⁴ Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 № 136-ФЗ (ред. от 03.07.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.07.2018). URL: <http://www.consultant.ru>.

⁵ Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков...

в Челябинском городском округе при формулировке вида разрешенного использования земельных участков применяют решение Челябинской городской думы от 09 октября 2012 г. № 37/13. В данном документе предусмотрено девять укрупненных групп видов разрешенного использования. Причем каждый вид делится на три составляющих (основной, вспомогательный, условно разрешенный).

Сравнивая решения Челябинской городской думы № 32/7 и № 37/13, видим разные формулировки видов разрешенного использования земельных участков.

Таким образом, применение трех видов нормативных документов, в которых поименованы разрешенные виды использования земельных участков, значительно затрудняют формулировку разрешенного вида использования земельных участков в правоустанавливающих документах, что ведет к некорректности сведений, вносимых в Единый государственный реестр недвижимости, а в дальнейшем и к расчету арендной платы.

Необходимо привести в соответствие виды разрешенного использования по решению № 32/7 с видами разрешенного использования, указанными в Классификаторе.

Кроме того, в ст. 1 п. 3 закона Челябинской области № 257-30 предусмотрено, что K_1 может устанавливаться в пределах 0,1 до 20 в зависимости от видов разрешенного использования, тогда как в решении 32/7 по строке 1 «деятельность общественных объединений» в 5-й колонке такой показатель равен 0,064, а это выходит за пределы нормативно установленного интервала.

Более того, значения K_1 математически рассчитаны таким способом, что при выборе разного значения K_1 , в зависимости от диапазона кадастровой стоимости произведение K_1 , K_2 и K_3 при расчете арендной платы дает одинаковое значение.

Для примера рассмотрим информацию по строке 1 таблицы «Значение коэффициента K_1 », который учитывает разрешенное использование земельного участка согласно сведениям, которые содержатся в ЕГРН к решению 32/7. В табл. 1 приведена выдержка из решения 32/7.

Если в соответствии с методикой решения 32/7 подставить конкретные числовые значения вместо K_1 , K_2 и K_3 , то получим практически идентичные значения произведения трех коэффициентов, что «стирает» весь экономический смысл расчета арендной платы по земельным участкам в зависимости от ранжирования по различным аспектам арендуемых земельных участков:

$$\begin{aligned} P_1 &= 0,318 \times 2 \times 0,5 = 0,318; \\ P_2 &= 0,106 \times 6 \times 0,5 = 0,318; \\ P_3 &= 0,064 \times 10 \times 0,5 = 0,320, \end{aligned}$$

где P_1, P_2, P_3 — результирующее значение; 2, 6, 10 — диапазон кадастровой стоимости, р./м² (Центральный район); 0,5 — лечебно-оздоровительная деятельность.

Анализ выполненных расчетов показал, что применение ранжирования по стоимости квадратного метра приводит к излишней перегрузке расчета размера арендной платы. Авторы предлагают исключить параметр «стоимость квадратного метра» и заменить его на площадь земельного участка в квадратных метрах.

2. Анализ и проверка социальной и экономической обоснованности числовых значений коэффициента K_2 .

Значение коэффициента K_2 , должно учитывать особенности расположения земельного участка в городе Челябинске. Такое право за муниципалитетом закрепляет п. 7 ст. 1 закона Челябинской области № 257-30. В данной статье диапазон значений K_2 может быть установлен от 0,5 до 10. В решении № 32/7 значения K_2 имеют диапазон значений от 1,42 до 10. Причем значения указанного коэффициента рассчитываются с учетом двух факторов — это районное расположение и диапазон кадастровой стоимости.

При рассмотрении влияния первого фактора видно, что самые высокие значения коэффициента K_2 установлены в Центральном районе, а самые низкие — в Металлургическом районе города Челябинска. Данное ранжирование районов города Челябинска было представлено в экономическом

Таблица 1

Выдержка из таблицы к решению 32/7

№ п/п	Вид разрешенного использования земельного участка	Диапазон кадастровой стоимости, р./м ²		
		0—3999	4000—7999	8000 и выше
1	Деятельность общественных объединений	0,318	0,106	0,064

обосновании корректирующих коэффициентов K_1 , K_2 , K_3 для определения величины аренды за земельные участки в городе Челябинске, разработанном МУП «Геоцентр г. Челябинска» в 2017 г. В числе причин, обуславливающих более высокий ранг района, были указаны:

- плотность населения;
- расположения в них областных и городских органов власти;
- культурно-развлекательных, торговых рекреационных объектов;
- экологических особенностей;
- транспортных возможностей и др.

Причем разработчики отмечают, что ранжирование районов было произведено экспертной комиссией более 15 лет назад.

В этой связи считаем необходимым отметить:

- во-первых, вышеперечисленные причины ранжирования районов за прошедшие 15 лет значительно изменились, применительно к конкретному району города Челябинска (табл. 2);
- во-вторых, особенности расположения земельного участка во многом учтены в составляющих его кадастровой стоимости. Методическими указаниями о государственной кадастровой оценке, введенными в действие приказом Министерства экономического развития Российской Федерации № 226 от 12 мая 2017 г., пунктом 1.12 установлено, что при определении кадастровой стоимости земельного участка необходимо учитывать¹:
 - наличие или отсутствие до границ земельного участка инженерной и транспортной инфраструктуры;
 - степень освоения территории, окружающей земельный участок;
 - существующий рельеф земельного участка.

Учитывая анализ факторов, влияющих на определение арендной платы, проведенный в первой главе, можно спрогнозировать ранг (место) района на текущий момент времени.

Анализ табл. 2 показывает, что ранжирование районов изменилось. В частности, лидерство сместилось с Центрального на Ленинский район. Тем не менее, в дальнейшем следует провести разграничение ран-

¹ Об утверждении методических указаний о государственной кадастровой оценке : приказ М-ва экон.о развития Рос. Федерации от 12 мая 2017 года № 226. URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_217405.

гов, полученных районами, в зависимости от «привлекательности для жизни» и «привлекательности для бизнеса». Таким образом, мы получим более детальный анализ социальной и экономической составляющих в составе коэффициента K_2 .

В качестве второго фактора, влияющего на значение K_2 , в решении 32/7 указан диапазон кадастровой стоимости квадратного метра земельного участка, который также «работает» на повышение величины арендной платы земельного участка в зависимости от его кадастровой стоимости.

Таким образом, не смотря на то что K_2 должен учитывать особенности расположения земельного участка в городе Челябинске, по факту K_2 учитывает два фактора:

- ранг района города Челябинска;
- диапазон кадастровой стоимости.

При этом сама кадастровая стоимость уже учитывает особенности инфраструктурного обеспечения конкретного земельного участка, в этой связи появляется вопрос о целесообразности применения коэффициента K_2 [6, с. 54]. Авторы предлагают отказаться от использования диапазона кадастровой стоимости и рассчитывать данный коэффициент исходя из показателей социально-экономического развития района.

3. Анализ и проверка социальной и экономической обоснованности числовых значений коэффициента K_3 .

Значения коэффициента K_3 в соответствии со ст. 1 п. 9 закона Челябинской области № 257-30 должны устанавливаться в соответствии с категорией арендаторов. Диапазон данного коэффициента составляет от 0,001 до 1. То есть, по сути, данный коэффициент является преференцией для определенных категорий арендаторов. При этом список категорий арендаторов, имеющих право на данную преференцию, строго ограничен законом № 257-30. В этот список входит 32 категории (7 категорий, регламентированных п. 9, которые имеют четкое значение $K_3 = 0,001$; 25 категорий, регламентированных п. 10, у которых K_3 должен быть установлен решениями органов местного самоуправления в указанных выше пределах). В решении 32/7 приведен конкретный список категорий арендаторов, имеющих различное значение K_3 . Далее необходимо провести анализ соответствия требований закона Челябинской области № 257-30 и решения 32/7 по категории арендаторов.

Анализ данных нормативно-правовых документов показал, что по сравнению

Ранг ценности районов г. Челябинска

Район г. Челябинска	Ранг района в соответствии с экономическим обоснованием МУП «Геоцентр г. Челябинска»		Ранг (место) района по привлекательности в соответствии с анализом в п. 1.1 (проектный вариант)
	Значение ранга	Место района по привлекательности	
Центральный	1	1	2
Советский	0,87	2	3
Калининский	0,79	3	5
Курчатовский	0,77	4	4
Ленинский	0,75	5	1
Тракторозаводский	0,72	6	7
Металлургический	0,72	6	6

с требованиями закона Челябинской области № 257-ЗО не все категории арендаторов учтены в решении 32/7, например:

- религиозные организации — в отношении земельных участков, используемых ими для осуществления религиозной деятельности;
- организации, осуществляющие гражданские и военные захоронения, — в отношении земельных участков кладбищ.

С другой стороны, вызывает сомнение сама оценка социально значимой деятельности арендаторов. Например, организации и индивидуальные предприниматели, осуществляющие деятельность в области обращения с отходами, в отношении земельных участков, предоставленных им для размещения и обезвреживания отходов производства и потребления, имеют $K_3 = 0,0129$, а организации и индивидуальные предприниматели в отношении земельных участков, предоставленных им для оказания услуг пассажирского транспорта общего пользования (за исключением такси), имеют значение $K_3 = 0,9$. Разница очевидна.

Оценка социальной значимости видов деятельности приведена в письме Министерства экономического развития Российской Федерации от 17 января 2011 г. № Д23-62, законе Челябинской области «Об аренде имущества, находящегося в государственной собственности Челябинской области» от 28 октября 2004 г. № 1427, ст. 21, подпрограмме «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Челябинской области на 2016—2020 годы».

Информация о социально значимых видах деятельности арендаторов представлена:

- в постановлении Правительства РФ от 16 июля 2009 г. № 582;

- письме Министерства экономического развития РФ от 17 января 2011 г. № Д23-62;
- законе Челябинской области «Об аренде имущества, находящегося в государственной собственности Челябинской области» от 28 января 2004 г. № 1427, ст. 21;
- приложении 3 к подпрограмме «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Челябинской области на 2016—2020 годы», п. 2, пп. 3;
- перечне социально значимых и приоритетных рынков для содействия развитию конкуренции в Челябинской области, утвержденном губернатором Челябинской области Б. А. Дубровским 28 февраля 2018 г.

Таким образом, по мнению авторов, необходимо привести в соответствие перечень категорий арендаторов в соответствии с законом Челябинской области № 257-ЗО и пересмотреть значения K_3 в соответствии с социально-значимыми видами деятельности на территории Челябинской области.

Заключение

Проведенный авторами анализ коэффициентов, применяемых при определении величины арендной платы за использование земельных участков, позволяет сделать следующие выводы.

Коэффициент K_1 , учитывающий разрешенное использование земельных участков, в соответствии со сведениями, содержащимися в Едином государственном реестре недвижимости, — виды разрешенного использования земельных участков, указанные в решении № 32/7, сформулированы таким образом, что характеризуют виды деятельности арендаторов, а не виды

разрешенного использования земельных участков, указанных в Классификаторе. Более того, в Челябинском городском округе при формулировке вида разрешенного использования земельных участков применяются три вида нормативных документов, в которых поименованы разрешенные виды использования земельных участков, что значительно затрудняет формулировку разрешенного вида использования земельных участков в правоустанавливающих документах, что ведет к некорректности сведений, вносимых в Единый государственный реестр недвижимости, а в дальнейшем и к расчету арендной платы.

Кроме того, в ст. 1 п. 3 предусмотрено, что K_1 может устанавливаться в пределах 0,1 до 20 в зависимости от видов разрешенного использования, тогда как в решении 32/7 по строке 1 «деятельность общественных объединений» в 5-й колонке такой показатель равен 0,064, а это выходит за пределы нормативно установленного интервала.

Более того, значения K_1 математически рассчитаны таким способом, что при выборе разного значения K_1 , в зависимости от диапазона кадастровой стоимости произведение K_1 , K_2 и K_3 дает одинаковое значение.

Относительно коэффициента K_2 , который учитывает особенности территориального расположения земельного участка, необходимо отметить следующее: во-первых вышеперечисленные причины ранжирования районов за прошедшие 15 лет значительно изменились применительно к конкретному району города Челябинска; во-вторых, особенности расположения земельного участка во многом учтены в составляющих его кадастровой стоимости.

Таким образом, несмотря на то что K_2 должен учитывать особенности расположения земельного участка в городе Челябинске, по сути, он учитывает помимо расположения в конкретном районе еще и диапазон кадастровой стоимости метра квадратного, которая, как и сама кадастровая стоимость, учитывает особенности инфраструктурно обеспечения конкретного земельного участка.

Что касается коэффициента K_3 , учитывающего категорию арендатора: по сравнению с требованиями закона Челябинской области № 257-ЗО не все категории арендаторов учтены в решении 32/7, и вызывает сомнение сама оценка социально значимой деятельности арендаторов.

В этой связи авторами предлагается привести в соответствие перечень категорий арендаторов в соответствии с законом

Челябинской области № 257-ЗО и пересмотреть значения K_3 в соответствии с социально-значимыми видами деятельности на территории Челябинской области.

1. Баринов Н. П. Об оценке рыночной арендной платы и стоимости прав, связанных с договором аренды земельного участка // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 6 (201). С. 6—24.

2. Басангова Н. А., Манджиева Г. Д. Отдельные аспекты регулирования земельно-имущественных отношений в контексте укрепления доходной базы местного самоуправления // Экономическая безопасность и финансово-кредитные отношения в современных условиях: подходы, проблемы и направления совершенствования : сб. тр. конф. Элиста : Калмыц. гос. ун-т им. Б. Б. Годовикова, 2016. С. 107—112.

3. Владимиров Н. Н. Особенности установления арендной платы в договорах аренды земельного участка по законодательству Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2018. № 2 (117). С. 132—134.

4. Гарманов В. В., Терлеев В. В. Основы методики обоснования арендной платы за земельные участки // Вестник факультета землеустройства Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2017. № 3. С. 8—10.

5. Гарманов В. В., Осипов А. Г., Осипов Г. К., Носов С. И. Статистический подход при актуализации арендной платы за земли государственной собственности Санкт-Петербурга // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2015. № 3 (123). С. 25—31.

6. Гулина А. В. Использование кадастровой и рыночной стоимости объектов недвижимости при определении стоимости права аренды и размера арендной платы // Научные исследования и разработки молодых ученых для развития АПК : материалы LX науч.-практ. конф. студентов, аспирантов, молодых учёных и специалистов, посвящ. 85-летию со дня рождения проф., члена-корреспондента РАН Ю. К. Неумывакина, 2018. С. 54—58.

7. Донецков Е. С. Соотношение частного и публичного при установлении регулируемой платы по договору аренды земельного участка, находящегося в государственной и муниципальной собственности // Вопросы экономики и права. 2014. № 76. С. 19—22.

8. Звягина М. В. Земельные отношения региона: проблемы и ключевые направления

совершенствования // Закономерности и противоречия развития национальных экономических системы : материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2017. С. 90—93.

9. Калмакова Н. А. Обеспечение оптимального соотношения между показателями производственной деятельности и ресурсами // Управленческий учет. 2017. № 6. С. 3—10.

10. Каталина Л. А. Экономическая эффективность применения кадастровой оценки земель при установлении дифференцированных ставок арендной платы за землю // Современные проблемы эффективного землепользования : сб. науч. тр. М., 2016. С. 78—83.

11. Кокаева Т. Т., Савлохова З. А. Бухгалтерский и налоговый учет аренды земель сельскохозяйственного назначения // Достижения науки — сельскому хозяйству : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (заоч.), М., 2017. С. 84—88.

12. Комаров С. И., Волокитина А. А. Совершенствования системы земельных платежей муниципального образования // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2017. № 4 (147). С. 47—55.

13. Курепина Н. Л., Шоваева М. В., Шурганов А. Н. Нормативно-правовое регулирование платы за землю в Республике Калмыкия // Экология России: на пути к инновациям : межвуз. сб. науч. тр. / сост. Т. В. Дымова. Астрахань, 2018. С. 88—92.

14. Кучинская А. В. Правовое регулирование земельных отношений на территориях особых экономических зон в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2014. № 4 (112). С. 57—59.

15. Лыскина А. С., Ершова Н. В. Арендная плата за земли, находящиеся в государственной и муниципальной собственности в Воронежской области // Вклад молодых ученых в инновационное развитие АПК России : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. М., 2014. С. 103—105.

16. Мызникова Т. Н. Расчет справедливой стоимости арендной платы // Экономика нового времени: теоретические аспекты и практическая реализация : сб. ст. и тез. докл. XIX Всерос. науч.-практ. конф. / ред. А. А. Якушев, И. А. Кетова, К. А. Савеченкова и др. М., 2015. С. 30—33.

17. Ноздрачев Т. А. Совершенствование экономического механизма управления земельными ресурсами г. Москвы // Современные проблемы землепользования и кадастров : материалы II Междунар. межвуз. науч.-практ. конф. М., 2018. С. 222—225.

18. Сулейманова А. В. Механизм взимания арендной платы в городском округе города город Уфа Республики Башкортостан // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. 2017. № 4. С. 172—177.

19. Хамзина О. И., Хамзин И. И., Лёшина Е. А. Место аренды земель в системе земельных отношений // Аграрная наука и образование на современном этапе развития: опыт, проблемы и пути их решения : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., М., 2016. С. 133—139.

20. Яроцкая Е. В., Катылевская А. В., Филобок Е. С. Предложения по совершенствованию системы земельных платежей на земли сельскохозяйственного назначения в МО Белоглинский район Краснодарского края // Наука без границ. 2018. № 7 (24). С. 28—32.

References

1. Barinov N.P. (2018) *The Property relations in the Russian Federation*, no. 6 (201), pp. 6—24 [in Rus]. 2. Basangova N.A., Mandzhizheva G.D. (2016) Separate aspects of regulation of the land and property relations in the context of strengthening of profitable base of local government // Economic security and the financial and credit relations in modern conditions: approaches, problems and directions of improvement Collection of works of a conference. Elista, Kalmyk state university of V. B. Gorodovikov, pp. 107—112 [in Rus].

3. Vladimirov N.N. (2018) *The Euroasian legal magazine*, no. 2 (117), pp. 132—134 [in Rus].

4. Garmanov V.V., Terleev V.V. (2017) *Bulletin of faculty of land management of the St. Petersburg state agricultural university*, no. 3, pp. 8—10 [in Rus].

5. Garmanov V.V., Osipov A.G., Osipov G.K., Nosov S.I. (2015) *Land management, the inventory and monitoring of lands*, no. 3 (123), pp. 25—31 [in Rus].

6. Gulina A.V. (2018) Ispolzovaniye of cadastral and market value of real estate objects when determining cost of the right of rent and the amount of the rent // Research and development of young scientists for development of agrarian and industrial complex: Materials LX of the scientific and practical conference of students, graduate students, young scientists and experts devoted to the 85 anniversary since the birth of professor, the corresponding member of Russian Academy of Agrarian Sciences Yu.K. Neumyvakin, pp. 54—58 [in Rus].

7. Donetskov E.S. (2014) *Questions of economy and the right*, no. 76, pp. 19—22 [in Rus].

8. Zvyagina M.V. (2017) Land relations of the region: problems and the key directions of improvement // Regularities and contradictions of development national economic systems. Moscow, pp. 90—93 [in Rus].
9. Kalmakova N.A. (2017) *Management accounting*, no. 6, pp. 3—10 [in Rus].
10. Catalina L.A. (2016) Economic efficiency of application of cadastral assessment of lands at establishment of the differentiated rent rates for the earth // Modern problems of effective land use collection of scientific works. Moscow, pp. 78—3 [in Rus].
11. Kokayeva T.T., Savlokhova Z.A. (2017) Bukhgaltersky and tax accounting of rent of lands of agricultural purpose // Achievements of science — to agriculture. Moscow, pp. 84—88 [in Rus].
12. Komarov S.I., Volokitina A.A. (2017) *Land management, inventory and monitoring of lands*, no. 4 (147), pp. 47—55 [in Rus].
13. Kurepina N.L., Shovayeva M.V., Shurganov A.N. (2018) Standard and legal regulation of a payment for the earth in the Republic of Kalmykia // Ecology of Russia: on the way to innovations the Interuniversity. Astrakhan, pp. 88—92 [in Rus].
14. Kuchinskaya A.V. (2014) *The Agrarian and land right*, no. 4 (112), pp. 57—59 [in Rus].
15. Lyskina A.S., Yershova N.V. (2014) The rent for the lands which are in the state and municipal ownership in the Voronezh region // Contribution of young scientists to innovative development of agrarian and industrial complex of Russia. Moscow, pp. 103—105 [in Rus].
16. Myznikova T.N. (2015) Calculation of fair value of the rent // Economy of modern times: theoretical aspects and implementation. Moscow, pp. 30—33 [in Rus].
17. Nozdrachev T.A. (2018) Improvement of the economic mechanism of management of land resources of Moscow // Soveremennyye problems of land use and inventories. Moscow, pp. 222—225 [in Rus].
18. Suleymanova A.V. (2017) *Bulletin of the Belgorod state technological university of V.G. Shukhov*, no. 4, pp. 172—177 [in Rus].
19. Hamzina O.I., Hamzin I.I., Lyoshina E.A. (2016) Mesto of rent of lands in the system of the land relations // Agrarian science and education at the present stage of development: experience, problems and ways of their decision. Moscow, pp. 133—139 [in Rus].
20. Yarotskaya E.V., Katylevskaya A.V., Filobok E.S. (2018) *Science without borders*, no. 7 (24), pp. 28—32 [in Rus].

For citing: Maksimova T.V.,
Dubynina A.V., Khlestova K.S.
Assessing the coefficients considered
at determining rental charges
for land plots in Chelyabinsk //
Socium i vlast'. 2018. № 5 (73). P. 82—90.

UDC 332.6

ASSESSING THE COEFFICIENTS CONSIDERED AT DETERMINING RENTAL CHARGES FOR LAND PLOTS IN CHELYABINSK

Tatyana V. Maksimova,

Chelyabinsk branch of Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Head of the Department Chair
of Economics and Finance,
Cand.Sc. (Economics), Associate Professor.
The Russian Federation, 454084,
Chelyabinsk, ulitsa Rabotnits, 58.
E-mail: maximova.tv@mail.ru

Anna V. Dubynina,

Chelyabinsk branch of Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Associate Professor of the Department Chair
of Economics and Finance,
Cand.Sc. (Economics).
The Russian Federation, 454084,
Chelyabinsk, ulitsa Rabotnits, 58.
E-mail: ann-file@mail.ru

Kseniya S. Khlestova,

Chelyabinsk branch of Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Senior Lecturer of the Department Chair
of Economics and Finance.
The Russian Federation, 454084,
Chelyabinsk, ulitsa Rabotnits, 58.
E-mail: kseniya.khlestova@gmail.com

Annotation

The article assesses the coefficients taken into account when calculating the rent for using land plots located in the city of Chelyabinsk, state ownership of which is not delimited, and land plots owned by this municipality, approved by the decision of Chelyabinsk City Duma of 06.24.2008 No. 32/7 (as amended on 07/26/2017).

Due to the lack of a consistent and clear methodology for calculating adjusting factors for determining the amount of rent for using the land located on the territory of a municipal entity, state ownership of which is not delimited, and land plots owned by municipalities, there is an objective necessity to improve the methodology for determining the rent for the use of land plots, taking into account the interests of both tenants, and the municipality being landlords by adjusting factors that do not result, on the one hand, to the deterioration of the investment climate in the city of Chelyabinsk, due to the overestimation of the calculated coefficients, on the other hand, to a significant decrease in budget revenues due to the lease of land plots.

The novelty of the results obtained by the authors consists in preparing proposals and practical recommendations for improving the approaches and methods for calculating the rent for the use of land plots.

Key concepts:

rent,
land plots,
adjusting factor
cadastral value,
rental rate.

Для цитирования: Мальцев Я. В. Четыре процедуры субъективации Я-субъекта // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 91—99.

УДК 101.1

ЧЕТЫРЕ ПРОЦЕДУРЫ СУБЪЕКТИВАЦИИ Я-СУБЪЕКТА

Мальцев Ярослав Владимирович,

Тюменский государственный университет,
кафедра философии, соискатель.
Российская Федерация, 625003,
г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6.
E-mail: maltseyaroslav@gmail.com

Аннотация

Предлагаемая вниманию читателя статья затрагивает авторскую теорию четырех родовых путей субъективации в условиях перманентной современности: искусства, психоанализа, философии и любви. Все четыре пути представляют собой автономные практики, находящиеся тем не менее в тесной связи друг с другом и протекающие в случае субъективации осознанно: субъект способен ухватить бессознательное и управлять осознанным, тем самым направляя собственное самоучреждение. Теоретическим фундаментом статьи послужили работы А. В. Павлова, Э. Фрейда, М. Фуко, Ж. Лакана. Основная цель текста: вернуть картезианскому субъекту и философии актуальность и востребованность.

Ключевые понятия:

современность,
перманентная современность,
субъективность,
картезианство,
психоанализ,
философская практика.

1.

В романе Ж.-П. Сартра «Возраст зрелости» [12, с. 5—315] перед читателем предстает классический расщепленный субъект Ж. Лакана: преподаватель философии Матье оказывается расколот между желаемым и должным (удовольствием и реальностью по Фрейду), между тем, кем ему бы хотелось видеть себя (абсолютно свободной самостью без корней, «своим зарок» [12, с. 54]), и тем, кто он есть («стыдливый буржуа» в определении его брата Жака [12, с. 109]), между желанием обладать женщиной (Ивиш) и несмелостью предъяснить свое желание открыто, между долгом жениться и попыткой сбежать от ответственности (даже через кражу и убийство). В итоге мы видим не просто «грязненького» человека, как он есть, как *мы* есть, какого полюбить сложно, но *попробуйте-ка полюбить именно такого*. Мы видим человека в трагической ситуации асубъективности: Матье проваливается в попытке овладеть собственным зарок (как обозначает это автор).

Вопрос: стоит ли заниматься философией, задавать вопросы о самости, чтобы превратиться в расщепленного, противоречивого подонка? Если философия (и литература) для чего-то и могут служить нам, то для расширения экзистенциального опыта и обретения цельности: познания мироздания, себя и созидания себя как глыбы: мы берем практики, мы конструируем образ, мы достигаем идеала Я, мы познаем черное и белое в мире и идем к свету. И мы даем себе отчет, когда уступаем слабости, чтобы исправиться и стать сильными. Мы обретаем сознание долга и через это обретаем индивидуальное, социальное и профессиональное Я, в противном случае наша свобода превращает нас в ничто и не имеет никакой ценности — она становится отвратительной. Матье и Фандорин — персонажи «высокой» и «низкой» литературы, но в обоих случаях герои, задаваясь вопросами о себе, отвечают на них по-разному. И ответ Фандорина: «Без твердых правил, без власти над самим собой человек превращается в скотину» [1] — ответ, безусловно, кантовский, оказывается в большей степени приличным философу: если мы оказались в мире и существуем в мире, пусть даже он нас не устраивает, у нас остается два пути: либо мы берем себя в руки и пользуемся ускоренной выпивкой (как она представлена в фильме «1408» (М. Хофстрём, 2007) — в виде предлагаемой «администрацией» комнаты удавки), либо мы берем себя в руки и, осознавая итоговую бессмысленность всего, производим ревизию социального, производим «переоценку ценностей» под себя и от себя и выбираем себе роль, правила, принципы, и жестко и аскетично вытесываем из себя сверхчеловека, именно в этом обретая смысл бытия: «Попытаться сделать из своей жизни шедевр — занятие

достойное» [9, с. 34]. Идея старая, идея, отвергаемая «осознавшим свою свободу» XX в., пустившимся в дохристианскую вакханалию вседозволенности, но именно в этой идее, кажется, была заключена рациональность: идея выстраданная человечеством, понимающим, что внутри людей находится монстр (У. Голдинг): «Я не знаю, потому что я — это не я. Я делаю всю свою работу, чтобы выйти за пределы собственного “я”. Я не верю во взгляд внутрь себя. Если вы заглянете внутрь себя, то вы просто обнаружите там много говна. Я, наоборот, считаю, что мы должны вытащить себя из самих себя. Правда не внутри нас. Она снаружи» [7].

В конечном итоге, как представляется, основная цель философии остается неизменной с момента античности: это стремление вооружить индивида определенным числом предписаний, которые позволяли бы ему действовать в любых жизненных обстоятельствах, не теряя самообладания или спокойствия духа, телесной и душевной чистоты [16, с. 74]. Иными словами: передать вопрошающему о самости «универсальный код всей его жизни» [16, с. 74], помочь индивиду с процессом его субъективации. Отсюда рождаются остальные задачи философского мышления, связанные с миропониманием, мирообъяснением, мирозиданием.

Одна из проблем цивилизации сегодня состоит в том, что в настоящее время люди слишком спешат жить. Они ушли от созерцания, не стремятся познавать жизнь, даже не ставят себе такой задачи: максимальная задача, которая есть у юности, — получить образование как набор знаний и умений, позволяющий быть востребованным на рынке. Школы и университеты все больше ориентируются на рынок, на подготовку кадров для рынка в ущерб как фундаментальным наукам и знаниям, так и самой личности. Подготовить Человека — такой задачи, пожалуй, не ставит перед собой в настоящее время ни одно учебное заведение. «Быть хорошим человеком — не заслуга / не достоинство / не качество», — можно услышать из уст работодателя или учителя. Но «быть хорошим человеком» — это истинное качество и настоящая цель, если мы обратимся к марксизму (живые человеческие индивиды), Канту (деонтология), христианству (завет человека и Бога, личная ответственность перед Всевышним) или античности (*epimeleia heautou* / забота о себе). И нужно отметить, что «быть хорошим человеком» — это не просто цель или качество, но это задача, требующая наибольшего усилия, проявляющегося и в постоянном размышлении о сути добра и зла, и в постоянном самоконтроле (чтобы сделать правильный выбор), и в необходимой ежедневной интроспекции, в постановке задач на завтра: учитывая слабость человека, ему необходимо каждое утро учреждать себя наново, стремясь

избежать тех ошибок, которые были совершенны вчера.

Яркий пример — харизматичный герой А. Пачино в фильме «Запах женщины» (М. Брест, 1992), когда он в сокрушительной для лицемерия образовательной системы речи (и, кстати, речь именно о том, что несмотря на красивые слова в рубрике «Наша миссия», на самом деле ни одно учебное заведение не пытается помочь человеку стать лучше и ориентировать его на развитие субъективности) заявляет: «Я всегда знал, какой путь правильный. Знал всегда, без исключений. Но никогда не шел. Знаете почему? Потому что это было слишком трудно».

Сегодня не учат тому, как делать выбор в пользу правильного пути. Более того, ценности настолько размыты, что правильный путь приравнен к неправильному (какая, в итоге, разница в условиях всеобщего абсурда и неизбежной конечности?) или, по меньшей мере, оба пути релятивны и оцениваются по конечному успеху: «Кто такой учитель гимназии, чтобы оценивать Наполеона?» — спрашивал Гегель. Однако нужно помнить, что Александр мог загораживать солнце Диогену, тем самым мешая последнему смотреть на мир с позиций своих собственных ценностей. Мы можем и должны судить о другом не по его символическому статусу и социальным достижениям, но как о личности, как о человеке (с точки зрения христианства победы Наполеона вели его вовсе не вверх, но вниз), с позиции пустыни: готовы бы мы были оказаться с этим человеком в пустыне, был бы у нас с ним шанс на выживание в экстремальных условиях, когда за социальной шелухой проявляется характер?

Проблемой настоящего является тот факт, что в прошлом оставлено и античное, и христианское наследие, где последнее настаивало на мысли личного договора между Богом и человеком и личной ответственности человека перед Богом. Возможно, была правильна мысль и Канта, и Вольтера о необходимости Бога для широких слоев населения: самодисциплина, подвижническая аскеза требуют развитого ума и воли, потому для большинства проще создать некое пугало, которое бы «заставляло» людей быть более ответственными перед другими. Вместе с тем было бы правильным, если бы с детства, со школы, минуя несущие свои риски религии, через философию, поданную как практика себя, детей приучали к самоконтролю, самоучреждению, давая возможность и навыки вырабатывать собственную субъективность и объясняя, что даже в абсурдной Вселенной человек не должен быть циничен, но обязан нести ответственность за себя и других. Сегодня молодежь стремится как можно раньше начать активную жизнь, что находит поощрение со стороны государства. Молодые люди присоединяются к различным политическим движениям, волонтерским ор-

ганизациям, ищут другие пути встраивания в общество. Это нормальное явление и практика деятельности необходима для формирования будущего гражданина. Однако необходимо учитывать факт, что при этом молодые люди не усваивают, часто оказываются вовсе не знакомы с культурным багажом, который может им понадобиться, если их карьера будет развиваться успешно. Подготовить молодежь, приучить ее к мысли об универсальности этики, о четком разграничении черного и белого — это один из путей как борьбы с коррупцией, так и построения более гармоничного общества.

2.

Известно, что советский дипломат В. Кравченко два раза разочаровался в социальных системах, в которых ему пришлось жить: первый раз в советской, второй раз в американской. Свое разочарование он отразил в двух книгах: «Я выбираю свободу», ставшей всемирно известной, т. к., будучи выпущенной в США, она отвечала задачам информационной пропаганды в «холодной войне», и «Я выбираю справедливость», не получившей подобного признания, потому что ее острее было направлено уже против капитализма. Но наиболее ярким проявлением его разочарования стала выпущенная в себя пуля.

В. Кравченко — это еще один пример асубъективности, потому как основания субъекта не должны находиться вовне: в государстве, в бизнесе, в сексуальном партнере. Как только человек связывает свое бытие с чем-то внешним, он теряет себя и обретает повышенную хрупкость: любые основания помимо *cogito* оказываются преходящими: они способны предавать и ускользать, они гераклитовски текучи и изменчивы, потому невозможно осуществлять привязку Я ни к чему, кроме Я, нет возможности основывать Я ни на чем, кроме самого Я. Итог построения самости — всегда данность самому себе, всегда выход из социальной системы отсчета и обретение *единственности* [18], основной ни на чем. Я равно Я (И. Фихте).

Выстраивание собственных оснований в себе самом — длительный и сложный процесс, требующий воли быть, воли абстрагироваться от любых форм, подчиняющих себе человека и стремящихся субъективировать его под свои собственные нужды. В указанном романе Сартра есть диалог, в котором один из героев, Брюне, произносит фразу: «Но теперь ничто не может отнять смысл у моей жизни и не помешает ей стать судьбой» [12, с. 124]. Брюне произносит это, говоря о своей связи с Коммунистической партией, связи, придавшей ему основания и форму. Однако проблема заключена в том, чтобы данная форма не оказалась *не его формой*, проблема в том, насколько в подобном случае *наша судьба является нашей, а не судьбой Большого Другого?*

В романе Э. Войнич «Овод» [5] перед нами взаимоотношения героев и лакановского Большого Другого — сетки символических коммуникаций, в которую вовлечен человек и которая его формирует, оказывает на него непосредственное давление, становясь обезличенной Властью, превращаясь в Супер-Эго. Всевластие Большого Другого — стремление человека ассоциироваться с ним, говорить к нему, ради него и от его имени — в конечном счете оборачивается против самого человека. Что Монтанелли трижды отрекается от сына ради абстракции, оставляет любимую женщину и в конце концов, несмотря на святую жизнь и любовь сотен людей, приносит несчастье всем близким и сам не обретает покоя. Что революционеры (здесь автор не прорисовывает, т. к. это симпатичные ей герои, но мы понимаем, местами чувствуем и видим) посвящают свою жизнь Великой цели, за которой не видят конкретики: живых человеческих индивидов, как говорил Маркс. Интересен фрагмент, когда Джемма и Овод говорят о решении комитета («Вы спрашиваете о моем личном мнении, а я пришла говорить с вами от имени комитета». — «Следует ли заключить из этого, что в-вы расходитесь с м-мнением комитета?» [5, с. 103]). Комитет — это и есть нечто безликое, что постоянно требует, от чьего имени говорит кто-то. Но в подобных случаях, когда через нас начинает говорить нечто (комитет, партия, религия, правительство, наша фирма), мы утрачиваем собственное Я, собственное бытие и даже право на собственное бытие, на собственную жизнь — мы не принадлежим себе. Мы оказываемся в положении шизофренического субъекта (как в ленте «Психо» (А. Хичкок, 1960 г.) в финальной сцене, где герой говорит то от имени себя, то от имени матери, впадая в раздвоение личности), или объекта (фильмы про доктора Мабузе, где им завладевает Голос) — как бы там ни было, но в момент, когда мы начинаем говорить не от своего имени (даже если этого требует так называемая корпоративная этика), а от имени Чего-то, мы теряем свое Я, объективируемся и уступаем собственную субъективность Другому. Как бы это ни казалось невинным на первый взгляд, последствия подобного много значительнее: мы привыкаем игнорировать Я, говорить от имени Другого, словами Другого, мыслями Другого — усиливается наша склонность к конформизму, мы растворяемся, теряем себя. Здесь нельзя не вспомнить «Почему я отказался от премии» Ж.-П. Сартра — перечитывание, актуализация этой небольшой заметки будет всегда своевременным.

В конце концов задача нашей жизни в том, чтобы освободиться от Большого Другого, в сети которого мы оказываемся неизбежно плотно вовлечены с момента рождения, с момента т. н. социализации.

3.

Именно в связи с этой сверхзадачей индивида — освобождения из сети Большого Другого — оказываются важными такие процедуры субъективации, как искусство, психоанализ, философия и любовь — сферы и процессы, с которыми человек так или иначе соприкасается в течение своей жизни, к которым может прибегать сознательно и которые, в конечном итоге, служат ему для формирования себя и для познания истины о самом себе. Так или иначе, но каждый задается вопросом об истине, а истина — знание, раскрывающее нечто о нас самих: для нас нет никакой пользы знать, что Земля вращается вокруг Солнца, если это не встраивается в нашу личную концепцию соотношения «Я — Мир». В конечном счете, все эти четыре формы субъективации служат способом познания себя, конструированием себя и мира. Мы наиболее полно раскрываемся через них и заявляем миру о собственном бытии, либо же бытию позволяем говорить через себя, осуществляя некоторую практику. Либо же мы сдаем своеобразный экзамен на то, что значит быть: на самом деле мы никогда не знаем собственных оснований и смыслов, кроме тех, что задаем и познаем сами, но мы можем оказаться вписанными в какой-то план, ибо искусство и философия показывают нам, что нечто приходит к нам независимо от нас и говорит через нас. И основания этого нечто, которые старается объяснить наука, до конца объяснены быть не могут.

Искусство говорит само за себя, находясь в «просвете бытия», как сказал бы Хайдеггер. Это первая форма выражения себя перед миром, первая форма раскрытия и терапии. Выплескивая себя в акте творчества, человек оправдывает свое существование для самого себя, оказывается полезным для других, участвует в со-творении культуры. Искусство — форма сублимации, форма терапии, делающая для человека переносимым его собственное существование. Это форма вопрошания и ответа. Высшая степень реализации человеком своего потенциала как мыслящего существа.

Искусство одновременно является и симптомом, и лечением. Оно отражает болевые точки автора, болевые точки эпохи, обрисовывает ситуацию. Искусство отражает настоящее, предчувствует будущее. Настоящее искусство — всегда чувство и, как таковое, оно всеобщее и универсально. Грань между искусством и неискусством проходит в области чувств — произведение, оставляющее равнодушным, представляет собой графоманство, говорим ли мы о литературе или о живописи. Искусство вторгается в наше комфортное существование и запускает процесс катарсиса — после знакомства с Произведением мы должны быть чуточку, но измененными. Искусство меняет сознание.

Итак, искусство — первая форма объявления себя миру и взаимодействия с миром.

Это форма универсальная, объединяющая и освобождающая. В конечном итоге, если мы говорим о людях, то между ними имеется нечто общее и это общее касается не только физиологии и отношения тела в пространстве [19, с. 12], но чувствования и стремления поделиться своими эмоциями. Искусство универсально: оно адресуется всем и не связано с какой-либо локальностью. Искусство часто вопиюще и провоцирующе: его задача вскрыть социальные язвы и обнажить человека перед ним самим, показать человеку собственную пошлость, но дать надежду, иногда даже предложить план.

Искусство многообразно: нет формы, которая была бы правильной и формы, которая была бы ложной. Есть процесс производства экзистенциальных истин, который никогда не прекращается и постоянно нащупывает. Потому искусство — враг всякой тоталитарности, а поэты — священными паразитами [13, с. 20]. Искусство — сфера для одиночек и поле деятельности изгнанников.

Искусство — это форма вторжения мысли в обыденность. Это «ночное нападение» [3] на устоявшийся порядок, на рутинность повседневности. Искусство призвано раскрыть перед читателем (в широком смысле слова) иное измерение пространства и показать поливариантность бытия. Оно помогает отталкиваться в своей мысли от чужой мысли и двигаться дальше. Искусство служит формированию самости через рефлексию и выражение этой рефлексии вовне в той или иной форме: «Вовсе не легко отыскать книгу, которая научила нас столь же многому, как книга, написанная нами самими» [10, с. 749]. Искусство — это диалог двух экзистенций: художника и читателя, каждый из которых что-то получает в процессе этого диалога, и это что-то, как минимум, касается освобождения.

Искусство — сфера свободы и требование свободы. Художник не может быть вовлечен в институции, связан с ними или транслировать их — не получится. Истинное слово приходит не от институции и даже не от сознания: «О чем писать? На то не наша воля» [11, с. 185]. Идея искусства приходит из потока неосознанного восприятия, из переживания и претерпевания (А. Камю), провозглашая истину зрелости и пытаясь нащупать основания. В этой точке искусство смыкается с философией.

4.

Если искусство — это манифестация свободы в красках и формах, то философия — это манифестация свободы в концепциях. Конечная цель любой философии (если это именно философия, а не идеология) — освобождение: освобождение индивидуальное, освобождение коллективное; избавление индивида и социума от тотализирующих практик. Отсюда

вполне адекватная оценка истинности и ложности философии, философа, интеллектуала или, в конечном итоге, субъекта — «По плодам их узнаете их» (Мф. 7:16): задача философа быть рупором свободы. Потому что бытие свободно.

Отсюда первооснова философии в субъекте. Не только потому, что философия, как ее ни пытайся повернуть, — мысль картезианская; не только потому, что бытие человека-в-мире или мира-в-человеке может рассматриваться через концепции Дж. Беркли, но и потому что задача самой философии, понятой практически, находится в освобождении индивида, т. е. в превращении человека в субъекта. Искусство преимущественно есть высказывание своей субъективности. Философия — высказывание субъективности и созидание субъектности. Философия не просто высказывает истины (всегда ли?), не просто направлена на познание, на осмысление, на объяснение, она направлена на изменение, изменение если не мира, то человека. Мы знаем, что до известного момента философы (якобы) только объясняли мир, потому некоторые из них пытались его поменять или призывали к этому, но задача философии менять не мир, а себя и тех, кто имеет уши и слышит, кто готов участвовать в философской практике, а «философская практика — это возвращение философии к своему первоначальному статусу, который она имела в античной культуре» [4, с. 39]. Философия индивидуальна и является прямым путем к субъективности. В связи с этим Власть и философия всегда оппозиционны.

В настоящее время философы говорят о кризисе. Многие философы испытывают комплекс вины за грехи, которые не совершали; многие ищут новые пути, многие ощущают тупик, пытаются нащупать основания. Но основание философии в самой способности человека к мысли. Наука занимается узким срезом мысли, философия оказывается самой идеей: нематериальной формой мыслящей субстанции. Наука — способ освоения и обживания пространства, тогда как философия — попытка осмыслить бытие и вступить с ним в диалог. Поэт не властен над словом, т. к. бытие говорит за него и через него. Философ дает себе отчет в том, что произносит. Его акт высказывания более долгосрочен и работает на конструирование социальной формы. Его мысль требует целенаправленного усилия, но не исключает озарения.

В связи с этим кажется нецелесообразным искать фундамент философии вне субъекта: она служит инструментом созидания и осуществления субъективности: функция философии относительно человека остается античной — ее задача помочь индивиду очистить зерна от плевел, а именно понять, как и каким образом он мыслит, почему у него возникают именно такие мысли и насколько те мысли, которые есть в его голове — его собственные

мысли? В конечном счете, философия позволяет индивиду обрести экзистенцию, перейти со стадии эстетической на этическую (С. Кьеркегор). А уже в этике раскрывается социальный аспект философии: кристаллизация себя ведет к гармонизации политики, которая в античном понимании является снятием конфликта и наиболее справедливым устройением общества — конечный итог политики: максимальное освобождение зоны личной свободы для каждого члена сообщества при выполнении им своего долга относительно Другого.

Основание любого субъекта — собственная мысль и нонконформизм, являющийся результатом внутренней свободы. Философия как практика себя учит обращать взгляд внутрь себя и уже через / из себя возвращать его миру. Если большинство людей погружены в обыденность и сиюминутность, не понимая истины, не стремясь ее ухватить, либо дистанцируясь и закрываясь от нее, то философ — этот тот, чья экзистенция является вопросом и поиском. Философ стремится уяснить универсум, культуру, но главное — стать ясным самому себе. Любые исследования философа — это исследования самого себя и постановка вопроса о самом себе. Вопроса в том срезе, который актуален именно для конкретного философа. В конечном итоге, философия — это рациональное самопознание, основанное на логике и методе, что роднит ее с психоанализом, отдаляя от процедур искусства и любви, но не порывая с ними. Только цель философии, в отличие от психоанализа, заключается не в обращении к первотравме и попытке познать себя, принять себя, а в созидании себя в соответствии с рационально выработанными и понятными критериями. Я равно Я, но Я еще и возможность быть тем, кем хочу, Я еще и абсолютная свобода быть, но обращение к этой свободе означает обращение вовнутрь. Только наличие внутреннего мира эмансипирует человека от мира внешнего. Отсутствие внутренних богатств приводит к зависимости от Большого Другого, к перекалыванию ответственности за себя на кого-то или на что-то вне себя.

Сверхзадача философии — уничтожить Большого Другого для Я.

5.

Психоанализ может служить современной разновидностью того, что М. Фуко назвал практиками заботы о себе. Психоанализ поручает (перекалывает на плечи) эту заботу (о нас) врачу (субъекту, предположительно знающему и опытному), который должен через работу со словом, через разговоротерапию, через диалог, провести нас к самим себе, к познанию и приятию себя [14, с. 23]. И даже в случае делегирования функции познания самих себя психоаналитику, это познание оказывается именно нашей работой, т. к. психоанализ

(как в случае с ошибочными действиями, со сновидениями, с ассоциациями) предполагает активность анализируемого в истолковании образа: именно анализируемый должен рассказать аналитику, что обозначает возникшее в его голове значение [14, с. 96]. Аналитик в сеансе психоанализа выступает лишь силой направляющей, подталкивающей, мотивирующей и подсказывающей; силой, владеющей методом, но не проделывающей работу. Он подобен спортзалу и фитнес-тренеру одновременно. Зачем человек приходит в зал? Он вполне может заниматься дома, но зал (место с людьми, с графиком занятий, с атмосферой, с оплатой, с символом «я хожу в/на ...») и фитнес-тренер (человек, предположительно знающий больше меня о процессе и методике тренировок) мотивируют индивида заниматься собой (я не могу не заниматься, ведь я заплатил деньги / подведу тренера / все знают, что я хожу в зал). Спортивный зал и тренер «заставляют» человека заниматься своей физической формой, они мотивируют его, что оказывается важным на первоначальном этапе для большинства решающих заняться своим телом, но столкнувшихся с проблемой нехватки знаний, проблемой неумения найти информацию, неожиданной трудностью такого, казалось бы, простого занятия, как самобилдинг.

В сущности, аналитик и анализ решают те же проблемы, только на более тонком, ментальном уровне: аналитик ведет человека к познанию им своих собственных душевных струн, собственных мотивов, состояний, привычек; наделяет его инструментами для самостоятельного анализа себя и других, если он окажется способным учеником и решит двигаться по тропе самостоятельно.

Фактически психоаналитик приходит на смену не столько духовнику, как может показаться на первый взгляд, если взглянуть на исповедальную форму терапии, сколько древнегреческому философу, который, как на это указывал М. Фуко [14, с. 134], должен был «пользовать душу» своих ближайших друзей, родственников (или, более широко, каждого встречного и поперечного, как это виделось Сократу), наставляя их в том, как заботиться о себе, посредством какой философии, каких практик (медитации, утреннего и вечернего просмотра сознания и проч.) осуществлять познание себя. Этому посвящены работы Сенеки, Марка Аврелия, Эпиктета, этим занимались Эпикур и Сократ. В этом же основная задача аналитика: помочь человеку обрести собственную историю [8, с. 27] и создать самого себя [8, с. 20]. Психоанализ оказывается длительным процессом толкований, происходящим между аналитиком и анализируемым, пока последний не узнает себя в предлагаемой интерпретации, не примет предлагаемого означивания как описывающего его самого: «Вот это точно я! Это то самое, чего я хотел/хочу! Что никак не давало

мне покоя», — такой должна оказаться реакция анализируемого на анализ, такая реакция рождается из познания своего бессознательного в результате аналитических истолкований.

Психоанализ способствует возможности человека, если не освободиться полностью, то осознать влияние детерминирующих его поведение сил: ожиданий его семьи (которые он либо успешно реализует, либо страдает от того, что «не оправдал надежд», либо соревнуется с отцом etc.), влияния власти, воздействия идеологии (например, запрещающей ему заниматься каким-либо видом секса, о котором он имеет фантазии, но не смеет даже поговорить об этом со своими партнерами из-за страха социального осуждения). Психоанализ позволяет индивиду оставить «отца и мать свою» и следовать за самим собой туда, куда его ведут собственные желания, фантазии и идеалы.

Хотя психоанализ подразумевает диалог — наличие аналитика как предположительно знающего, опытного и направляющего субъекта — он может осуществляться и на индивидуальном уровне, как индивидуальная практика самопознания. Именно как собственная практика изучения себя психоанализ и был изначально создан З. Фрейдом. Его работа по «Толкованию сновидений» (а сновидения — это главнейший столп психоанализа) явилась результатом интерпретации собственных сновидений, собственного самопознания. Психоанализ оказался вещью, созданной одним человеком для самого себя и подходящей для всех. То, что мог сделать З. Фрейд (самостоятельно проводить свой собственный анализ), может произвести любой желающий, если будет прилагать к тому время и силы. Аналитик нужен лишь для тех (и здесь опять рождается параллель с фитнес-залом и тренером), кто не обладает либо временем, либо волей, либо и тем и другим вместе. Но задача аналитика не только помочь человеку с его конкретной психологической проблемой, но привить ему привычку к аналитическому занятию собой.

Именно для этого аналитик занимается аналитической работой (толкует [8, с. 28]) вместе с пациентом, для этого отсылает анализируемого к дополнительным материалам: лекциям, книгам [14, с. 109—110]. В целом, сам Фрейд неоднократно отмечал возможность проведения самоанализа, анализа собственных мыслей, желаний и сновидений и даже наибольшую легкость проведения анализа относительно самого себя, т. к. для самого себя индивид — лицо, пользующееся абсолютным доверием.

К. Касториadis отмечает, что у психоанализа нет иной цели, кроме как помочь пациенту превратиться в субъекта [6, с. 215]. В этом ответ психоанализа на философию смерти субъекта, предполагающую, что авторов больше нет, есть только интерпретаторы. Психоанализ изучает человеческую личность и посвящен

целиком ее проблематике. Он крайне индивидуален. Можно сказать, что психоанализ отрицает всякую биологическую обусловленность [14, с. 25] в человеке и работает целиком с его лингвистическим Я, с его идеальной структурой, его *cogito*, которое, согласно Декарту, только и являет собой человека.

Вместе с тем психоанализ нивелирует власть человека над самим собой, его субъективность, относя душевные процессы (чувствование, мышление, желания) к области бессознательного [14, с. 25—26]. Сознательные действия человека оказываются лишь частным явлением и представляют собой верхушку айсберга его психической сущности. Однако для субъекта введенное Фрейдом структурное деление психики представляется не имеющим большого значения, т. к. субъект должен познать себя, свое бессознательное и научиться с ним жить, взаимодействовать, управляться.

Индивид, согласно Фрейду, управляется первоначально влечениями, стремлением к удовольствию, обозначаемому через сексуальность. Социализация индивида происходит за счет отказа им от удовлетворения своих личных влечений в пользу общества [14, с. 26—27]. Принципиально важной в наследии Фрейда оказывается его тридцать первая лекция [14, с. 496—517], посвященная разделению психической личности. В лекции Фрейд кратко рассматривает структуру личности, как взаимодействие трех сфер: Оно, Я, Сверх-Я. При этом для личности, с точки зрения Фрейда бессознательными оказываются, в значительной степени, не только Оно, но и часть Я, и Сверх-Я.

С точки зрения Фрейда Сверх-Я — это совокупность всех тех требований (через любовь и наказание (и самое страшное наказание — потеря любви)), которые предъявляют ребенку родители, которые, как сказал бы Лакан, и вводят его (Отец) в символическое пространство. Родители, воспитатели, учителя, идеальные примеры постепенно перерастают в Я-идеал (и в этом смысле снова удачно выразился Лакан, отмечая, что желание субъекта всегда желание Другого), а затем и вовсе абстрагируются, теряют корни, превращаются в совесть, нормы морали, личные языковые/мыслительные паттерны, благодаря которым человек выстраивает свое поведение. Что, как и когда было в нем заложено, он может не осознавать. Это может быть скрыто. И его желание ему не принадлежит. Так же, как и часть его Я в своих базовых основаниях. Казалось бы, субъект исчезает, расщепляется и не существует, о чем так радостно говорили литература, философия и кинематограф после Фрейда.

Но сам Фрейд остался более верен Просвещению. Указав на проблемную часть формирования индивида, на его изначальную расщепленность, он же указал и лекарство: психоанализ, цель которого заключается в том, чтобы «как раз укрепить Я, сделать его более

независимым от Сверх-Я, расширить поле его восприятия и так выстроить его организацию, чтобы оно могло освоить новые части Оно». И главная формула, к которой Фрейд сводит цель психоанализа (о чем никогда не следует забывать): «Где было Оно, должно стать Я» [14, с. 517].

6.

Любовь — еще одна из практик субъективации, про(пере)живаемой индивидом преимущественно на бессознательном, эмоциональном уровне, но имеющей огромное созидательное значение, в том числе и в попытке субъекта рационализировать себя и мир. Переживание любви — это наиболее сильный катарсис, который человек проходит в своей жизни, который на определенном этапе позволяет ему по-новому посмотреть на себя и на Другого, раскрывает внутренние резервы, часто задает дальнейший вектор всей жизни, значительно влияя на мироощущение и картину мира. Способность к любви оправдывает существование человека.

Жизнь общества потребления, жизнь ради потребления, любая жизнь, кроме жизни ради познания и любви — это жизнь тупиковая. Ницше и Камю были правы: оправдание универсума находится только в эстетике. Именно в эстетике располагается истина этого мира, позволяющая нам жить, призывающая нас жить, требующая от нас жизни — положить жизнь на улучшение себя и мира. Эстетика — эта та истина, которую не учел Бадью (хотя писал об инэстетике), но которая объединяет все его четыре процедуры истины: математику (что может быть изящнее и гармоничнее формулы?), поэму (или музыкальность, образности и ритмики стихотворения?), любовь и политику (расширение любви из личного в социальное с попыткой улучшить жизнь многих). Эстетика объединяет все четыре процедуры, но основывается на любви. В конечном счете, жизнь без любви мертва. В ней нет ни задора, ни ощущения, ни движения. В жизни без любви только сухость. Жизнь без любви пустынна и бесплодна, ее почва остается такой же неплодородной, как почва Сахары. Такая жизнь не дает плодов. Любовь должна быть, даже если она не раскрывается в образованной паре. Она должна находиться в сердце и вдохновлять. Стендаль писал о любви в своих романах. Писал о той любви, которую искал, которую хотел пережить. Флобер следовал его примеру: «Мадам Бовари — это я», — говорил он, а мадам Бовари грезилась о глубоком чувстве. Данте и Петрарка любили своих Прекрасных дам. По их стопам шел Блок. Лермонтов скрежетал зубами. И кем бы был Гюго без своей Жюльетты, посвятившей ему жизнь? О чем писала бы Ахматова, переживая свои немногочисленные страсти в многочисленных стихах? Любовь оправдывает мир

и наполняет его эмоциями, заполняет смыслом. Мы не всегда способны любить так, как того требует Любовь: у нас есть свое Я и оно мешает полностью отдаться Другому. Мы боимся стать идиотами. Мышкин в нас остается мышкой, он страшится выглянуть наружу. Нас с детства научили молчанию. Но постичь искусство любви и обрести с кем-то полностью разделяемое единство, построить на этом жизнь и прожить ее одним целым, умереть вместе от случившейся синхронизации душевных и физических сил — вот то, к чему следует стремиться: чтобы двое стали метафизическим, диалектическим целым: разные онтически, имели онтологическую общность духа. В этом истина любви и, собственно, единственная истина в мире. В конце концов, все тщетно и преходяще, все «суета сует». Все, кроме любви. Обретя вторую половину, мы обретаем гармонию и целостность, мир перестает быть страшным, исчезает экзистенциальная тревога, появляется смысл. Любовь учит на ответственности за Другого (у Достоевского этот Другой слишком обширен).

Сартр считал, что взгляд и ответ Другого угрожают нам и порождают в нас тревогу. Он был лишь частично прав: взгляд и ответ Другого оправдывают нашу жизнь и придают ей ценность. Заикленные в эгоизме, мы никогда не выберемся в нирвану. Сартр был слишком заиклен на себе, на отрицании собственной физиологии, на самоненависти. Камю удалось нащупать ответ оправдания жизни. И этот ответ художника и поэта (Камю все же поэт, хоть он и прозаик) был более удачным, чем его рассуждения в эссе «Миф о Сизифе». Жизнь на зло — слабое утешение, оправдание слабых. Но от «чумы» (А. Камю) абсурда избавляет любовь. «Я не хочу жить в мире, где нет места нежности», — говорит герой фильма «Одинокий мужчина» (Т. Форд, 2009).

Трагичным моментом жизни является не столько одиночество (его можно пережить, и оно даже благотворно), а бытие-без-Другого, когда мы в Другом готовы раствориться, когда Другой оказывается (признается нами) частью нас самих. Бытие-в-себе, бытие-для-себя, но мы полностью раскрывается, только когда оказываемся в ситуации бытия-для-другого, в ситуации, которая мобилизует наши силы, заставляет нас действовать и реализовывать потенции, которые в ином случае спокойно бы спали: мы хотим нравиться, мы хотим заботиться, а *через это мы совершенствуем себя*. Ситуация одиночества — это ситуация цикла, ситуация отрешенности, ситуация дзена.

Бытие-для-Другого (я говорю, конечно, об эросе, любви индивидуальной, но это может быть и агапэ — любовь политическая) дает нам страсть, действие, смысл, эмоции, приводит к появлению какого-то продукта: от человеческой драмы до драмы художественной. Бытие-

для-Другого важно для нас, так как позволяет нам творить и преобразовывать.

В конечном счете, любовь — это еще один способ открывать истину о себе и пытаться услышать бытие. Все четыре процедуры самоконституирования — искусство, философия, психоанализ, любовь — это способы услышать и понять то, во что мы помещены, кто мы есть, и научиться управлять собой, научиться понимать себя и управлять собой, реализуя собственный проект. Выстроить Я и следовать Я — вот задача человека в мире.

1. Акунин Б. Не прощаюсь: приключения Эраста Фандорина в XX веке. Ч. 2. М. : Захаров, 2018. 416 с.

2. Бадью А. Манифест философии. СПб. : Machina, 2003. 184 с.

3. Бадью А. Тезисы о современном искусстве. URL: http://vcsi.ru/files/badiu_tezisy.pdf (дата обращения: 06.08.2018).

4. Борисов С. В. Философская практика как средство оптимизации качества жизни в мире повседневности // Образование и качество жизни. 2017. № 4 (06). С. 39—43.

5. Войнич Э. Овод. Л. : Лениздат, 1975. 278 с.

6. Декомб В. Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от собственного лица. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 576 с.

7. Жижек С. 9 цитат из беседы Славоя Жижека с читателями The Guardian. URL: <https://special.theoryandpractice.ru/zizlek> (дата обращения: 05.08.2018)

8. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М. : Гнозис, 1995. 192 с.

9. Моруа А. Открытое письмо молодому человеку о науке жить. Искусство беседы. М. : АСТ, 2017. 224 с.

10. Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 1. Литературные памятники. М. : Мысль, 1990. 829 с.

11. Рубцов Н. Стихотворения (1953—1971). М. : Сов. Россия, 1977. 240 с.

12. Сартр Ж.-П. Дороги свободы. М. : АСТ, 2015. 976 с.

13. Уэльбек М. Очертания последнего берега. М. : АСТ : CORPUS, 2016. 464 с.

14. Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ и Новый цикл. М. : Фирма СТД, 2006. 607 с.

15. Фуко М. Герменевтика субъекта : курс лекций, прочит. в Коллеж де Франс в 1981—1982 учеб. году. СПб. : Наука, 2007. 677 с.

16. Фуко М. О начале герменевтики себя // Логос. 2008. № 2 (65). С. 65—95.

17. Фуко М. Технологии себя // Логос. 2008. № 2 (65). С. 96—122.

18. Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков : Основа, 1994. 560 с.

19. Эко У. Пять эссе на тему этики. СПб. : Симпозиум, 2005. 158 с.

References

1. Akunin B. (2018) Ne proshhajus': Priključenija Jerasta Fandorina v XX veke. Ch. 2. Moscow, Zaharov, 416 p. [in Rus].
2. Bad'ju A. (2003) Manifest filosofii. Sankt-Petersburg, Machina, 184 p. [in Rus].
3. Bad'ju A. Tezisy o sovremennom iskusstve. Available at: http://vcsi.ru/files/badiu_tezisy.pdf, accessed 06.08.2018 [in Rus].
4. Borisov S.V. (2017) *Obrazovanie i kachestvo zhizni*, no. 4 (06). pp. 39—43. [in Rus].
5. Vojnich Je (1975). *Ovod*. Leningrad, Lenizdat, 278 p. [in Rus].
6. Dekomb V. (2011) Dopolnenie k sub#ektu: Issledovanie fenomena dejstvija ot sobstvennogo lica. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 576 p. [in Rus].
7. Zhizhek S. 9 citat iz besedy Slavojka Zhizheka s chitateljami The Guardian. Available at: <https://special.theoryandpractice.ru/zizlek>, accessed 05.08.2018 [in Rus].
8. Lakan Zh. (1995) Funkcija i pole rechi i jazyka v psihoanalize. Moscow, Gnozis, 192 p. [in Rus].
9. Morua A. (2017) Otkrytoe pis'mo molodomu cheloveku o nauke zhit'. *Iskusstvo besedy*. Moscow, AST, 224 p. [in Rus].
10. Nicshe F. (1990) *Sochinenija: v 2 t. T. 1. Literaturnye pamjatniki*. Moscow, Mysl', 829 p. [in Rus].
11. Rubcov N. (1977) *Stihotvorenija (1953—1971)*. Moscow, Sovetskaya Rossija, 240 p. [in Rus].
12. Sartr Zh.-P. (2015) *Dorogi svobody*. Moscow, AST, 976 p. [in Rus].
13. Ujel'bek M. (2016) *Ochertanija poslednego berega*. Moscow, AST, CORPUS, 464 p. [in Rus].
14. Frejd Z. (2006) *Lekcii po vvedeniju v psihoanaliz i Novyj cikl*. Moscow, Firma STD, 607 p. [in Rus].
15. Fuko M. (2007) *Germenevtika sub"ekta: kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1981—1982 uchebnom godu*. St. Petersburg, Nauka, 677 p. [in Rus].
16. Fuko M. (2008) *Logos*, no. 2 (65). pp. 65—95. [in Rus].
17. Fuko M. (2008) *Logos*, no. 2 (65). pp. 96—122. [in Rus].
18. Shtirner M. (1994) *Edinstvennyj i ego sobstvennost'*. Kharkov, Osnova, 560 p. [in Rus].
19. Jeko U. (2005) *Pjat' jesse na temu jetiki*. Sankt-Petersburg, Simpozium, 158 p. [in Rus].

For citing: Maltsev Ya.V.

Four procedures of subjectifying I-subject // *Socium i vlast'*. 2018. № 5 (73). P. 91—99.

UDC 101.1

FOUR PROCEDURES OF SUBJECTIFYING I-SUBJECT

Yaroslav V. Maltsev,

Tyumen State University,
The Department Chair of Philosophy,
Degree-seeking student.
The Russian Federation, 625003,
Tyumen, ulitsa Volodarskogo, 6.
E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com

Annotation

The article offered to the readers' attention touches upon the author's theory of four generic ways of subjectifying in the context of permanent modernity: art, psychoanalysis, philosophy and love. All four ways are autonomous practices that are, nevertheless, in close connection with each other and proceeding, in the case of subjectivation, consciously: the subject is able to seize the unconscious and control the conscious, thereby directing his own self-institution.

The theoretical foundations of the article were the works of A. V. Pavlov, Z. Freud, M. Foucault, J. Lacan. The main purpose of the text is to return significance and importance to the Cartesian subject and philosophy.

Key concepts:

modernity,
permanent modernity,
subjectivity,
cartesianism,
psychoanalysis,
philosophical practice.

Для цитирования: Дыдров А. А., Невелева В. С. «Конец света» и «конец мира»: философская интерпретация постапокалиптической фантастики // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 100—108.

УДК 111.12

«КОНЕЦ СВЕТА» И «КОНЕЦ МИРА»: ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОСТАПОКАЛИПТИЧЕСКОЙ ФАНТАСТИКИ¹

Дыдров Артур Александрович,
Южно-Уральский государственный университет,
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук.
Российская Федерация, 454080,
г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76.
E-mail: zenonstoik@mail.ru

Невелева Вера Сергеевна,
Челябинский государственный
институт культуры,
заведующий кафедрой философских наук,
доктор философских наук, профессор.
Российская Федерация, 454091,
г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а.
E-mail: vsneveleva@mail.ru

Аннотация

Введение. В конце прошлого и в начале нынешнего столетий возросла популярность литературных и кинематографических произведений на тему конца света. В отличие от религиозных апокалиптических сюжетов, постапокалиптическая фантастика в художественно-образной форме выражает кризис ценностей и идеалов научной рациональности. Чтобы осмыслить причины этого кризиса, требуется философская и, в частности, философско-антропологическая интерпретация феномена конца света. Важность философско-антропологической интерпретации обусловлена тем, что в центре любой современной постапокалиптической

композиции изображен человек, особым образом относящийся к миру.

Цель. Осуществить философско-антропологическую интерпретацию феномена конца света на материале постапокалиптической фантастики и выявить антропологические основания кризиса жизненного мира человека.

Методы. В исследовании были использованы общенаучные методы: анализ и синтез, индукция, дедукция, абстрагирование. Кроме того, применены сравнительно-исторический метод, метод интерпретации, философско-антропологический и герменевтический подходы.

Научная новизна исследования. Осуществлена философско-антропологическая интерпретация феномена конца света и постапокалиптической фантастики; выявлены философские основания кризиса жизненного мира человека.

Результаты. Феномен конца света интерпретирован как конец света разума. Причину глобальной катастрофы следует искать в особом отношении человека к миру — враждебности в союзе с расхитительно-потребительской политикой. Это отношение органично следовало из доминирования научной рациональности, предполагающей, что единственно подлинный свет есть свет разума.

Выводы. Философско-антропологическая интерпретация феномена конца света дала повод для приглашения к дискуссии об аксиологических основаниях постапокалиптической фантастики. Была поставлена под сомнение позиция, что произведения жанра дистопии способствуют формированию деструктивного отношения к миру. Авторы утверждают, что у постапокалиптической фантастики есть гуманистический потенциал. Она может дать повод для рефлексии над отношением человека к миру и самому себе.

Ключевые понятия:

философская антропология,
будущее,
постапокалиптическая фантастика,
конец света,
научная рациональность.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-33-00021 «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

Введение

В конце прошлого века и в начале нынешнего в фантастической литературе неоднократно создавались образы «конца света», наступающего в результате антропогенных катаклизмов. Как правило, истоком антропогенных катаклизмов была борьба государств за геополитическое доминирование. Такая политика не просто могла привести к войне — она была конфликтной по своей сути и неизменно вызвала крупные социальные потрясения. Средствами «разрешения» конфликта или, по существу, уничтожения противника были биологическое и ядерное оружие, а также «искусственный интеллект». Масштаб воздействия смертоносных технологий на биосферу, как правило, был равен площади Земли. В результате распространения вируса, взрыва ядерных бомб или утраты контроля над электронным «мозгом» гибли миллиарды людей.

Чрезвычайно высокую популярность тема конца света имела на Западе — такую, что одно только перечисление художественных фильмов, книг и музыкальных композиций потребовало бы от исследователя невероятных усилий. Нередко в фокусе внимания исследователей оказываются конкретные «образчики» темы — например, фильмы «Дорога» и «Дитя человеческое» (М. Фишер [7]) или группы произведений (например, фильмы о ядерных катастрофах [1; 8; 13]). В российской литературной фантастике и в российском кинематографе тема «конца света» хоть и не была столь популярна, но была представлена яркими кинематографическими и литературными произведениями (фильмы «Письма мертвого человека», «Посетитель музея»). Случайна ли эта популярность? Быть может, тема конца света — это всего лишь одна из «модных» тем? Если даже это и так, то причины появления такой «моды» все еще не выяснены до конца. Однако вероятно и то, что за ростом числа литературных и кинематографических произведений есть нечто иное, например, переоценка ценностей и сомнение в прежних идеалах. Если это верно, то картины конца света (в том числе художественные вариации на тему) несут какой-то посыл, предостерегая каждого человека от необдуманных и, в конечном счете, губительных действий, предостерегая от определенного отношения к миру, другому человеку и к самому себе.

Общеизвестно, что тема конца света не является «изобретением» писателей-фантастов. Даже распространенное сегодня название жанра фантастики — «постапокалиптика» («Post-Apocalypse») — является отзвуком религиозной традиции, а точнее — христианского литературного памятника, последней книги Нового Завета (написана в конце первого или в начале второго века н. э.). В каноническом христианстве признано, что Иоанн Богослов получил откровение, разворачивающееся на

страницах книги. В шестой главе «Откровения» был развернут образ конца света: «И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои. И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих» [18]. Конец света есть гибель сотворенного Богом мира. То, что некогда развернулось и раскрылось, будет свернуто (о том свидетельствует яркий образ свитка). Ангелы Апокалипсиса возвестят о гибели природы: сгорят деревья и трава, охваченная огнем гора низвергнется в море, с неба упадут звезды, воды снадут горькими, как полынь, затмятся солнце и луны, начнется шаштание саранчи и т. д. По выражению Квинта Тертуллиана, устройством Вселенной руководил божественный разум, ибо все «расположено, упорядочено и приложено одно к другому» [20]. Сквозь призму мысли Тертуллиана конец света можно обозначить как конец установленного богом порядка, крушение божественного мироздания и мироустройства. Все незыблемое и предвечное сходит со своих мест и обращается в прах.

В данной статье не реализуется задача интерпретации послания Иоанна Богослова. Д. Картеру принадлежит основательное исследование обозначенного религиозного источника [4]. Обстоятельные научные труды, посвященные «Откровению», принадлежат также К. Кингу [9], Д. Макдональду [11], Д. Коваксу [10] и другим авторам. Нас главным образом интересует место человека в картинах конца света, а не конец света в онтологическом ракурсе. Христианская религиозная картина конца света (не говоря уже о фантастических эскизах на тему) обозначала вполне определенное место человека — того, кто причастен к гибели мира и переживает поистине трагическое событие. Определение места человека на картинах конца света поможет осмыслить отношение современных людей к миру и увидеть ценностные «сдвиги», происходящие не только в обществе или в масштабах цивилизаций, но и в персональной жизни. Для этого необходим уже не только и не столько художественный взгляд, сколько философское всматривание и осмысление, в частности осуществляемое с точки зрения философской антропологии. Таким образом, философско-антропологическая интерпретация феномена конца света требует внимательно присмотреться к человеку, источнику масштабных пертурбаций в мире. Возможно, в его отношении к миру есть то губительное, что требует выведения на свет. Столь же возможно, что в человеке есть и ростки спасительного — и тогда спасительное должно быть определено.

Конец света в христианской картине мира

Где же на христианской картине конца света и мира место человека? В «Откровении»

есть упоминания о гибели людей. В частности, об этом свидетельствовал один из ангелов: «...и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки» [18]. В седьмой главе Иоанн Богослов назвал число выживших и представших перед Агнцем — двенадцать тысяч человек от каждого из двенадцати израилевых колен. В «Откровении», однако, речь идет не только о погибших или представших перед богом. Иоанн Богослов говорит, что место человека в пещерах и ущельях. Когда небо сворачивалось, а звезды падали на землю, люди побежали в укрытие: «И цари земные, и вельможи, и богатые, и тысяченачальники, и сильные, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор...» [18] Хозяин природы, некогда выводивший все «потаенное» из «сокрытости», взламывавший тайники природы, сам будет испытывать нужду в укрытии. То, что когда-то было просвечено, пронизано светом разума, измерено и размещено в схемах и моделях изученного мира, теперь «обязано» схоронить человека. Человек просит у мира укрытия, защиты от угрожающего. В литературной и кинематографической фантастике образы гор и ущелий сменились на образы подземелья (нередко — бункера) — последнего пристанища доживающих свои дни людей. Зараженный воздух и пропитанная ядами почва — то, что давало человеку жизнь, — отныне несут смерть. Единственное место, еще мало задетое последствиями разрушительной политики человека, было найдено в недрах земли. В недрах человеку удается сохраниться (вспомним хотя бы образы из кинофильма «Письма мертвого человека» реж. К. С. Лопушанского). Но каково это сохранение? В русском языке не случайна связь слов «сохранение» и «схоронение», «схрон». Последние, в свою очередь, имеют очевидную связь со словами «хоронить» и «похоронить». В завершение фильма «Письма мертвого человека» показана сцена выхода детей на поверхность. Они не закончили свою жизнь в одном из множества бункеров, сделанных на случай ядерной войны. Те «избранные» люди (в том числе ученый-физик), что оставались в бункере, не умерли в какой-то определенный день — они уже были мертвы и похоронены. То, что схоронено, подобно таланту, зарыто в землю, никогда не взойдет, если оно по природе своей должно встать к эфиру и дышать, если оно должно быть чем-то большим, чем является или кажется, должно служить чему-то более великому, чем оно само. Жизнь за пределами стен бункера сама по себе еще не обеспечивает роста. В постапокалиптической фантастике известны и картины, изображающие последние дни жизни человека на поверхности Земли. В сущности, эти «последние» дни могут растянуться и на годы, однако каждый из дней неизменно оборачивается поиском средств *дожития*. Персонажи постапокалиптических

произведений не могут ни достойно жить, ни достойно умереть. Именно поэтому они не живут, а «доживают»: в борьбе за существование последние люди на Земле вынуждены цепляться за любое спасительное, что хоть как-то продлит жизнедеятельность организма.

Неужели бегство в пещеры, ущелья или бункеры есть только реализация инстинкта самосохранения? В таком случае человек ничем не отличался бы от охваченного паническим страхом и бегущего от опасности животного. В «Откровении» Иоанна Богослова дан ответ, противоречащий такой однобокой трактовке. Есть основания утверждать, что и в современной научной фантастике образ человека не может быть редуцирован к образу хищника, несмотря на то что борьба за «кусочек мяса» является типичным сюжетом постапокалиптических картин. Иными словами, даже в условиях вселенской трагедии человеком движет нечто еще, кроме животного инстинкта.

Даже перед лицом гибели, конца материального мира человек хочет «само-стоять», хранить свое «само» — то «само», что позволило ему творить другие миры и перекраивать природу. Для религиозного человека разум был божественным творением, даром, ниспосланным свыше. Не случайно в одной из распространенных христианских молитв есть следующие слова: «Сам, Владыко, Боже всяческих, просвети и вразуми душу, сердце и ум раба Твоего...» [22, с. 52] Верующий человек ощущает свою слабость и ограниченность перед Богом, нуждается в помощи, в указании пути. Разум человека понимался как имеющий силу только тогда, когда опирается на помощь Бога. Не только разум есть дар, но и применение его возможно только с Божьей помощью.

Конец света как кризис научной рациональности

Постепенно в собственной истории человечество приходит к мысли о могуществе собственного разума — именно «собственного», поскольку сила разума (который все больше начинает пониматься как научный разум) демонстрирует свою способность быть практически независимой и не связанной с волеизъявлением высшего начала. Свет разума — свет интеллигентный — светит не только вне какой-либо связи с Творцом, но даже исключает Творца из картины мира. Человек перестал нуждаться в Творце для того, чтобы искать истину. В дань уважения к традиции (столь же вероятно, из-за страха перед традициями) человек мог еще писать о том, что предмет богословия есть предмет свыше его разума, и даже «доказывать» бытие Бога, но вместе с тем все настойчивее говорил о своих возможностях и правах — в том числе о праве проливать разум на вещи. Рационалистическая философская традиция

аккумулировала настроения эпохи Нового времени, связанного с небывалым ростом научного знания и укрепляющимся господством научной картины мира. Господство научной картины мира стало возможным потому, что человек уверовал в силу света своего разума, в то, что не нуждается в «просветлении» и «вразумлении», в то, что может «само-стоять». В лекциях по метафизике М. Хайдеггер лаконично выразил отношение человека науки к миру: все мироотношение, все установки и «вторгающиеся» в мир исследования связаны с сущим и только с ним. Для человека науки «дело идет исключительно о сущем» [24, с. 27]. Раз уж вне и кроме сущего ничто не может существовать, то разум и не сможет ни о чем более заботиться. В Новое время метафизика была обесценена и приравнена к спекулятивному (не)знанию. Разум получил все права, о каких можно было только мечтать — иначе говоря, возникла едва ли не монополия разума на отношение с миром и к миру.

От разума — самостоятельного и самодостаточного начала в человеке — исходит «истинный» свет, высвечивающий одни предметы и оставляющий во тьме другие. Оно — это «само» — не допускает никаких отчетов перед лицом Творца, так как хочет только безраздельно властвовать над миром и открыть все его тайны — в том числе тайну самого человека. Человек всегда был делом самого себя тайной. Многочисленные попытки определить человека в лучшем случае вызывали недоумение. В деле самопознания (а также самоподчинения) человек делал самые смелые шаги. В Новое время он даже объявил себя «машинной», состоящей из «деталей». У каждой из этих «деталей» была своя, особая специализация. Устройство некоторых «деталей» (прежде всего мозга) оставалось еще загадкой. Однако тщательное изучение тела-«механизма» должно помочь грядущим научным изысканиям. Тело можно будет «ремонтировать», продлевая срок его службы на неопределенно долгое время. В Новое время человек, таким образом, перестал мириться с тайной в себе самом. Силы науки были брошены на разгадку тайны — главным образом, загадки тела. Открытие микромира, состоявшееся с помощью особого технического инструментария, дало все основания для пристального взгляда на тело. От органов и тканей человек перешел к изучению клетки. Свет разума позволил увидеть прежде неизвестный мир, дал возможность «рассечь» и высветить мельчайшие «части» организма.

Пристальное внимание современной культуры к телу и телесности было обозначено Г. Л. Тульчинским как «телоцентризм». По мнению философа, западная и российская культура XX—XXI вв. принципиально «телоцентрична» [21]. Очевидно, что корни «телоцентризма» можно найти в прошлых столетиях — в частности в трудах европейских просветителей.

В XX в. в отношении к телу произошли существенные изменения. Вместе с идеями об усовершенствовании тела с помощью технологий имплантации, трансплантации, крионизации и т. д., звучали и идеи отказа от тела. Наиболее полно и последовательно они были сформулированы так называемыми «трансгуманистами» — первоначально европейскими и американскими, а позднее и российскими сторонниками преобразования человеческой природы. В статье «Суперинтеллект» руководитель «Института будущего человечества» Н. Бостром смело отбрасывает все традиционные «средства улучшения мозга», такие как образование, питание, нормальный сон, снижение загрязнения окружающей среды как неэффективные в деле улучшения человеческой природы. Даже современные средства, например фармацевтические препараты, не приведут к принципиально «значимым» результатам. Но какой результат Н. Бостром в таком случае считает «значимым»? В статье недвусмысленно говорится следующее: «В долгосрочной перспективе мозг человека может перестать быть фундаментом земного интеллекта» [3]. Обозначенная мысль говорит о том, что трансгуманизм в «долгосрочной перспективе» видит разрыв мозга и интеллекта (в других статьях Н. Бострома речь велась о сознании) и, более того, хочет добиться этого разрыва. Вместо того чтобы «питать» мозг препаратами, гораздо «выгоднее» от него избавиться. Благодаря Н. Бострому в среде трансгуманистов популяризировались идеи о «загрузке» сознания на небиологический носитель и в перспективе — о размещении «личности» в виртуальном пространстве. Для того чтобы произвести «загрузку», необходимо «сканировать» мозг [2]. Кто и как это будет делать — вопросы, на которые у трансгуманистов нет ответа. Нас в данном случае интересуют вовсе не трудности, возникающие на пути сторонников преобразования природы человека. Гораздо значимее для нас схема, в которую человека всеми силами стремятся уложить. В трансгуманизме природа человека редуцируется то до синтеза сознания и мозга, то до синтеза мозга и интеллекта, случившегося по «прихоти» «слепой» эволюции. Современная нейробиология (трансгуманисты пользуются ее результатами) уже сравнительно давно занимается картированием мозга. Мозг поделен на «участки», каждый из которых «отвечает» за те или иные функции организма. Человек научился воздействовать на некоторые участки мозга, тем самым как будто приблизившись к разгадке собственной тайны. Наука уверена в том, что человека, как и любой другой предмет, нужно делить на столько частей, сколько потребуется для успешного изучения целого. Но служит ли в действительности деление на части познанию целого? Быть может, наука продолжает углубляться в выделенные ею

части, позабыв о целом? Мы полагаем, что современному человеку грозит опасность, симптомы которой уже видны невооруженным взглядом: поделив самого себя на части, человек уже не сможет собраться. О каких симптомах мы в данном случае говорим? Прежде всего речь идет о популярности «холистических» идей. Это выражается в появлении «холистической» медицины как альтернативного направления терапии, в разговорах о «холистической парадигме» в психологии, основании «Школы целостной психологии» и многих других явлениях современной культуры. Популярность слов «холизм», «холистический подход» и др., возможно, выражает потребность человека в сборке. В XX в. помимо разговоров о целостности в западной культуре (прежде всего в американской) имели место общественные акции и движения, доводившие до абсурда привязанность человека к науке и технике. Например, это выразилось в «техноязычестве» (Э. Девис [15]) — культе поклонения технике и прежде всего персональному компьютеру. Кроме того, технику подают в качестве предмета эстетического удовольствия, выставляя привычные глазу артефакты как произведения современного «высокого» искусства [16]. В этих художественных перформансах и языческих культах выражается «буйство» иррационального, насмехающегося над разумом и его творениями. Если разум своими успехами в «просвещении» сущего в некотором смысле обязан технике, то почему бы не отдать ей «должное»? В конечном счете, именно техника должна помочь человеку просветить самого себя до самых мельчайших частей.

В отношении трансгуманистов к телу есть, на наш взгляд, определенная противоречивость. Одна из «аксиом» трансгуманизма гласит, что тело «мешает», так как оно несовершенено и «дано» человеку. В волюнтаризме винят «слепые» силы эволюции. По выражению А. Фармена, новые технологии могут преобразовать «хронически неполноценные» (*chronically incomplete*) жизненные формы в «многообещающие» формы будущей жизни (*promise — bearing forms of future life*) [6, с. 307]. Д. Рейнолдс в статье «Существование лучших тел» выразился еще конкретнее, назвав тело человека «мясистым» (*fleshy*) и «грязным» (*messy*) [12, с. 46]. Презируя тело, относясь к нему как к тяжелому наследию эволюции, трансгуманисты не могут не признать, что тело есть не только предмет пристального наблюдения и «освещения», но и «проводник» к иному миру — миру Сети и «аватаров»-голограмм. Иными словами, тело презируют, но с ним вынуждены считаться — считаться до того момента, пока все его тайны не будут освещены, пока оно не будет разгадано до самой последней клетки. И тогда, узнав все до последней клетки, можно будет расстаться с телом, заменить на нетелесный носитель со-

знания. В философии трансгуманизма разум достигает вершины самоутверждения. Только он есть источник света, выводящий «грязную» материю из потаенности, и только он есть то «само» в человеке, что светит в мире. Освещая мир, человек тем самым оказывает ему услугу: силы природы «слепы» и «нуждаются» в проводнике и господине.

В постапокалиптической фантастике поставлены под вопрос, во-первых, приложение силы человеческого разума и отношение к миру, а во-вторых, адекватность выбора средств воздействия на природу. Еще в первой половине XX в. в романе-антиутопии «Мы» Е. И. Замятин описал «философию» политики Единого Государства. Она — эта философия — предполагала вполне определенное отношение к миру. Мир враждебен и опасен своей непредсказуемостью, постоянным ускользанием от схем разума, тщетно пытающихся описать природу. В контексте такой «философии» Единое Государство было островом порядка в океане хаоса. Математическая упорядоченность жизни, культ математики — это «доказательство» мощи человеческого гения. Поскольку состояние войны между порядком и хаосом не может длиться вечно, постольку разум должен обуздать хаос, «уравнять» Вселенную. Символом будущего «уравнения» Вселенной был некий Интеграл — гигантский летательный аппарат, строительство которого было делом жизни многих «граммов», трудящихся на благо «тонны» [17]. Когда строительство Интеграла будет завершено, жители Единого Государства отправятся с «благородной» миссией в «варварский» мир. Планы руководителей Единого Государства были сорваны, и «варварский» мир перешел границу раньше.

В фантастике конца света изображаются последствия враждебного отношения к миру и расхитительно-потребительской политики человека. Последняя превращает мир в «гигантскую бензоколонку» (выражение М. Хайдеггера [23]), в то, что поставлено на службу человеческому гению. Трансгуманизм (хотя он и не связан с постапокалиптической фантастикой) тоже ознаменован событием выведения из «потаенности» — человек упорно пытается разгадать загадки своего тела и ставит себя на службу техноэволюции. В выведении из потаенности свет разума играет определяющее значение. Он продолжает светить даже тогда, когда освещать уже нечего, когда все мироокружное обращается в прах и вместе с ним в прах обращается «хозяин» природы. Сидя в бункере и, в сущности, доживая свой век, Ларсен (Ролан Быков) пытался «составить логическую задачу», найти «аргументы» в пользу своей версии о регенерации природы. Ученый-физик не замечал мучений своей изъеденной язвами жены. Супруга Ларсена пыталась обратить внимание ученого на нечто очевидное и выступающее за пределы прокрустова ложа

формул: мир в агонии, и виновен в этом человек. Это примеры того, как научный разум, то есть абстрактный, отвлекающийся от того, что есть в универсальной рациональности — от аксиологических, смысловых составляющих, — делает человека не сильным, а слабым, превращает его разум в «безжизненный», в смысле лишенный жизненной, связанной с жизнью, силы.

Что же, в конечном счете, приводит к концу света? Безусловно, самый первый и самый очевидный ответ на этот вопрос мог бы свестись к обозначению той или иной антропогенной катастрофы. Это может быть и взрыв атомной бомбы, и мировая война, и распространение вируса, и истощение почвы. Но всякий раз, указывая на какую-то из этих причин, мы оставались бы на поверхности. В своей знаменитой речи памяти «Отрешенность» М. Хайдеггер, рассуждая об «атомной веке», говорил, что его главная угроза вовсе не сводится к третьей мировой войне. Атомная энергия угрожает не бомбами — она угрожает невиданными ранее возможностями в деле открытия недр и «постав» потаенного на службу человеку. Отрывая и используя атомную энергию, человек уже особым образом относился к миру. То же можно сказать и об образах конца света в литературе и кинематографе. Виновны ли в конце света вирус или истощенная почва? Или виновно наше отношение к миру? Человек, относящийся к миру как к «слепым» и «враждебным» силам, стремится уместить мир в рамки формул и схем, покорить его и создать порядок из хаоса. В постапокалиптической фантастике изображены последствия укладывания мира в прокрустово ложе изобретений человеческого разума: мир всегда выступает за границы формулы и «подбрасывает» свои «неизвестные». Человек не смог «разместить» мир в собственном разуме (как не смог его «разместить» физик Ларсен) и не может найти в мире свое место. Скитания по выжженной земле можно уверенно назвать одной из «визитных карточек» постапокалиптической фантастики. Причина этих скитаний, впрочем, всегда одна и та же и сводится к поиску ресурсов — последних и потому неизмеримо ценных. Конец света есть прежде всего конец света разума, сведенного к идеалам научно-технической рациональности. И это принципиально иной конец света по сравнению с тем, о котором говорится в Новом Завете.

Так — в борьбе за последние ресурсы — меркнет свет разума, и на «авансцену» выходят животные инстинкты, побуждающие бороться за каждую вещь и убивать за право дожития. В фантастике конца света вовсе не критикуется разумное начало в человеке — такая критика вряд ли была бы состоятельной. Критикуется то, как человек пользуется светом разума. Свет, преломляющийся через линзу лупы, будет прожигать предмет. Свет может пронзать

насквозь. Разум, «прожигаящий» вещи, оставляющий в них «дыры» и «рубцы», в конечном счете останется среди выжженных вещей. Столь же очевидно, что свет может согревать и обволакивать, заботиться о мире. Такой свет не прожигает и не «рассекает» вещи на части. Как пользоваться этим светом, современный человек не знает. Мы слишком часто направляем свои усилия на результат и, двигаясь к цели, не останавливаемся ни перед чем. Признавая науку в качестве «эталонного» знания, мы «пытаем» вещи и «разрушаем» их на множество фрагментов. Нам кажется, что союз с линзой — это единственно возможный и уж во всяком случае единственно правильный способ применения света разума.

Заключение

Означает ли все сказанное, что постапокалиптическая фантастика предостерегает человека от опасности, таящейся в нем самом? Не вкладываем ли мы тем самым в фантастику тот смысл, которого в ней нет? Вообще, учат ли чему-то фантастическая литература и кинематограф? Пока мы не готовы ответить на эти вопросы со всей определенностью. Поводом для сомнений, в частности, стала дискуссия с И. В. Вишевым — известным российским ученым-иммортологом и сторонником применения технологий продления жизни. В одной из статей И. В. Вишев убежденно высказался против жанра дистопии, в том числе против фантастики конца света. Аргумент ученого сводился к следующему: современная педагогика должна формировать «оптимистическое» мировоззрение вопреки «острейшим противоречиям нашего времени» [14, с. 82]. Между тем дистопические книги и фильмы способствуют формированию «деструктивной ментальности» [14, с. 82] и усугубляют «ситуацию в стране и мире». Дистопические произведения связывали с «историческим пессимизмом» и «эсхатологическим алармизмом» [5, с. 6], то есть с паническим настроением, с тревожностью и неуверенностью человека в собственных перспективах. В самом деле, как не поверить в то, что фантастика конца света сеет нечто разрушительное? И все же, несмотря на убедительность обозначенных точек зрения, попробуем выразить некоторые сомнения в истинности критики.

Постапокалиптическая фантастика рисует жуткие картины. Жуть этих картин вовсе не в том, что воображаемый, созданный художником мир — это царство смерти. От страшных образов со страниц книг или с экранов кинотеатров можно с легкостью отмахнуться как от любой другой фантазии. Жуть пронизывает тогда, когда человек узнает на экране или на страницах книги самого себя. Не требуем ли мы тем самым от фильмов и литературы того, чего они не могут дать? Дело обстоит иначе:

мы многого требуем от человека, который мог бы узнать в «зеркала» постапокалиптических образов самого себя. Узнает человек самого себя или не узнает — это не социологическая проблема, не проблема, решаемая опросами и анкетами. Это проблема осознания ценностей и смысла личного существования, проблема реализации собственного жизненного проекта. Следует ли за узнаванием себя в зеркале художественного произведения заражение «деструктивной ментальностью»? На это событие — событие узнавания — можно ведь посмотреть и иначе. Оно может дать человеку повод для размышлений о самом себе, о своем месте в мире, об отношении к миру. Оно дает возможность и требует остановиться и продумать собственный жизненный путь. Сегодняшний человек живет на «высокой скорости», вовлекается в различные проекты и реализует свой «креативный потенциал». Можно сказать, что современный человек рискует задохнуться в изобилии результатов собственной креативности. Остается ли у человека время для того, чтобы подумать о самом себе? Мы надеемся на то, что постапокалиптическая фантастика дает для этого повод. И если это размышление и продумывание случается, то значит, что конец света разума еще не наступил — только разума не беспечно самонадеянного, а как раз разума ответственного. И это не противоречит стремлению человека к креативности и самореализации, только вооружает человека представлением о перспективе собственного существования, продолжения жизни, а значит — где нет конца света ответственного мышления, разума, там нет и конца света.

Постапокалиптическая фантастика изображает последствия господства научной рациональности, конец света разума. Научная рациональность «просвечивает» вещи, рассекая их на множество частей. То же сегодня человек пытается сделать с собственным телом. Неоднозначность положения современного человека в том, что при посредстве тела он стремится избавиться от тела, светит, чтобы испепелить. Как бы не относился хозяин мира к месту своего пребывания, он все же не может «уничтожить» его. В некогда вскрытом и вывернутом наизнанку мире человеку могло бы открыться спасительное именно как спасительное. Однако спасительное открывается человеку только как укрывающее, или хоронящее. *От чего? От Гнева. Укрытие для чего? Для того чтобы и дальше «само-стоять»: «...ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?»* [18]

В мирах постапокалиптической фантастики мрачными красками изображается крушение сотворенных человеком миров. Все ближайшее и подручное, все близкое и родное, созданное человеческим гением, внезапно охвачено агонией и доживает свой век. «При-родное», данное человеку, закрывается, свертывается, подобно свитку. Иными слова-

ми, оно укрывается от человека и как будто погружается во «тьму», более не освещаемое светом разума — возможно, самым загадочным светом. Не схватываемые разумом вещи стремительно попадают в «зону неразличимости»: «Слепота была нестерпима, до крика хотелось хоть на секунду разорвать ее — или выцарапать себе глаза» [19]. Фраза из рассказа «Зима» В. М. Рыбакова тогда приобрела бы совсем иной смысл, не связанный с физической слепотой. Не освещаемые светом разума вещи погрузились бы во тьму. Что тогда оставалось бы глазам, бессильным перед тьмой, как не закрыться?

И отныне от последних героев постапокалиптического мира зависит, начнет ли разум светить вновь, и то, как он будет светить. Будет ли этот свет по-прежнему *пронзать* вещи, разрезая их на столько частей, сколько требуется разуму для исчерпания всех тайн, или будет *бережно* обволакивать их? Будет ли освещать только вещи или хотя бы робко проникнет за границы вещно-предметного? Несмотря на крушение привычного, обжитого мира, несмотря на «деградацию» человечества, «умершего» еще до взрыва ядерных бомб, в человеке теплится свет. И только от того, как и куда он направит этот свет, будет зависеть судьба бытия.

1. Bostrom N. Ethical Issues in Advanced Artificial Intelligence. URL: <https://nickbostrom.com/ethics/ai.pdf> (дата обращения: 07.10.2018).
2. Bostrom N. Superintelligence. URL: <https://nickbostrom.com/views/superintelligence.pdf> (дата обращения: 07.10.2018).
3. Carter J.W. The Revelation of John. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/Revelation_Demo.pdf/ (дата обращения: 07.10.2018).
4. Chantsev A. The Antiutopia Factory. The dystopian discourse in russian literature // *Russian Studies in Literature*. 2009. № 45(2). P. 6—41.
5. Dell'Agnese E. Post-apocalypse now: Landscape and environmental values in the road and the walking dead // *Geographia Polonica*. 2014. № 87 (3). P. 327—341.
6. Farman A. Cryonic Suspension as Eschatological Technology in the Secular Age // *A Companion to the Anthropology of Death*. 2018. P. 307—320.
7. Fisher M. Post-Apocalypse Now. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1002/ad.1136> (дата обращения: 08.10.2018).
8. Herrero D. Post-Apocalypse Literature in the Age of Unrelenting Borders and Refugee Crises: Merlinda Bobis and Australian Fiction // *Interventions*. 2017. № 19 (7). P. 948—961.
9. King K. *The Secret Revelation of John*. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 406 p.
10. Kovacs J. *Revelation: the Apocalypse of Jesus Christ*. London : Blackwell Publishing, 2008. 315 p.

11. McDonald G. Biblical criticism in early modern Europe: Erasmus, the johannine comma and trinitarian debate. Cambridge : Cambridge University Press. 2016. 384 p.
12. Reynolds J. Being Better Bodies // *Hastings Center Report*. 2017. № 47(6). P. 46—47.
13. Shapiro J. Atomic Bomb Cinema. The Apocalyptic Imagination on Film. URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/9781135350123> (дата обращения: 07.10.2018).
14. Вишев И. В. И Кант: «На что я смею надеяться?» // *Челябинский гуманитарий*. 2015. № 2 (31). С. 82—92.
15. Дэвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. Екатеринбург : Ультра. Культура, 2008. 480 с.
16. Дери М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков. Екатеринбург : Ультра. Культура, 2008. 478 с.
17. Замятин Е. И. Мы. URL: <https://ilibrary.ru/text/1494/index.html> (дата обращения: 07.10.2018).
18. Откровение Иоанна Богослова. URL: http://days.pravoslavie.ru/Bible/B_otkr1.htm (дата обращения: 07.10.2018).
19. Рыбаков В. М. Зима. URL: <http://lib.ru/RYBAKOW/winter.txt> (дата обращения: 08.10.2018).
20. Тертуллиан. Апология. URL: http://www.odinblago.ru/tertulian_1/2 (дата обращения: 07.10.2018).
21. Тульчинский Г. Л. Слово и тело постмодерна: от феноменологии невменяемости к метафизике свободы. URL: <http://hpsy.ru/public/x3131.htm> (дата обращения: 07.10.2018).
22. Флоренский П. А. Иконостас. М. : АСТ : АСТ Москва, 2009. 318 с.
23. Хайдеггер М. Отрешенность. URL: <http://lib.ru/HEIDEGGER/gelassen.txt> (дата обращения: 07.10.2018).
24. Хайдеггер М. Что такое метафизика? М. : Академ. проект, 2013. 288 с.
5. Dell'Agnese E. (2014) *Geographia Polonica*, no. 87(3), pp. 327—341 [in Eng].
6. Farman A. (2018) *A Companion to the Anthropology of Death*, pp. 307—320 [in Eng].
7. Fisher M. Post-Apocalypse Now. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1002/ad.1136>, accessed 07.10.2018 [in Eng].
8. Herrero D. (2017) *Interventions*, no. 19(7), pp. 948—961 [in Eng].
9. King K. (2006) *The Secret Revelation of John*. Cambridge, Cambridge University Press, 406 p. [in Eng].
10. Kovacs J. (2008) *Revelation: The Apocalypse of Jesus Christ*. London, Blackwell Publishing, 315 p. [in Eng].
11. McDonald G. (2016) *Biblical criticism in early modern Europe: Erasmus, the johannine comma and trinitarian debate*. Cambridge, Cambridge University Press, 384 p. [in Eng].
12. Reynolds J. (2017) *Hastings Center Report*, no. 47(6), pp. 46—47 [in Rus].
13. Shapiro J. Atomic Bomb Cinema. The Apocalyptic Imagination on Film. Available at: <https://www.taylorfrancis.com/books/9781135350123>, accessed 07.10.2018 [in Rus].
14. Vishev I.V. (2015) *Chelyabinskij humanitarij*, no. 2(31), pp. 82—92 [in Rus].
15. Dehvis E. (2008) *Tekhnognozis: mif, magiya i misticizm v informacionnyu ehpohu*. Ekaterinburg, Ul'tra. Kul'tura, 480 p. [in Rus].
16. Deri M. (2008) *Skorost' ubeganiya: kiberkul'tura na rubezhe vekov*. Ekaterinburg, Ul'tra. Kul'tura, 478 p. [in Rus].
17. Zamyatin E.I. *My*. Available at: URL: <https://ilibrary.ru/text/1494/index.html>, accessed 07.10.2018 [in Rus].
18. *Otkrovenie Ioanna Bogoslova*. Available at: http://days.pravoslavie.ru/Bible/B_otkr1.htm, accessed 07.10.2018 [in Rus].
19. Rybakov V.M. *Zima*. Available at: URL: <http://lib.ru/RYBAKOW/winter.txt>, accessed 07.10.2018 [in Rus].
20. *Tertullian. Apologiya*. Available at: URL: http://www.odinblago.ru/tertulian_1/2, accessed 07.10.2018 [in Rus].
21. *Tul'chinskij G.L. Slovo i telo postmoderna: ot fenomenologii nevmenyaemosti k metafizike svobody*. Available at: <http://hpsy.ru/public/x3131.htm>, accessed 07.10.2018 [in Rus].
22. *Florenskij P.A. (2009) Ikonostas*. Moscow, AST, AST MOSKVA, 318 p. [in Rus].
23. *Hajdegger M. Otreshennost'*. Available at: <http://lib.ru/HEIDEGGER/gelassen.txt>, accessed 07.10.2018 [in Rus].
24. *Hajdegger M. (2013) Chto takoe metafizika?* Moscow, Akademicheskij proekt, 288 p. [in Rus].

References

1. Bostrom N. Ethical Issues in Advanced Artificial Intelligence. Available at: <https://nickbostrom.com/ethics/ai.pdf>, accessed 07.10.2018 [in Eng].
2. Bostrom N. Superintelligence. Available at: <https://nickbostrom.com/views/superintelligence.pdf>, accessed 07.10.2018 [in Eng].
3. Carter J.W. The Revelation of John. Available at: file:///C:/Users/User/Downloads/Revelation_Demo.pdf, accessed 07.10.2018 [in Eng].
4. Chantsev A. (2009) *Russian Studies in Literature*, no. 45(2), pp. 6—41 [in Eng].

For citing: Dydrov A.A., Neveleva V.S.
 “End times” and “End of the World”:
 philosophical interpretation
 of post-apocalyptic fiction //
 Socium i vlast'. 2018. № 5 (73). P. 100—108.

UDC 111.12

“END TIMES” AND “END OF THE WORLD”: PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF POST-APOCALYPTIC FICTION

Artur A. Dydrov,

South Ural State University,
 Associate Professor
 of the Department Chair of Philosophy
 Cand. Sc. (Philosophy)
 The Russian Federation, 454080,
 Chelyabinsk, prospect Lenina, 76.
 E-mail: zenonstoik@mail.ru.

Vera S. Neveleva,

Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts,
 Head of the Department Chair
 of Philosophic Sciences,
 Doctor of Philosophy, Professor,
 The Russian Federation, 454091,
 Chelyabinsk, ulitsa Ordzhonikidze, 36a.
 E-mail: vsneveleva@mail.ru

Annotation

Introduction. At the end of the last and at the beginning of this century, the popularity of literary and cinematographic works on the topic of end times has increased. Unlike religious apocalyptic plots, post-apocalyptic fiction in an artistic and figurative form expresses a crisis of values and ideals of scientific rationality. To comprehend the causes of this crisis, a philosophical and, in particular, philosophical-anthropological interpretation of the doomsday phenomenon is required. The importance of philosophical and anthropological interpretation is due to the fact that in the center

of any modern post-apocalyptic composition there is a person relating to the world in a special way. The aim of the work is to carry out a philosophical and anthropological interpretation of the phenomenon of the end times on the material of post-apocalyptic fiction and to identify the anthropological basis of the crisis of the human life world.

Methods. The study uses general scientific methods — analysis and synthesis, induction, deduction, abstraction. In addition, the comparative-historical method, the method of interpretation, the philosophical-anthropological and hermeneutic approaches are applied.

Scientific novelty of the study. A philosophical-anthropological interpretation of the doomsday phenomenon and post-apocalyptic fiction has been carried out; philosophical basis of the crisis of the life of the human world has been revealed.

Results. The phenomenon of the end times is interpreted as the end of the world of mind. The cause of the global catastrophe should be sought in the special attitude of a person to the world — hostility in alliance with a riotous consumer policy. This attitude naturally resulted from the dominance of scientific rationality, presupposing that the only genuine light is the light of mind.

Conclusions. The philosophical-anthropological interpretation of the phenomenon of the end times gave rise to an invitation to discuss the axiological foundations of post-apocalyptic fiction. The opinion that the works of the dystopia genre contribute to the formation of a destructive attitude towards the world was called into question. The authors claim that post-apocalyptic fiction has humanistic potential. It can give a reason for reflection over the attitude of man to the world and to himself.

Key concepts:

philosophic anthropology,
 future,
 post-apocalyptic fiction,
 the end times,
 scientific rationality.

Для цитирования: Цукерман В. С., Павлова А. Ю. Художественная культура и культурная политика: региональный срез // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 109—120.

УДК 008

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ СРЕЗ¹

Цукерман Владимир Самойлович,

Челябинский государственный институт культуры, профессор кафедры культурологии и социологии, доктор философских наук, профессор, действительный член Международной академии информатизации, заслуженный работник культуры РФ, Российская Федерация, 454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а.
E-mail: zucker@kanzbu.ru

Павлова Александра Юрьевна,

Челябинский государственный институт культуры, доцент кафедры культурологии и социологии, кандидат культурологии. Российская Федерация, 454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а.
E-mail: astra861@rambler.ru

Аннотация

Введение. Данная работа посвящена анализу некоторых элементов структуры художественной культуры, таких как художественные ценности, учреждения искусства, учреждения и организации культурно-досуговой деятельности, публика, в аспекте культурной политики. Кроме этого предпринята попытка определить направления культурной политики для Челябинской области.

Цель. Выявление и разработки приоритетов в сфере художественной культуры применительно, с одной стороны, к культурной политике всей страны, а с другой — к региональным особенностям и художественным запросам населения, а также оценка качества реализации государственной культурной политики в регионе.

Методы. Помимо анализа методологической базы, анализа документов и статистических источников исследование включало в себя массовый опрос населения, инициированный Министерством культуры Челябинской области, и анализ его результатов. Опрос был направлен на выявление художественных предпочтений населения города и области и оценку качества реализации государственной культурной политики.

Научная новизна исследования. В рамках данного исследования были перечислены основные характеристики культуры населения региона, сделан актуальный культурный срез художественных запросов населения, а также предложены варианты развития художественной культуры на Южном Урале.

Результаты. Результаты исследования показывают относительную эффективность культурной политики в области поддержания доступности культурных услуг для населения, однако проблемными являются сферы выработки определённых норм и формирования потребности населения в получении такого рода услуг.

Выводы. Культурные запросы у жителей Челябинской области находятся в стадии активного изменения. И научно обоснованная и последовательно осуществляемая культурная политика по отношению к художественной культуре здесь позволил определить основные направления работы.

Ключевые понятия:

художественная культура
культурная политика
культура региона.

¹ Статья подготовлена в рамках исследования по программе грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (Конкурс НШ-2018), проект «Культура как основа ценностно-духовной консолидации: потенциал культурного наследия и образы будущего».

Введение

Вопросы соотношения культуры и культурной политики исследуются российскими учёными достаточно широко. А. Я. Флиер ставит вопрос необходимости иной культурной политики в постсоветской России [по 19], указывает на исторические тенденции культуры, которые необходимо учитывать в актуальной культурной политике [по 20] и разрабатывает различные типы культурной стратегии для различных вариантов культурной политики [по 17]. В статье Н. Н. Лавриновой «Культурная политика» предложены универсальные цели и направления культурной политики [10], в работах Л. Б. Зубановой, А. С. Точилкиной «Художественная культура региона. Опыт социологического мониторинга на Южном Урале» [по 6] рассматриваются особенности культурной политики конкретного региона, а в статье Г. Е. Гун «Концептуальные основы культурной политики для городов» ставится вопрос синтеза разных моделей культурной политики в рамках городского сообщества [по 2]. Данная работа будет посвящена анализу некоторых элементов структуры художественной культуры, таких как художественные ценности, учреждения искусства, учреждения и организации культурно-досуговой деятельности, публика, в аспекте культурной политики и попытке определить направления культурной политики для Южно-Уральского региона. Для этого прежде всего определимся с терминологией.

Широко распространён взгляд на художественную культуру как на систему, на совокупность видов искусства данного общества в их статике и динамике [3—5; 8; 11]. Анализ понимаемой таким образом художественной культуры в оптимальном варианте строится с учётом онтологических, генетических, историко-хронологических, формально-стилевых и иных внутривидовых характеристик данного феномена. Это взгляд на искусство «изнутри». Он вполне правомерен с позиций искусствознания, но не работает в рамках социологического изучения и социального проектирования.

В повседневной практике под художественной культурой нередко понимается качество того или иного художественного явления, уровень художественного освоения действительности [1; 16]. Так, говорят, например, о наличии или отсутствии художественной культуры в каких-либо спектаклях, концертах. Возможно, вернее в таких случаях рассматривать эти феномены художественной жизни в терминах «высокая» и

«низкая» художественная культура. В сущности, здесь речь идёт о художественной «культурности» создателей произведений искусства и её предметном воплощении. Не отрицая возможности такого подхода к анализу художественных явлений, заметим сразу, что в аспекте культурной политики подобного рода подходы непродуктивны.

В книге «Культурология. XX век» художественная культура определяется следующим образом: «...это одна из специализированных сфер культуры, функционально решающая задачи интеллектуально-чувственного отображения бытия в художественных образах, а также аспектов обеспечения этой деятельности» [9]. Не говоря уже о стилистической неряшливости данного определения, следует, вероятно, подчеркнуть, что и эта дефиниция плохо укладывается в схему социологического анализа.

В курсе по социологии культуры и в более ранних работах мы предлагали социологическое определение художественной культуры. Художественная культура есть «социальное бытие искусства» или «система производства, сохранения, распространения и потребления искусства в обществе» [21, с. 42]. При таком подходе каждый из основных блоков этой системы может быть соответствующим образом структурирован, а по отношению к каждому из этих структурных компонентов могут быть намечены основные контуры культурной политики различных уровней.

Термин «культурная политика» также несколько по-разному трактуется в рамках социокультурных исследований в зависимости от их цели. Так, А. Я. Флиер определяет культурную политику как «направление политики государства, связанное с планированием, проектированием, реализацией и обеспечением культурной жизни государства и общества» [18, с. 101], акцентируя внимание на том, что культурная политика есть комплекс мер, предпринимаемых государством на объективные потребности общества. Г. Е. Гун рассматривает культурную политику сквозь призму институционального подхода. Однако наиболее подходящим в рамках данного исследования, отвечающим его цели, нам представляется определение, данное С. Б. Синецким в монографии «Культурная политика XXI века: от прецедента Истории к проекту Будущего»: «Культурную политику можно определить как целенаправленную, перспективно (долгосрочно) ориентированную деятельность, обеспечивающую развитие общества (его

части) в рамках обоснованно отобранных и искусственно внедряемых культурных норм, пропагандируемых ценностей» [13, с. 73]. Данное определение является операциональным и позволяет не только установить векторы действия, но и оценить качество и интенсивность воздействия тех или иных норм и ценностей на аудиторию.

Методы и материалы

В современной постсоветской России сложилась полистилистика культура [по 7], чьи характеристики диаметрально противоположны моностилистика культуры советского общества: вместо иерархии стилей и жанров — признание их равнозначности, деканонизация, неупорядоченность, дезинтерграция (многообразие без единства), диверсификация, эзотеричность, культурный сепаратизм (существование «закрытых» локальных групп внутри общего потока, пропагандирующих своё видение художественной деятельности).

В рамках современной культуры уживаются, иногда противостоят различные культурные пласты. Одновременно существует «высокая» культура (классическое наследие и современная элитарная культура), «советская» культура как некая субкультура, «западная» культура преимущественно американского образца, совокупность иных субкультурных групп и субпоточных феноменов.

Поэтому единой культурной политикой применительно к полистилистика культуре быть не может. Однако государственная культурная политика на всех уровнях — от федерального до местного — должна отличаться при всех различиях местных условий известным единством и осознанной целевой направленностью. Применительно к художественной культуре это означает такой выбор приоритетов, который обеспечивает поддержку искусства (и всего, что связано с его функционированием и развитием), направленного на внедрение в жизнь общества общечеловеческих ценностей национальной культуры, сохранение культурного наследия и лучших народных традиций, укрепление российского государства как формы политической организации, обеспечивающей единство и целостность России, позитивные перспективы её развития.

Говоря о художественной культуре Южного Урала в контексте культурной политики, стоит упомянуть особые условия становления и развития культуры этого

региона. Бытующий даже в настоящее время тип культуры условно можно назвать «армейским». М. Я. Соболев, С. Б. Синецкий, С. С. Соковиков, В. А. Баскаков в рамках разработки программы развития культуры Южного Урала указывают на следующие принципиальные особенности населения региона:

1. «Несамостоятельность». «Практически полное отсутствие каких-либо прав в решении собственной судьбы неизбежно привело к тому, что в любой трудной ситуации житель области апеллирует к кому угодно, только не к самому себе. Чувство обреченности, отсутствие уверенности в своих силах — важная составляющая культуры жителей Челябинской области» [15, с. 21];
2. Отсутствие чувства Родины в контексте своей особой миссии. «Целенаправленное формирование представления об особой миссии уральцев по отношению к стране — “Урал — опорный край державы” — привело к девальвации идеи Малой Родины. Южный Урал в сознании жителей перестал являться самоценным, а воспринимался как ресурс страны, которым по каким-то высшим соображениям распоряжался кто-то «в центре», «наверху» и т. п. Таким образом, у большинства жителей было утрачено чувство хозяина. Хозяина своей Земли, своего Дела, своей Судьбы» [15, с. 21].
3. Отсутствие инициативы и критического отношения к происходящему при высоком уровне исполнительности. «В структуре южноуральской культуры предельно гипертрофирована такая, в принципе, положительная норма, как исполнительность. Как правило, любые решения как центральных органов, так и местной власти исполнялись, до последнего времени, практически без искажений, вне зависимости от их целесообразности. Отсутствуют традиции оценивания и конструктивной критики» [15, с. 21].
4. Отсутствие или неразвитость творческого мышления и творческих способностей. «Сама структура бытия южноуральцев являлась (и во многом является сегодня) проекцией организации промышленного производства, не допускающего отклонений от предписаний, инструкций, принятого распорядка и трудового ритма.

Отсутствие предпринимательского опыта вследствие долго существовавшей тотальной регламентации образа жизни не позволяет зачастую даже на уровне мышления выходить за рамки уже известных прецедентов и аналогов, генерировать нетривиальные идеи, самостоятельно принимать решения и обеспечивать их реализацию» [15, с. 22].

5. «Унификация, существующая на уровне мышления, деятельности, предметно-вещной среды. Фиксируется в ментальной и предметно-средовой схожести различных внутренних субрегиональных образований» [15, с. 22].

Как пишут авторы программы, подобный тип культуры является нежелательным в актуальной культурной ситуации провоцирует множество проблем, в том числе и в художественной культуре, которая по инерции воспринимается как «необязательная» надстройка. Чувствительность, эстетическое восприятие, художественный вкус при подобном типе культуры неизбежно оказываются сниженными, так как региональная культура не создаёт условий для надлежащего их формирования.

Ещё одна существенная особенность культуры Южно-Уральского региона — транзитный характер. Регион находится на пересечении двух миграционных потоков.

1. Часть населения наиболее одарённая, талантливая, интеллектуально продвинутая покидает регион ввиду фактической несформированности здесь надлежащих условий для развития. В данном контексте стоит ориентироваться на пример Перми, ставшей в последнее время одним из культурных центров нашей страны. Подобное положение было достигнуто в результате грамотной культурной политики местных властей, привлёкших в регион художественных деятелей из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Екатеринбурга, Челябинска и др.

2. В регион приезжают мигранты из Средней Азии, Казахстана. Так, в соответствии с данными статистики миграционной ситуации в Челябинской области на январь-июнь 2018 г., из стран СНГ в область прибыло 4593 человека, при этом из Украины и Беларуси — 465 человек. На первом месте по количеству мигрантов — Казахстан (2779 человек), на втором — Таджикистан (624 человека)¹. Отсутствие у них (в большинстве своём) надлежащего образования,

иные ориентиры и ценности заметно снижают общий культурный уровень населения.

Очевидно, что на художественную культуру региона влияет «отношение мигрантов к ценностям русской культуры, к изучению русского языка не только как к инструменту рабочего общения, но и как значимой духовной ценности». Также важно понять, «существует ли у мигрантов интерес к русской литературе — классической и современной — смотрят ли они передачи по телевизору на русском языке, если да, то какого рода и жанра эти передачи (общественно-политические, художественные, научно-популярные, спортивные и т. п.), посещают ли театры, концертные залы, спортивные мероприятия. Одним словом, вписываются ли в культурную жизнь по тем же примерно направлениям, которые свойственны коренному населению» [21, с. 292].

Министерство культуры Челябинской области проводит систематический мониторинг культурного пространства области с целью выявления и разработки приоритетов культурной политики применительно, с одной стороны, к ситуации во всей стране, а с другой — к региональным особенностям и художественным запросам населения, а также для оценки качества реализации государственной культурной политики в регионе.

В 2018 г. было проведено социологическое исследование, включавшее в себя массовый опрос населения. Опрос был направлен на выявление художественных предпочтений населения города и области. В табл. 1 представлены данные по распределению генеральной совокупности по демографическим признакам².

Таблица 1

Объём единиц генеральной совокупности

Пол	Всего	%
Мужской	373 320	43
Женский	479 378	57
ВСЕГО	852 698	100

Формула расчёта выборки³:

$$n = Z^2 N p q / (\Delta^2 N + Z p q),$$

где N — объём генеральной совокупности, n — объём выборки, p — доля единиц с данным значением признака (население мужского пола), q — доля единиц, в которых

² Там же.

³ Формирование модели квотной выборки для данного исследования соответствует условиям вероятностного отбора.

¹ Данные с сайта Челябинскстат за 2018 год. URL: chelstat.gks.ru.

этот признак отсутствует — $1 - p$ (население женского пола); Z — число, соответствующее критической отметке для стандартного нормального распределения, Δ — предельная ошибка выборки.

Таблица 2

Значения критических точек стандартного нормального распределения для различных уровней значимости¹

a	0,01	0,025	0,05	0,10	0,20	0,30
Z	2,32	1,96	1,64	1,28	0,84	0,52

При стандартном уровне значимости для массовых исследований $\alpha = 0,05$, $Z \sim 1,6$; Δ — предельная ошибка выборки; соответствует разнице между статистическим и реальным распределением. Для распределения генеральной совокупности по данному исследованию стандартно для массовых опросов Δ составляет не более 0,05.

$$n = (1,6 \times 1,6 \times 852\,698 \times 0,43 \times 0,57) / (0,05 \times 0,05 \times 852\,698 + 1,6 \times 1,6 \times 0,43 \times 0,57) \sim 535\,030 / 2131 + 0,63 \sim 250.$$

С учётом предельной ошибки отклонение от рассчитанной величины составляет максимум $250 \times 0,05 \sim 12$ человек. Общее количество единиц в выборочной совокупности $n = 25012$. Для удобства дальнейших расчётов возьмём $n = 250$.

Результаты

Обратимся к анализу результатов исследования. Для начала проанализируем демографические данные, а также сведения об образовании, сфере занятости и доходе респондентов.

Таблица 3

Пол	
Варианты ответа	Кол-во ответивших (%)
Мужской	43
Женский	57

Распределение по признаку пола дано в соответствии с приведёнными расчётами квот для выборочной совокупности.

Распределение по возрасту является неравномерным и анализируется по укрупнённым группам (15—29 — молодёжь (27 %), 30—59 — зрелое население (55 %), старше

¹ Данные таблицы приведены по: Рабочая книга социолога / под ред. Г. В. Осипова. М.: Наука, 1983. 289 с.

60 — пожилые люди (18 %)). Подобное распределение связано с тем, что наиболее активным заказчиком и потребителем художественных услуг является именно активно трудящееся население.

Таблица 4

Возраст

Варианты ответа	Кол-во ответивших (%)
15—17 лет	2
18—29 лет	25
30—39 лет	19
40—49 лет	12
50—59 лет	24
60—69 лет	13
старше 70	5

Таблица 5

Образование

Варианты ответа	Кол-во ответивших (%)
Наличие ученой степени и/или звания	3
Высшее	62
Среднее профессиональное (техникум, колледж, училище)	21
Среднее полное (11 классов)	12
Среднее общее (9 классов)	2
Менее 9 классов	—

Как видно из табл. 5, фактически $\frac{2}{3}$ опрошенных (65 %) имеют высшее образование, среди которых есть даже обладатели учёной степени. $\frac{1}{5}$ часть респондентов имеют среднее профессиональное образование. 14 % респондентов (что немало в контексте выявления общего культурного уровня) имеют либо среднее полное, либо среднее общее образование.

Таблица 6

Род занятий

Варианты ответа	Кол-во ответивших (%)
Первый руководитель или его заместитель	4
Руководитель среднего звена	9
Государственный (муниципальный) служащий	14
Специалист	28
Персонал	12
Школьник	1
Студент	14
Аспирант	3
Безработный	2
Пенсионер	13

Разнообразна сфера занятости опрошенных. 28 % респондентов — специалисты, занятые в различных сферах деятельности, в том числе в сфере образования и художественных услуг. 14 % — занятых на государственной службе, 13 % — руководителей различного уровня, 17 % опрошенных — обучающиеся в высших и средних учебных заведениях, 13 % респондентов — пенсионеры.

Таблица 7

Среднемесячный доход

Варианты ответа	Кол-во ответивших (%)
Менее 30 тысяч рублей	62
Более 30 тысяч рублей	33
Нет доходов	5

Значимой в том числе и при оценке способности покупательской способности населения в сфере художественных услуг является категория дохода. Очевидно, что около 2/3 опрошенных имеют доход менее 30 000 тысяч рублей, что, вероятно, предполагает отсутствие «свободных» денег, которые можно было бы потратить на посещение театра, концертного зала и др. Однако лишь 27 % опрошенных в дальнейшем отмечают в качестве причины, мешающей посещать культурные мероприятия, их высокую стоимость. Соответственно, можно предположить, что в данном вопросе экономические меры по обеспечению доступности художественных услуг различным слоям населения можно считать относительно успешными.

Далее мы обратимся к содержательному анализу структуры художественной культуры, по отношению к которой государственная культурная политика, естественно, модифицируется, принимает разные формы, использует разные методы применительно к каждому из структурных элементов художественной культуры. Перечислим эти элементы, образующие структуру художественной культуры:

- совокупность художественных ценностей;
- художники;
- система художественного образования, воспитания и обучения;
- учреждения искусства;
- учреждения и организации культурно-досуговой деятельности;
- творческие союзы и объединения;
- учреждения и организации торговли и реализации художественных услуг;
- предприятия и организации, создающие материальную базу художественной культуры;

- литературно-художественная критика;
- науки об искусстве;
- потребители искусства.

Рассмотрим некоторые более подробно со ссылкой на региональный контекст.

Искусство как совокупность художественных ценностей, созданных и накопленных обществом, является ядром художественной культуры. Задача культурной — способствовать сохранению и распространению тех его ценностей, которые содействуют нравственному здоровью населения, высокой духовной наполненности его жизни. Кроме материальной стороны государственного стимулирования (прямого финансирования учреждений культуры, где хранятся и демонстрируются произведения такого рода, налоговых льгот и дотаций учреждениям, издающим классику и народное искусство и пропагандирующим их, поддержки спонсорства и меценатства) должна быть разработана на уровне региона система иных мер, формирующих позитивное отношение населения страны к художественному наследию.

Определить ценностный компонент в рамках опроса представляется довольно сложным. Однако косвенно он проявляется в оценке респондентами культурного уровня жителей региона (под культурным уровнем мы здесь понимаем в том числе и степень освоения обществом культурных ценностей предшествующих поколений [по 12]) и в формах проведения свободного времени.

Таблица 8

Оценка респондентами культурного уровня жителей региона

Варианты ответа	Кол-во ответивших (%)
Очень высокий	—
Высокий	19
Средний	67
Низкий	12
Очень низкий	—
Не могу оценить	2

Как видно из табл. 8, подавляющее большинство опрошенных оценили культурный уровень населения области как «средний». Лишь каждый пятый считает данный уровень «высоким». Противоположное мнение имеют 12 % опрошенных (примечательно однако то, что среди выбравших данный вариант ответа почти никто не знаком с деятельностью учреждений культуры города и области). Подобная оценка также свидетельствует об относительной успешности

(по сравнению с началом 2000-х гг.) принимаемых мер по развитию и поддержке художественной культуры региона.

Таблица 9

Проведение досуга

Варианты ответа	Кол-во ответивших (%)
Смотрите телевизор	38
Используете персональный компьютер, ноутбук, планшет	49
Гуляете по улице, выезжаете на природу	41
Читаете книги, периодическую литературу	36
Посещаете учреждения культуры и искусства (театры, музеи, филармонии и т. д.)	27
Другое	11

В числе иных ответов наиболее популярными были: сию дома, веду домашнее хозяйство, занимаюсь садом и огородом, занимаюсь спортом, путешествую. Наиболее редкие ответы: занимаюсь художественной самодеятельностью (хожу в хор, творческую студию) и слушаю радио. Можно видеть, что, несмотря на разнообразие форм досуга, большая часть респондентов выбирает индивидуальный пассивный досуг (около 50 %). Примерно одинаковое количество опрошенных проводят время за телевизором и за книгой (38 и 36 % соответственно). Около четверти опрошенных (27 %) посещают учреждения культуры и искусства — театры, музеи, библиотеки, концертные залы, парки.

Главное назначение институтов культуры и искусства — быть институциональной основой производства и распространения художественных ценностей. В современных условиях нет ни жёсткой (как в советское время) регламентации их деятельности, ни признанной иерархии. Имеется целый ряд учреждений искусства, финансирующихся за счёт частного капитала, не подведомственных ни одной из государственных или муниципальных структур. Так, например, существует крупнейший в России частный музей современного искусства «Эрарта» (Санкт-Петербург), «Коляда-театр» (г. Екатеринбург) и другие. В Челябинске подобных учреждений фактически нет. Исключение составляет, например, «A Table Gallery» — галерея современного искусства, только начинающая свою деятельность в городе.

Какие же учреждения искусства наиболее популярны в Челябинской области?

Таблица 10

Посещение учреждений культуры и искусства

Варианты ответа	Кол-во ответивших (%)
Библиотеки	17
Театры	53
Музеи	30
Парки культуры	33
Другое	20

Дополнительно респонденты называли концертные залы (зал камерной и органной музыки и концертный зал им. С. С. Прокофьева), дворцы культуры (в частности, ДК Железнодорожников), места культурного и исторического значения, цирк.

Как можно видеть из таблицы, наибольшей популярностью пользуются театры (более 50 % опрошенных). Однако и иные учреждения искусства так или иначе пользуются спросом у жителей области.

Культурная политика по отношению к учреждениям искусства, которые не находятся в прямом ведомстве государства, заключается, во-первых, в контроле за соблюдением российского законодательства (налогообложение, трудовой кодекс, а также недопущение пропаганды насилия, расовой и национальной вражды), во-вторых, участие при выдаче лицензий на соответствующую деятельность, в-третьих, в принятии решения о формах поддержки тех или иных учреждений, в-четвёртых, возможно, в принятии управленческих решений, касающихся материально-финансовых оснований их деятельности, подбора кадров и пр.

Ещё один элемент структуры художественной культуры — учреждения и организации культурно-досуговой деятельности. Их функции одновременно и уже, и шире, чем у учреждений искусства, ибо они занимаются не только художественной деятельностью, хотя спектр этой деятельности менее богат и разнообразен, а качество, как правило, ниже. Одно из преимуществ культурно-досуговых учреждений заключается в том, что они не только производят и распространяют искусство, но и вовлекают в художественно-творческую деятельность миллионы людей, профессионально искусством не занимающихся.

В опросе мы акцентировали внимание на одном из видов подобных учреждений — кинотеатре. Кинотеатры посещают более половины опрошенных (55 %).

Таблица 11

**Предпочтения
при посещении кинотеатров¹**

Варианты ответа	Кол-во ответивших (%)
Отечественным фильмам	20
Зарубежным фильмам	33
Специальных предпочтений нет	33
Затрудняюсь ответить	5

При этом, как видно из табл. 11, треть опрошенных не имеют специальных предпочтений, треть отдаёт предпочтение зарубежным фильмам, пятая часть — фильмам отечественного производства.

Если мы будем говорить о принципах культурной политики по отношению к культурно-досуговым учреждениям и другим оргструктурам культурно-досугового характера (кинотеатры, клубы, торгово-развлекательные центры), то можно отметить, что принципы эти подобны тем, которые мы указывали применительно к социокультурным институтам искусства, хотя здесь есть свои проблемы. Коммерческие организации зачастую не стремятся поддерживать высокий культурный уровень выносимого на публику продукта, идут на поводу у массового спроса и «нередко становятся рассадниками пошлости, дурного вкуса, местом сосредоточения наркомании, криминала, проституции и прямого обмана» [22, с. 51]. Следовательно, регулирование культурного процесса в этих учреждениях — прямая задача культурной политики. Одна из успешно реализованных мер такого рода — запрет на распитие спиртных напитков в общественных местах.

Один из самых значимых структурных элементов художественной культуры — реципиент или потребитель искусства. Здесь речь может идти как обо всём населении страны, так и о жителях отдельного региона, но в одном качестве: с точки зрения их участия в завершающем этапе художественного процесса. Именно для него и создаётся искусство, именно его отношение определяет судьбу художественного произведения, его успех или провал. Произведение искусства рождается дважды: первый раз как реализованный замысел художника, второй раз (и только в этот момент оно становится подлинно произведением искусства) — когда представлено публике.

Большинство современных россиян интенсивно общаются с искусством, которое

¹ Процент считается от количества опрошенных, а не ответивших на данный вопрос.

вошло в повседневность, контактируют с ним чуть ли не ежедневно. Другое дело, какое искусство они потребляют, каковы их художественные вкусы и запросы.

Таблица 12

**Отслеживание
культурных событий региона**

Варианты ответа	Кол-во ответивших (%)
Да, систематически	18
Да, от случая к случаю	34
Нет, о подобных событиях узнаю случайно	33
Нет, не интересуюсь такими событиями	15

Мы видим, что систематически следят за значимыми культурными событиями региона 18 % респондентов, при этом почти столько же (15 %) подобными событиями не интересуются. Интерес почти 70 % респондентов к культурной жизни города носит характер случайный.

Таблица 13

**Частота посещения
культурных мероприятий**

Варианты ответа	Кол-во ответивших (%)
Несколько раз в неделю	0,5
1 раз в неделю	8
1 раз в месяц	34
1 раз в год	39
Не посещаю	18,5

Встречались уточнения: посещаю очень редко (реже 1 раза в год) и посещаю 2—3 раза в год.

Очевидно, что посещение культурных мероприятий не входит в круг предпочтений фактически 60 % респондентов, что в целом, конечно, должно негативно сказаться на общем уровне культуры населения, оттягивая их временные и финансовые ресурсы в сферу домашнего пассивного досуга и потребления художественных услуг невысокого качества. Треть респондентов бывают в подобных учреждениях (или на культурных мероприятиях) раз в месяц, и около $\frac{1}{10}$ опрошенных посещают те или иные культурные события каждую неделю.

В качестве альтернативных предложенным видам культурных мероприятий респондентами предлагались: походы в кино, посещения концертов ансамблей народного танца, балета, цирка, участие в праздновании дня города, экскурсии в культурно

значимые места, встречи с интересными людьми.

Таблица 14

Виды культурных мероприятий

Варианты ответа	Кол-во ответивших (%)
Презентации	13
Выставки	33
Концерты классической музыки	39
Концерты эстрадной музыки	22
Спектакли	48,5
Все безразлично	13
Другое	20,5

При сопоставлении данных табл. 14 с данными табл. 13 можно предположить, что даже у тех жителей, которые не являются всегда участниками учреждений искусства наблюдается интерес к театральным событиям (предположительно, гастролям) — 48,5 % респондентов, и концертам классической музыки (что, вероятно, связано с относительно большим количеством крупных фестивалей, проводимых в области — «Денис Мацуев представляет...», «Дни И.-С. Баха на Южном Урале», «Фестиваль духовной музыки» и др.) — 39 % опрошенных.

Таблица 15

Цель посещения культурных мероприятий

Варианты ответа	Кол-во ответивших (%)
Повысить свой культурный уровень	32
Интересно провести время	51
Познакомиться с новыми людьми	11
Другие цели	25

В качестве других целей посещения культурных мероприятий респонденты указывали чаще всего: расслабиться, отдохнуть; получить эмоциональное удовольствие, окунуться в мир прекрасного. Достаточно частым был вариант «быть в курсе культурных событий», «знать о новых тенденциях в развитии искусства», «осуществить профессиональный обмен». Некоторые респонденты обозначали, что посещение культурных мероприятий для них — повод выйти из дома. Также значительная часть респондентов, выбравшая вариант «другие цели», указывала на отсутствие цели как таковой.

Данные табл. 15 подтверждают результаты ранее проведённых социологических

исследований и анализа художественной практики. Среднестатистический житель России ориентирован прежде всего на развлекательное искусство (51 % опрошенных). Однако треть респондентов воспринимают обращение к искусству как возможность повысить свой культурный уровень.

Таблица 16

Причины, мешающие посещать культурные мероприятия

Варианты ответа	Кол-во ответивших (%)
Высокая стоимость участия в мероприятии	27
Недостаток информации о мероприятиях	12
Отсутствие свободного времени	33
Нежелание посещать мероприятия одному	12
Другое	27

Наиболее частый ответ, предложенный респондентами самостоятельно, — нет таких причин, ничего не мешает посещать культурные мероприятия. Однако также респонденты указывают на отсутствие разнообразия мероприятий, иные интересы (охота, рыбалка, спорт). Немаловажная причина, мешающая посещать культурные мероприятия, — проблемы со здоровьем.

Таблица 17

Удовлетворённость качеством культурных мероприятий

Варианты ответа	Кол-во ответивших (%)
Да	21
Скорее да, чем нет	54
Скорее нет, чем да	11
Нет	—
Затрудняюсь ответить	13

В целом можно сказать, что жители Челябинской области удовлетворены качеством культурных мероприятий (75 %). 11 % опрошенных хотели бы улучшить их качество (однако однозначного отрицательного ответа не дал ни один из респондентов) и 13 % респондентов затрудняются оценить качество предоставляемых художественных услуг.

Обсуждение

Рассуждая о перспективах развития художественной культуры региона в контексте

культурной политики, мы можем предположить два варианта дальнейшего развёртывания событий. Первый вариант — при отсутствии творческой инициативы населения и грамотной стратегии руководителей, в условиях постоянного оттока ценных кадров в столичные города и притока населения с невысокими художественными запросами художественная культура Южного Урала, ориентируясь на запросы публики, сосредоточится на реализации в первую очередь досугово-развлекательной функции с неизбежными потерями ценностно-смыслового наполнения. В этом случае снижение культурного уровня гарантировано, и роль культурной политики в данном ключе сведётся к опосредованному контролю за соблюдением формальных законов без оценки содержания.

Второй вариант — при разработке стратегии возвышающего развития художественной культуры региона, при целенаправленной адаптации ценностей и культурных норм, соответствующих сложным запросам, при создании репертуарного ядра качественных художественных произведений, способного устоять в условиях транзита и не поддающегося разрушающему воздействию постоянно меняющихся экономических условий, художественная культура Южного Урала, значительно преобразившаяся за последние 25 лет, получит возможность самобытного самоопределения, создания интеллектуально-ориентированного художественного пространства [по 14].

Заключение

Сейчас мы можем отметить, что культурные запросы у жителей Челябинской области находятся в стадии активного изменения. Последовательно осуществляемая научно обоснованная и последовательно осуществляемая государственная политика в сфере художественной культуры непременно преопределит не только спрос на те или иные виды художественной продукции, но повлияет на общий культурно-интеллектуальный облик региона.

1. Большаков В. П. Культура как форма человечности : учеб. пособие. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Bolsch/04.php (дата обращения: 17.09.2018).

2. Гун Г. Е. Концептуальные основы культурной политики для городов // Теория и

практика общественного развития. 2014. № 16. С. 265—267.

3. Гун Г. Е. Художественная культура как система // Преподаватель XXI век. 2011. № 3. С. 351—358.

4. Дёмин И. О. Статика и динамика культуры // Аналитика культурологии. URL: <http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/851-19-3.html> (дата обращения: 17.09.2018).

5. Динамика и статика культуры // Культурология : кр. темат. слов. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Dict_Tem/04.php (дата обращения: 17.09.2018).

6. Зубанова Л. Б., Точилкина А. С. Художественная культура региона. Опыт социологического мониторинга на Южном Урале // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 348—353.

7. Ионин Л. Г. Социология культуры : учеб. пособие для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. 427 с.

8. Кравченко А. И. Культурология : учеб. пособие для вузов. 3-е изд. М. : Академ. проект. 2002. 496 с.

9. Культурология. XX век : энциклопедия : в 2 т. Т. 2. URL: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Dict_Index.php (дата обращения: 17.09.2018).

10. Лавринова Н. Н. Культурная политика. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kulturnaya-politika> (дата обращения: 22.09.2018).

11. Орлова Э. А. Социальная и культурная антропология. М. : Академ. проект, 2004. 480 с.

12. Полищук В. И.. Культурология : учеб. пособие. М. : Гардарики. 1999. 446 с.

13. Синецкий С. Б. Культурная политика XXI века: от прецедента истории к проекту будущего : монография. Челябинск : Энциклопедия, 2011. 288 с.

14. Синецкий С. Б. Искусство и интеллектуализация общества: новый старый смысл культурной политики (окончание) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 4 (40). С. 46—50.

15. Соболев М. Я., Баскаков В. А., Соколов С. С., Синецкий С. Б. Материалы к формированию концепции развития культуры Челябинской области // Ориентиры культурной политики. Вып. 1. Концептуальные основы разработки региональных программ и проектов сохранения и развития культуры (на материалах Челябинской области). Челябинск : ГУКИ, 1996. С. 21—36.

16. Теория культуры / под ред. С. Н. Иконниковой и В. П. Большакова. СПб. : Питер. 2008. 592 с.

17. Флиер А. Я. Варианты культурной политики и стратегии межкультурных взаимодействий // Вестник МГУКИ. 2016. № 5 (73). С. 10—18.

18. Флиер А. Я. Культурная политика // Культурология для культурологов : учеб. пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. М. : Академ. проект 2000. С. 101—102.

19. Флиер А. Я. Культурно-политологическое исследование: о новой культурной политике в России // Культурология для культурологов : учеб. пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. М. : Академ. проект, 2000. С. 186—194.

20. Флиер А. Я. Фундаментальная культурология: актуальные направления исследований // Вестник МГУКИ. 2013. № 3 (53). С. 48—51.

21. Цукерман В. С. Массовая миграция в России как объект социокультурного анализа // Культура — Искусство — Образование: научные поиски и практические решения : сб. материалов XXXVI науч.-практ. конф. ППС академии. Челябинск, 2015. С. 289—293.

22. Цукерман В. С. Художественная культура в аспекте культурной политики: из работ прошлых лет. Челябинск, 2007. С. 41—56.

Reference

1. Bolshakov V.P. Kultura kak forma chelovechnost. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Bolsch/04.php, accessed 17.09.2018. [in Rus].

2. Gun G. E. (2014) *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 16, pp. 265—267 [in Rus].

3. Gun G. E. (2011) *Prepodavatel XXI vek*, no. 3, pp. 351—358 [in Rus].

4. Demin I. O. Statika i dinamikakultury. Available at: <http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/851-19-3.html>, accessed 17.09.2018 [in Rus].

5. Dinamika i statika kultury. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Dict_Tem/04.php, accessed 17.09.2018 [in Rus].

6. Zubanova L.B., Tochilkina A.S. (2015) *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*, no. 5, pp. 348—353 [in Rus].

7. Ionin L.G. (2004) *Sotsiologiya kultury*. Moscow, Izdatelskiy dom GU VShE, 427 p. [in Rus].

8. Kravchenko A.I. (2002) *Kulturologiya*:. Moscow, Akademicheskij proyekt, 496 p. [in Rus].

9. *Kulturologiya. XX vek* (1997). Available at: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Dict_Index.php, accessed 17.09.2018 [in Rus].

10. Lavrinova N. N. *Kulturnaya politika*. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/kulturnaya-politika>, accessed 22.09.2018 [in Rus].

11. Orlova E.A. (2004) *Sotsialnaya i kulturnaya antropologiya*. Moscow, Akademicheskij proyekt, 480 p. [in Rus].

12. Polishchuk V.I. (1999) *Kulturologiya*. Moscow, Gardariki, 446 p. [in Rus].

13. Sinetskiy S.B. (2011) *Kulturnaya politika XXI veka: ot pretsedenta istorii k projektu budushchego*. Chelyabinsk, Entsiklopediya, 288 p. [in Rus].

14. Sinetskiy S.B. (2014) *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kultury i iskusstv*, no. 4 (40), pp. 46—50 [in Rus].

15. Sobol M.Ya., Baskakov V.A., Sokovikov S.S., Sinetskiy S.B. (1996) *Kontseptualnye osnovy razrabotki regionalnykh program i projektov sokhraneniya i razvitiya kultury (namaterialakh Chelyabinskoy oblasti)*. Iss. 1. Chelyabinsk, GUKI, pp. 21—36 [in Rus].

16. *Teoriya kultury* (2008). Sankt-Peterburg, Piter, 592 p. [in Rus].

17. Fliyer A.Ya. (2016) *Vestnik MGUKI*, no. 5 (73), pp. 10—18 [in Rus].

18. Fliyer A. Ya. (2000) *Kulturnaya politika*. Moscow, Akademicheskij proyekt, pp. 101—102 [in Rus].

19. Fliyer A.Ya. (2000) *Kulturno-politologicheskoye issledovaniye: o novoy kulturnoy politike v Rossii*. Moscow, Akademicheskij proyekt, pp. 186—194 [in Rus].

20. Fliyer A.Ya. (2013) *Vestnik MGUKI*, no. 3 (53), pp. 46—51 [in Rus].

21. Tsukerman V.S. (2015) *Massovaya migratsiya v Rossii kak obyekt sotsiokulturnogo analiza*. Chelyabinsk, pp. 289—293 [in Rus].

22. Tsukerman V.S. (2007) *Khudozhestvennaya kultura v aspekte kulturnoy politiki*. Chelyabinsk, pp. 41—56 [in Rus].

For citing: Zukerman V.S., Pavlova A. Yu.
Artistic culture and cultural policy:
regional review //
Socium i vlast'. 2018. № 5 (73). P. 109—120.

UDC 008

ARTISTIC CULTURE AND CULTURAL POLICY: REGIONAL REVIEW

Vladimir S. Zukerman,

Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts,
Professor of the Department Chair
of Cultural Studies and Sociology,
Doctor of Philosophy, Professor,
Full member of the International Academy
of Informatization, Honored Worker of Culture
of the Russian Federation,
The Russian Federation, 454091,
Chelyabinsk, ulitsa Ordzhonikidze, 36a.
E-mail: zucker@kanzbu.ru

Aleksandra Yu. Pavlova,

Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts,
Associate Professor of the Department Chair
of Cultural Studies and Sociology,
Cand.Sc. (Cultural Studies),
The Russian Federation, 454091,
Chelyabinsk, ulitsa Ordzhonikidze, 36a.
E-mail: astra861@rambler.ru

Annotation

Introduction. This paper is devoted to analysing some elements of the structure of artistic culture, such as artistic values, institutions of art, institutions and organizations of cultural and leisure activities, the public, in the aspect of cultural policy. In addition, an attempt to determine the directions of cultural policy for the Chelyabinsk region was made.

The aim of the work is to identify and develop priorities in the field of artistic culture with regard, on the one hand, to the cultural policy of the whole country, and on the other hand to regional characteristics and artistic needs of the population, as well as assessing the quality of the implementation of state cultural policy in the region.

Methods. In addition to analyzing the methodological base, analyzing documents and statistical sources, the study included a mass survey of the population, initiated by the Ministry of Culture of Chelyabinsk Region and the analysis of its results. The survey was aimed at identifying the artistic preferences of the population of the city and region and assessing the quality of the implementation of the state cultural policy.

Scientific novelty of the study. As part of this study, the main characteristics of culture of the population of the region were listed, an actual cultural review of the artistic needs of the population was made, and options for the development of artistic culture in the Southern Urals were proposed.

Results. The results of the study show the relative effectiveness of cultural policy in the field of maintaining the availability of cultural services for the population, but the problematic areas are the development of certain norms and the formation of the population's need for such services.

Conclusions. Cultural requests of the residents of Chelyabinsk region are in the process of active change. And a scientifically based and consistently implemented cultural policy in relation to artistic culture will make it possible to determine the main directions of work.

Key concepts:
artistic culture,
cultural policy,
culture of the region.

Для цитирования: Палецких Н. П. Семейно-бытовые аспекты тыловой повседневности: на материалах Урала периода Великой Отечественной войны // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 121—129.

УДК 94(47).084.8 (1-072)

СЕМЕЙНО-БЫТОВЫЕ АСПЕКТЫ ТЫЛОВОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛА ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Палецких Надежда Петровна,

Государственный исторический музей
Южного Урала, заведующий сектором
«От великих потрясений к Великой Победе»
отдела «Россия — моя история»,
доктор исторических наук,
Российская Федерация, 454000,
г. Челябинск, ул. Труда, 100.
E-mail: palenad@mail.ru

Аннотация

В статье впервые в региональной историографии предпринята попытка специального исследования отдельных семейно-бытовых аспектов повседневной жизни населения Урала в годы Великой Отечественной войны. Теоретической основой работы послужила гипотеза о мобилизационном характере советского общества периода Великой Отечественной войны. Источниковую базу исследования составили документы, выявленные в уральских архивах, сведения, опубликованные в научной литературе, эго-материалы. На конкретно-историческом материале Большого Урала (5 областей и 2 автономных республик) показано разделение семей на полные и неполные, в том числе дистантные, местные и эвакуированные. Рассмотрено влияние на структуру семьи и внутрисемейные роли гендерного дисбаланса в составе уральского населения, а также массового вовлечения женщин в систему военной экономики. Охарактеризованы меры социальной помощи детскому населению. Проанализированы формы государственной помощи семьям военнослужащих, описаны самообеспечивающие семейно-бытовые практики. Показано преломление семейно-брачной реформы 1944—1945 гг. в уральской повседневности. Проведенное исследование позволило сделать главный вывод: несмотря на неблагоприятные условия существования семьи в годы войны, она как социальный институт не была разрушена и продолжала выполнять свои функции.

Ключевые понятия:

тыловая повседневность,
семейно-бытовые практики,
Урал,
Великая Отечественная война.

Комплекс внешних и внутренних обстоятельств и факторов современного развития России актуализирует тематику истории Великой Отечественной войны, истоков Победы в ней, делает особенно важной научную разработку всех вопросов, связанных с категориями «советское общество», «советский народ», «советский человек». Трудными поколениями отечественных ученых создана объемная картина жизни советского тыла, его всемерной помощи фронту ради общей Победы. Панорама героического подвига населения Урала раскрывается в значительном числе научных работ разного формата, посвященных социальной истории региона [12]. В постсоветский период уральская историография обогатилась новыми исследовательскими направлениями. В частности, трудами Г. Е. Корнилова [6; 7] было положено начало серии работ историко-демографического спектра [1; 4; 18; 19]. Появились диссертации, отразившие через обращение к бытовой сфере наряду с социально-демографическими и социально-политическими характеристиками отдельные антропологические смыслы тыловой повседневности на Урале [2; 17]. Вопросы демографической политики и ее претворения в социальной реальности так или иначе поднимались в публикациях по социальной политике, гражданскому здравоохранению, по проблемам приема и обустройства эвакуанного населения [10; 11; 13; 14; 16; 20].

Анализ демографических процессов, бытовой повседневности, социальных ресурсов с неизбежностью побуждает исследователей затрагивать вопросы семейной политики, брачно-семейных отношений и освещать их в качестве попутных сюжетов. На общероссийском уровне проблема семьи как пространства частной жизни советского человека военной поры впервые была комплексно представлена в монографии Е. Ф. Кринко, И. Г. Тажидиновой, Т. П. Хлыниной. Авторы выделили два крупных блока в рассмотрении этой темы: государственное регулирование брачно-семейных отношений и их динамика в годы войны, специфика внутрисемейных взаимоотношений в условиях военного времени [9]. Из уральских авторов следует назвать Е. А. Чайко [23; 24], в диссертации которой на локальном материале двух районов Челябинской области анализировались брачно-семейные отношения населения в 1920—1950 гг. Небольшая статья, посвященная одной из сторон семейно-родственных отношений — переписке фронтовиков с родными в Оренбуржье, была опубликована

Р. Р. Хисамутдиновой [22]. Других уральских работ, специально освещающих тему бытования семьи в годы войны, не обнаружено.

Автор предлагаемого ниже сообщения, не претендуя на полноценное освещение проблемы, свою задачу усматривает в том, чтобы, опираясь на указанные историографические ресурсы и привлекая разные виды источников, кратко рассмотреть преломление социальной и демографической политики государства в повседневных семейно-бытовых практиках уральского населения периода Великой Отечественной войны.

Семья, будучи малой социальной общностью, основанной на браке и кровном родстве, удовлетворяет насущные человеческие потребности, выполняет важнейшие функции: репродуктивную, хозяйственную, воспитательную, досуговую и др. Война стала суровым испытанием на прочность всех социальных институтов советского общества, в том числе брака и семьи. Архивные документы и мемуарные источники свидетельствуют о массовом предощущении грядущих утрат и лишений, охватившем в первые дни войны женскую часть уральского населения. Крупномасштабные воинские мобилизации июня и августа 1941 г., под которые попадали мужчины 1890—1918 гг. рождения, привели к резкому гендерному дисбалансу в составе тылового населения, прежде всего сельского. По данным В. А. Исупова, уже к концу 1941 г. районы Урала «отдали» в армию более 65 % мужчин в возрасте 18—45 лет [3, с. 11]. Этот демографический факт в совокупности с эвакуационным процессом и общим ухудшением социальной реальности предопределил негативную направленность в динамике основных показателей естественного движения населения в регионе: брачности, рождаемости, смертности.

Подробная характеристика трансформации этих показателей на Урале была дана в монографии Г. Е. Корнилова [7, с. 43—102]. Опубликованная им статистика позволяет говорить о том, что важным признаком социально-демографической ситуации на Урале военных лет стали структурные изменения семьи как первичной ячейки общества, в которой традиционные формы ее организации (супружество, отцовство, материнство), соединявшие разные поколения, подвергались разъединению и дроблению. Семьи становились неполными (при постоянном отсутствии родителя-кормильца) и дистантными (при временном отсутствии членов семьи, сохранявших родственные связи с семьей). В полных семьях, несмотря на самостоятельный заработок женщин и их

участие в пополнении семейного бюджета, сохранялся главенствующий статус мужа. В неполных и дистантных семьях в условиях гендерно-возрастной диспропорции роль фактического главы перешла к женщинам и старшим детям. На них легло тройное бремя: забота об оставшихся членах семьи, домашнее хозяйство, участие в общественном производстве.

Обращение к источникам личного происхождения, в частности к семейной переписке военных лет, убеждает в том, что фронтовики, находясь далеко от дома, не забывали о своих семейных обязанностях, старались морально поддерживать свои семьи, стремились быть в курсе их событий, заботились о родителях, давали советы женам, воспитывали своих детей, братьев и сестер. Тяга к сплочению разделенной между фронтом и тылом семьи была обоюдной. *«Переписка с родными людьми, воспоминания о родном доме как ничто другое эмоционально поддерживали красноармейцев, добавляли им стойкости. В свою очередь материальная и моральная помощь, которая поступала со стороны военнослужащих в семьи, имела порой первостепенное значение для их нормального существования»* [9, с. 131].

Война разделила семьи и по признаку «местные — эвакуированные». При этом многие прибывшие по эвакуации семьи рабочих и служащих фактически оказались в положении временно разъединенных, так как жилой фонд уральских городов и рабочих поселков лимитировал размещение всех приезжих, особенно в первый год войны. Характерно решение властей Молотовской области от 9 октября 1941 г. о расселении рабочих эвакуированных заводов: вторых членов прибывающих семей разместить временно в сельской местности на 1,5—2 месяца, а прочим родственникам — «на постоянно». Семьи смогли воссоединиться лишь по мере того, как на предприятиях разворачивалось строительство упрощенного жилья (землянок и барачков) и передавались под жилье нежилые помещения. В середине войны первый секретарь Молотовского обкома ВКП(б) Н. И. Гусаров отмечал, что сотни рабочих семей живут в сырых и холодных подвалах, наспех приспособленных под жилье¹. Жилищная ситуация в деревне для эвакуантов населения, судя по всему, зависела прежде всего от степени уплотнения заселенности деревенских изб, но и тут имелись случаи

¹ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 38. Л. 149; Оп. 9. Д. 3. Л. 80.

использования нежилых помещений (надворных построек, бань, теплушек, конных дворов).

В силу военно-оборонной необходимости женщины были максимально вовлечены во все отрасли народного хозяйства. На смену трудовому добровольчеству домохозяйек начальных месяцев войны пришла трудовая мобилизация женщин, в том числе имевших малолетних детей, в промышленность и строительство, на транспорт, на сезонные сельскохозяйственные работы. С предельной остротой встал вопрос о детских дошкольных учреждениях. Развитие их сети в городах шло за счет перегрузки имевшихся детсадов и яслей, перевода на круглосуточный режим работы. Из-за отсутствия мест или закрытия учреждения матери либо не могли выйти на работу, либо вынуждены были брать малышей с собой в заводские цеха, как, например, на Шадринском металлзаводе¹. Общесоюзным стандартом промышленной санитарии того времени² предусматривалось наличие на предприятиях помещений для кормления грудных детей, но в условиях войны такие помещения на уральских заводах отсутствовали или использовались не по назначению. Появились «ясли на дому»: дети, зачисленные в стационарные учреждения, получали от них питание и медицинское наблюдение, но находились дома под присмотром нетрудоспособных родственников или соседей. Имелись и неформальные ясли и сады, когда пожилым родным и знакомым матери поручали уход за группами детей.

В сельской местности стационарных постоянных дошкольных учреждений было немного. Устроить в них всех нуждающихся было невозможно. При некоторых школах открывали «детские комнаты» для малолетних братьев и сестер учащихся, которые таким образом получали возможность продолжать учебу³. В период страды действовали передвижные ясли, то есть на время кормления грудных детей привозили к матерям на поле, а кое-где ясли устраивались прямо в полевых станах⁴. Практика создания сезонных учреждений расширилась. В Башкирии, Молотовской и Чкаловской областях в 1943 г. их открылось на 39,4 % больше,

чем в 1940 г. Это позволило на 41,3 % увеличить прием детей⁵.

Устройство малолетних детей в дошкольные учреждения, борьба за всеобщий составляли важнейшую часть решения общегосударственных задач по спасению советской семьи от пагубных последствий войны. В то же время избежать такого явления, как массовое беспризорничество, в тех условиях было невозможно. В глубоком тылу — на Урале — дети оставались без надзора и попечения в силу трудовой занятости родственников, сокращения занятий в школах до 2,5—3 часов в день. В Свердловской области летом 1944 г. более половины прошедших через детские приемники милиции безнадзорных и беспризорных детей в возрасте от 3 до 15 лет имели родителей. Дети лишались семейного присмотра из-за смерти или арестов взрослых членов семьи.

Война как общая беда, борьба за спасение Отечества вместе с тем для каждой семьи означала ее борьбу за самосохранение. При всеобщности низких потребительских стандартов возможности материально-бытового обеспечения у семей были разными. На особые трудности выживания были обречены заведомо неполные местные и эвакуированные семьи фронтовиков. Прагматика социальной политики воюющего государства диктовала необходимость приоритетной социальной защиты семей военнослужащих, всесторонней помощи им. Газета «Правда» в передовой статье 5 июля 1941 г. заверяла фронтовиков: *«Не беспокойтесь о своих женах и детях, отцах и матерях. Сражайтесь смело, родные, славные сыны Советской страны. Весь народ, каждый советский человек отвечает перед вами, дорогие товарищи, за спокойствие, благополучие ваших семей»*. Обобщенные нами материалы по Уралу свидетельствуют о том, что на протяжении всех военных лет семьи военнослужащих и инвалидов войны были постоянным объектом адресной государственной помощи. Формами ее стали пенсии и пособия, целевые товарные фонды, налоговые льготы, преимущественное обеспечение жильем, топливом, огородными участками, местами в детских учреждениях [13, с. 144—160].

Констатируя постоянное внимание Коммунистической партии и советского государства к семейно-бытовым проблемам тылового социума, а также вполне реальные усилия по их решению или смягчению, насколько

¹ ГАОПДКО. Ф. 62. Оп. 2. Д. 63. Л. 63.

² Сборник важнейших официальных и справочных материалов по санитарным и противоэпидемическим вопросам. М.; Л.: Медгиз, 1941. С. 231—309.

³ См., напр.: ГАОО. Ф. 1893. Оп. 3. Д. 34. Л. 2.

⁴ Челябинский рабочий. 1942. 3 марта; Правда. 1942. 24 июля; ОГАСО. Ф. П-168. Оп. 2. Д. 222. Л. 57 и др.

⁵ Рассчитано по: ЦГИА РБ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 115. Лл. 31, 32; ГАСО. Ф. 830. О. 1. Д. 41. Л. 34; ГАОО. Ф. 1893. Оп. 3. Д. 34. Л. 5.

было возможно в обстановке опустошительной войны, в то же время было бы неверно абсолютизировать эффективность принятых мер. Массовость и неизбежность самих этих проблем составляют печальную фактуру социальной истории военной поры. Воплощение в социальную практику властных установок и намерений наталкивалось на бесчисленное количество ограничителей: безусловный приоритет оборонных задач, материально-финансовые ресурсы государства, невозможность охватить учетом и помощью всех нуждающихся, бюрократические препоны и нерасторопность со стороны местного управленческого аппарата и т. д. В те годы обращалось особое внимание на работу с просьбами и жалобами, присылаемыми как самими фронтовиками, так и членами их семей. Реагировать на них требовалось в течение 10 дней. Нерадивых ответственных работников, уличенных в фактах бездушного, формально-бюрократического отношения к семьям военнослужащих, «за политическое недомыслие» наказывали объявлением выговоров, снятием с работы. В случае преступных деяний привлекали к уголовной ответственности «за произвол», «за антигосударственное отношение к семьям фронтовиков», «за нарушение революционной законности». В течение первой половины 1943 г. в Удмуртии за преступное отношение к семьям военнослужащих было осуждено на разные сроки 10 должностных лиц¹.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» от 26 июня 1941 г. пособия полагались семьям, в которых имелись бывшие иждивенцы военнослужащих. В зависимости от числа нетрудоспособных в семье пособия назначались в размере 100—200 р. в месяц на семью в городе и 50 % этих сумм в сельской местности. Семьям тех, кто оказался в рабочих батальонах, пособия не назначались². Условия назначения пособий в ходе войны менялись. Так, на основании приказа Ставки Верховного Командования РККА № 270 от 16 августа 1941 г. лишались пособий семьи сдавшихся в плен красноармейцев. С июля 1942 г. до 250 р. был увеличен размер пособий для тех городских семей, в которых при отсутствии трудоспособных

было 5 и более человек, и до 200 руб. для семей, где при двух работоспособных имелось 5 и более иждивенцев.

Столь же малыми и зависевшими от характера занятий до воинской службы и числа нетрудоспособных были пенсии семьям погибших и пропавших без вести. Например, семья погибшего фронтовика, который до службы жил в сельской местности и был связан с сельским хозяйством, при наличии одного нетрудоспособного получала 40 р. в месяц, при двух нетрудоспособных — 56 р., при трех и более — 72 р.³ В случае гибели неженатого и не работавшего до армии красноармейца его родители пенсию за погибшего не получали. Они оказывались в катастрофической жизненной ситуации, если не имели трудоспособных родных. В лучшем случае их прикрепляли к общественным столовым для престарелых членов семей фронтовиков, т. е. к столовым, куда поступали продукты, собранные в ходе кампаний помощи, или помещали в дома старчества (для колхозников)⁴.

Правоприменительная практика предполагала взаимодействие военкоматов, собесов, исполкомовских отделов по гособеспечению семей военнослужащих, комитетов помощи раненым, инспектуры по хозяйственному и бытовому устройству эвакуированных, а также действенное вмешательство военных отделов партийных комитетов, других массовых общественных организаций. Наладить такое взаимодействие было крайне сложно. При назначении пособий и пенсий возникало множество нюансов и неразберихи, начиная от качества учета семей военнослужащих. Миньярский райсобес Челябинской области в объяснительной записке сообщал, что 210 из 2590 заявителей было отказано в пособиях по разным причинам: военнослужащие изъяты из армии органами НКВД, фронтовик комиссовался и прибыл домой по болезни, дети в семье от разных отцов, у трудоспособной матери только один ребенок⁵. В результате далеко не все семьи получали государственное вспомоществование. В 1944 г. на Урале число учтенных семей военнослужащих составляло 1 518 905, а пособия и пенсии получали 758 546 из них — 49 %. По областям и автономным республикам Урала данный показатель колебался от 41 до 59 %⁶.

³ ОГАЧО. Ф. 948. Оп. 1. Д. 108. Л. 120.

⁴ См., напр.: ЦГАОО РБ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 1725. Л. 59; Красная Башкирия. 1944. 30 апр.

⁵ ОГАЧО. Ф. П.-310. Оп. 1. Д. 1361. Л. 12.

⁶ Рассчитано автором по множественным данным из фондов 7 уральских архивов.

¹ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 14. Д. 673. Л. 10.

² Трудовое законодательство военного времени. М.: Изд-во ВЦСПС: Профиздат, 1943. С. 147—151; Социальное обеспечение. 1941. № 7—8. С. 5—6.

Пособия и пенсии семьям фронтовиков не назначались автоматически. Заявление о назначении пособия или пенсии должно было подкрепляться десятками справок, детально характеризующих состав семьи. Подача ходатайства часто сопровождалась бюрократической волокитой и чиновничьим равнодушием. Красноармейка Б. из Удмуртии, имевшая троих детей в возрасте от 1,5 до 12 лет, в течение нескольких месяцев 9 раз ходила за 12 км в Ижевский райсобес, но каждый раз зав. райсобесом «записывал ее местожительство, и на том всё кончалось». Причина: ее семья не была указана в списке сельсовета как семья военнослужащего потому, что сельсовет не получил справку из райвоенкомата о том, что муж Б. был мобилизован еще в июне 1941 г. Семья красноармейца Г. в Шаранском районе БАССР не могла добиться пособия в течение года, поскольку Г. пропал без вести на фронте, а жена не могла предоставить справку о его местонахождении¹.

Имелись случаи, когда документы на пособия и пенсии люди не могли выправить потому, что на пути от военкомата до семьи погибшего воина «похоронки» терялись. Так, весной 1944 г. в Туринске Свердловской области были выявлены вопиющие факты преступной практики извещения родственников погибших бойцов. В нарушение установленного порядка секретарь горсовета попросту зачитывала списки погибших на совещаниях уличных комитетов, а те устно извещали родственников. У работница горсовета скопилось 64 «похоронки» годичной давности, не врученные семьям погибших².

Недостаточность государственного социального обеспечения, отчасти компенсируемая широкомасштабными кампаниями общественной помощи, ориентированными на материальную поддержку самых остро нуждающихся (по официальному выражению того времени — «временно впавших в нужду») семей фронтовиков, предопределяла самообеспечивающие жизненные стратегии семей. Концентрированное представление о них можно почерпнуть из мемуарных источников, например из воспоминаний А. И. Чепуровой, жившей в селе Казанка Шарлыкского района Чкаловской области. «25 июня 1941 г. наш отец ушел добровольцем на фронт. Тогда все думали, что война будет недолго. Говорили, что через три месяца мы немцев разобьем. И ровно через три месяца, в день рождения отца, мы получили

похоронку. И пошла наша военная жизнь. Мама осталась вдовой в 28 лет, с тремя маленькими детьми — безотцовщиной, как нас потом все время называли. Ох и горько было жить без отца и маленькими, и когда подросли! <...> Осенью надо было платить налоги, страховку, покупать облигации. Летом сдавали молоко государству. Кур не было, а яйца сдавай да еще мясopоставку плати. Овец нет, а шерсть сдавай. Все нужно купить и сдать. Можно было заплатить молоком, но его не хватало. Мы получали пособие — 72 рубля на троих, но все эти деньги уходили на выплату налогов. <...> Хлеба уже не было, ели одну картошку и то по счету: до Рождества — два раза в день. А после Рождества — один раз, вечером, чтобы уснуть в адском холоде. Весной огороды сажать было нечем, и мама ходила в другое село, в Романовку, и нанималась копать огород, чтобы заработать семенную картошку. А ели траву. <...> Летом брат пошел работать — они с учителем ходили полоть пшеницу. И в первый же день он заработал две ложки муки. <...> На другой день на поле пришли не только мы, но и другие дети, учитель взял всех, кому было с 7 до 9 лет, а младших посадили на меже, так как дома их оставить было не с кем. Кому было по 7—8 лет, дергали траву, а кто постарше — собирали у нас траву и выносили на межу. Мы, кто дергал траву, заработали по одной ложке муки, а кто выносил — по две. Совсем маленьким тоже давали по одной ложке муки — за то, что сидели и не плакали. <...> Принесли мы эту муку домой, сходили на колхозный круг, набрали катяши и соломы и опять обжарили муку и оставили маме. Она пришла с работы, посмотрела на нас и заплакала... В 1944 г. жили так же — бедно, голодно и холодно. Летом старший брат пошел работать за трудовни. Ему было 10 лет...» [21, с. 51—52].

Вынужденная военным временем инициация детей, не только взявших на себя отдельные функции отцов и матерей в семье, заменивших их в системе военной экономики, приняла массовый характер как в деревне, так и в городе. В ноябре 1942 г. на республиканском совещании по работе городских школ в Башкирии приводились сведения о причинах отсева из школ учащихся I—IV классов: 5,4 % отсеявшихся не учатся из-за болезни, 60 % — из-за отсутствия одежды и обуви, а 34,6 % — из-за того, что «домовничают, работают»³. На счету уральских школьников военной поры миллионы выработанных в колхозах трудовых, сотни тысяч тонн собранного и отгруженного

¹ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 14. Д. 343. Л. 19—20; ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 22. Д. 126. Л. 17.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 113. Л. 51.

³ ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 22. Д. 322. Л. 79.

металлолома, тысячи килограммов переданных в аптеки лекарственных растений, заготовленных для отделов рабочего снабжения предприятий (ОРСов) грибов и ягод и т. д. Трудовая занятость школьников имела временный или сезонный характер и не различала их надолго с домом. Но был и иной вариант вовлечения подростков в трудовую деятельность, связанный с их отрывом от семьи и превращением в городских рабочих-одиночек. В силу дефицита рабочих рук в промышленности подростки и молодежь 14—18 лет подлежали мобилизации в систему Трудовых Резервов с последующим трудоустройством на промпредприятиях, транспорте и в строительстве. Судя по типичным вопросам, заданным на разных собраниях в 1943—1944 гг. (*«Почему детей, которые еще должны учиться, насильно мобилизуют в ремесленную школу?»*¹), многим из них пришлось оставить школу не по своей воле. По данным Г. Е. Корнилова, 69 % обучавшихся в школах фабрично-заводского обучения, ремесленных и железнодорожных училищах Урала в 1940—1945 гг. были выходцами из села [8, с. 41]. Это обстоятельство имело долговременные негативные последствия для деревенской семьи, поскольку оставляло ее без молодежного ресурса.

В годы войны органы статистики вели многообразные учетно-аналитические разработки, в том числе и по ведущим демографическим показателям. Их результаты, без сомнения, были известны высшим органам власти и управления. После освобождения всей территории СССР от немецко-фашистских войск с учетом предстоящих послевоенных задач руководство страны в 1944 г. предприняло шаги по реформированию брачно-семейного законодательства. Прямым «катализатором» семейной реформы послужила необходимость стимулировать деторождение. Кроме того, по мнению П. Л. Полянского, *«непосредственной причиной реформы 1944 г. явилось усвоение советским руководством нового взгляда на брак и семью, в соответствии с которым требовалось уже не “раскрепощение”, а укрепление последней. Этот новый взгляд предполагал: контроль и учет возникавших новых брачных связей (а значит, необходимость их регистрации); укрепление семьи с точки зрения защиты ее имущественных прав (а значит, устранение имущественных претензий посторонних лиц); борьбу с легкомысленным отношением к браку (а значит, затруднение бракоразводной процедуры)»* [15, с. 10].

¹ ЦДООСО. Ф. 4. ОП. 38. Д. 159. Л. 101 и др.

Главным актом реформы 1944—1945 гг. стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»². Теперь юридические права и обязанности супругов мог порождать только зарегистрированный брак. Отменялась алиментная ответственность мужчин за внебрачных детей. Устанавливался жесткий порядок развода. Вносились изменения в порядок начисления и взимания налога на холостяков, одиноких и бездетных граждан, введенного осенью 1941 г.: увеличены ставки налога, расширен круг плательщиков за счет привлечения к уплате налога лиц, имевших одного-двух детей³.

На местах была развернута работа по разъяснению нового закона. Если положения Указа об охране материнства и детства сомнений и недовольства не вызывали, то статьи, касающиеся изменений в брачном законодательстве, были встречены женщинами скептически. В информационных сводках о политико-моральном состоянии населения фиксировалось их беспокойство за устойчивость семьи: *«Мужчинам дали волю, их сейчас ничем не удержишь, побросают своих жен, раз алименты отменены»*. Как пример вредных высказываний отмечалось суждение: *«У нас сейчас людей осталось мало, новый закон издан для того, чтобы люди больше плодились, каким бы путем это ни происходило»*⁴. Любопытные оценки сделал в записи 12 июля 1941 г. в своем дневнике Б. С. Катаев, работавший зам. председателя Челябинской областной плановой комиссии: *«Злоба дня — новый закон об охране материнства и младенчества. Что и говорить — закон радикальный. Уловить и угадать его возможные последствия трудно, но попытаемся. Цель ясна — всеми средствами повысить рождаемость и сохранение «молодняка» в возрасте до 1 года (самый «смертный» возраст). Средства, с точки зрения обывателя, допускаются не особо благовидные: всячески поощряются одинокие (незамужние) матери, мужчины избавляются от затрат на содержание ребенка — «сплошной разврат»*. В вагоне я так и слышал

² Правда. 1944. 9 июля; Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938—1967. Т. 2. М.: Известия, 1968. С. 409—417.

³ Правда. 1941. 24 нояб.; Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. 16 июля.

⁴ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 251. Л. 166, 188.

суждения, что “порядочная девушка, конечно, не допустит внебрачного ребенка”, и большое сомнение насчет алиментов. <...> Обществу нужны живые дети, <...> и этому подчинено все» [5, с. 260].

После выхода Указа от 8 июля 1944 г. заметно усилилась работа по охране материнства и детства. При исполкомах советов создавались отделы выдачи пособий многодетным матерям, в районах появились социально-правовые кабинеты. Расширялась сеть детских и женских консультаций, молочных кухонь. Заводские медсанчасти вместе с администрацией, сельские врачебные участки вместе с правлениями колхозов разрабатывали мероприятия по своим предприятиям. Реализация намеченных мер контролировалась партийными органами. Подводя первые итоги в августе 1944 г., партбюро завода «Кургансельмаш» отметило, что на заводе проведен учет беременных женщин и им выделено дополнительное питание¹. На Кировском заводе в Челябинске женщины в период беременности стали получать дополнительно по 660 г мяса, 1 л молока, 2 кг картофеля и 2 кг овощей. В Златоусте только за 5 месяцев 1944 г. от сверхурочных работ было освобождено 339 женщин, переведено на 8-часовой рабочий день — 1742, на облегченную работу — 87 женщин [20, с. 224].

В архивных документах заключительного года войны обнаруживается пристальное внимание уральских властей к семейно-бытовой сфере, понимание ими государственной важности задач в этой сфере. В марте 1945 г. весь комплекс проблем по выполнению Указа от 8 июля 1944 г. обсуждался в Челябинске на областном совещании советских и хозяйственных органов, работников здравоохранения². В апреле 1945 г. докладчик по вопросу о мерах по закреплению кадров в промышленности Молотовской области на областном партийном активе подчеркнул: «Неудовлетворительное строительство жилья имеет и такое серьезное последствие: выдвигаются искусственные препятствия для создания семьи. Часто молодые живут в разных общежитиях. Вопрос серьезен: та молодежь, которая пришла в промышленность в 1941 г. подростками, теперь взрослые люди, желающие создать семьи. Не помогать им в этом — не только наносить ущерб производству, но и преступление с точки зрения простой человеческой морали»³.

¹ ГАОПДКО. Ф. 10. Оп. 11. Д. 142. Л. 154.

² ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 9. Д. 203. Л. 1—111.

³ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 11. Д. 146. Л. 41.

Изучение заявленной темы на материалах Урала в постановочном варианте и в первом приближении позволяет прийти к следующим выводам. Несмотря на неблагоприятные условия существования семьи в годы войны, она как социальный институт не была разрушена и продолжала выполнять свои функции. Семейно-бытовые практики местного и прибывшего по эвакуации населения, целиком относящиеся к реалиям тыловой повседневности, выстраивались как под воздействием партийно-государственной политики, так и на основе стратегий самосохранения. Сохранение семьи как института следует рассматривать в качестве важного социального ресурса советского общества, обеспечившего достижение Великой Победы.

1. Богданова Е. Г. Демографические процессы на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2012. 30 с.

2. Гонцова М. В. Повседневная жизнь населения индустриального центра в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Нижний Тагил): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011. 30 с.

3. Исупов В. А. Рождаемость населения России в 1939—1945 гг. // Российская история. 2015. № 1. С. 3—18.

4. Исянгулов Ш. Н. Сельское население Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны: численность и естественное движение // Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне (1941—1945). М.: Academia, 2007. С. 577—581.

5. Катаев Б. С. Повседневность и война. Челябинский дневник 1941, 1943, 1944. СПб.: Первоград, 2016. 312 с.

6. Корнилов Г. Е. Миграция сельского населения Уральского региона в годы войны // Отечественная история. 1993. № 3. С. 67—82.

7. Корнилов Г. Е. Уральское село и война: проблемы демографического развития. Екатеринбург: Уралагропресс, 1993. 174 с.

8. Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941—1945). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 222 с.

9. Кринко Е. Л., Тажиудинова И. Г., Хлынина Т. П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941—1945). Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 362 с.

10. Кусков С. А. Криминальные аборты в Челябинской области в годы Великой

Отечественной войны // Гороховские чтения : материалы VI регион. музейной конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск : Челяб. гос. краеведческий музей, 2015. С. 388—392.

11. Мерзлякова Г. В. Мать и дитя: испытание войной // Урал в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. : тез. докл. науч.-практ. конф. Екатеринбург : УрО РАН, 1995. С. 146—150.

12. Палецких Н. П. Проблемы социальной истории Урала периода Великой Отечественной войны в региональной историографии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. Вып. 18. 2012. № 10 (259). С. 32—35.

13. Палецких Н. П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск : ЧГАУ, 1995. 184 с.

14. Палецких Н. П. Социальные ресурсы и социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны : монография. Челябинск : ЧГАУ, 2007. 168 с.

15. Полянский П. Л. Реформирование советского семейного права в годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 21 с.

16. Потемкина М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урале: люди и судьбы. Магнитогорск : МАГУ, 2002. 265 с.

17. Соловьева В. В. Бытовые условия персонала промышленных предприятий Урала в 1941—1945 гг.: государственная политика и стратегии адаптации : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011. 29 с.

18. Степанова Н. В. Демографические процессы в Пермской области в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2014. № 3 (44). С. 103—111.

19. Уваров С. Н. Сельское население Удмуртии в годы Великой Отечественной войны: демографический аспект. Ижевск : Ижевская ГСХА, 2014. 170 с.

20. Усольцева Н. Л. Охрана материнства и детства на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Тыл — фронту : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию Великой Победы. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2005. С. 223—226.

21. Хвостова Г. И. Моё село в годы Великой Отечественной войны // Архивы Урала. 1997. № 1(5). С. 45—53.

22. Хисамутдинова Р. Р. Значение писем отцов-фронтовиков в воспитании детей в годы Великой Отечественной войны // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культуры : материалы Девятой междунар. науч. конф. Смоленск ; М. : Изд-во СмолГУ : ИЭА РАН, 2016. Т. 2. С. 240—243.

23. Чайко Е. А. Влияние демографических последствий Великой Отечественной войны

на брачное поведение населения: по материалам фольклора горнозаводских районов Челябинской области // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны : материалы межвуз. науч. конф., посвящ. 65-летию Великой Победы. Челябинск : ЧГАКИ, 2010. С. 257—263.

24. Чайко Е. А. Феномен семьи у населения горнозаводской зоны в контексте провинциальной повседневности: Катавский и Миньярский районы Челябинской области во второй половине 1920-х — 1950-е годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2012. 26 с.

References

1. Bogdanova E.G. (2012) Demograficheskie processy na Yuzhnom Urale v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941—1945 gg.). Abstract of thesis. Orenburg, 30 p. [in Rus].

2. Goncova M.V. (2011) Povsednevnyaya zhizn' naseleniya industrial'nogo centra v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah g. Nizhnij Tagil). Abstract of thesis. Ekaterinburg, 30 p. [in Rus].

3. Isupov V.A. (2015) *Rossijskaya istoriya*, no. 1, pp. 3—18. [in Rus].

4. Isyangulov Sh.N. (2007) Sel'skoe naselenie Bashkirskoi ASSR v gody Velikoi Otechestvennoj vojny: chislennost' i estestvennoe dvizhenie // Edinstvo fronta i tyla v Velikoj Otechestvennoj vojne (1941—1945). Moscow, Academia, pp. 577—581. [in Rus].

5. Kataev B.S. (2016) Povsednevnost' i vojna. Chelyabinskij dnevnik 1941, 1943, 1944. St. Peterburg, PervoGrad, 312 p. [in Rus].

6. Kornilov G.E. (1993) *Otechestvennaya istoriya*, no. 3, pp. 67—82. [in Rus].

7. Kornilov G.E. (1993) Ural'skoe selo i vojna: problemy demograficheskogo razvitiya. Ekaterinburg, Uralagropress, 174 p. [in Rus].

8. Kornilov G.E. (1990) Ural'skaya derevnya v period Velikoj Otechestvennoj vojny (1941—1945). Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 222 p. [in Rus].

9. Krinko E.L., Tazhidinova I.G., Hlynina T.P. (2013) Chastnaya zhizn' sovetskogo cheloveka v usloviyah voennogo vremeni: prostranstvo, granicy i mekhanizmy realizacii (1941—1945). Rostov na Donu, Izdatel'stvo YUNC RAN, 362 p. [in Rus].

10. Kuskov S.A. (2015) Kriminal'nye aborty v Chelyabinskoi oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Gorohovskie chteniya Chelyabinsk, Chelyabinskij gosudarstvennyj kraevedcheskij muzej, pp. 388—392. [in Rus].

11. Merzlyakova G.V. (1995) Mat' i ditya: ispytanie voinoi // Ural v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941—1945 gg. Ekaterinburg, UrO RAN, pp. 146—150. [in Rus].

12. Paleckih N. P. (2012) *Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Social'no-gumanitarnye nauki*, iss. 18, no. 10 (259), pp. 32—35. [in Rus].

13. Paleckih N. P. (1995) Social'naya politika na Urale v period Velikoj Otechestvennoj vojny. Chelyabinsk, CHGAU, 184 p. [in Rus].

14. Paleckih N. P. (2007) Social'nye resursy i social'naya politika na Urale v period Velikoj Otechestvennoj vojny. Chelyabinsk, CHGAU, 168 p. [in Rus].

15. Polyanskij P. L. (1998) Reformirovanie sovetskogo semejnogo prava v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Abstract of thesis. Moscow, 21 p. [in Rus].

16. Potemkina M. N. (2002) Evakuaciya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny na Urale: lyudi i sud'by. Magnitogorsk, MAGU, 265 p. [in Rus].

17. Solov'eva V. V. (2011) Bytovye usloviya personala promyshlennyh predpriyatij Urala v 1941—1945 gg.: gosudarstvennaya politika i strategii adaptacii. Abstract of thesis. Ekaterinburg, 29 p. [in Rus].

18. Stepanova N. V. (2014) *Ural'skij istoricheskij vestnik*, no 3(44), pp. 103—111. [in Rus].

19. Uvarov S. N. (2014) Sel'skoe naselenie Udmurtii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: demograficheskij aspekt. Izhevsk, Izhevskaya GSKHA, 170 p. [in Rus].

20. Usol'ceva N. L. (2005) Okhrana materinstva i detstva na Yuzhnom Urale v gody Velikoi Otechestvennoi vojny // *Tyl — frontu*. Chelyabinsk, Izdatel'stvo Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, pp. 223—226. [in Rus].

21. Hvostova G. I. (1997) *Arhivy Urala*, no. 1 (5), pp. 45—53. [in Rus].

22. Hisamutdinova R. R. (2016) Znachenie pisem ottsov-frontovikov v vospitanii detei v gody Velikoi Otechestvennoi vojny // *Materinstvo i otcovstvo skvoz' prizmu vremeni i kul'tur*, vol. 2. Smolensk, Moscow, Izdatel'stvo SmolGU, IEHA RAN, pp. 240—243. [in Rus].

23. Chajko E. A. (2010) Vliyanie demograficheskikh posledstviy Velikoi Otechestvennoi vojny na brachnoe povedenie naseeniya: po materialam fol'klora gornozavodskikh raionov Chelyabinskoi oblasti // *Yuzhnyj Ural v gody Velikoj Otechestvennoj vojny*. Chelyabinsk, CHGAKI, pp. 257—263. [in Rus].

24. Chajko E. A. (2012) Fenomen sem'i u naseleniya gornozavodskoj zony v kontekste provincial'noj povsednevnosti: Katavskij i Min'yarskij rajony Chelyabinskoi oblasti vo vtoroj polovine 1920-h — 1950-e gody. Abstract of thesis. Chelyabinsk, 26 p. [in Rus].

For citing: Paletskikh N.P.

Family and household aspects of everyday life in the rear areas: as exemplified by Ural during the Great Patriotic War // *Socium i vlast'*. 2018. № 5 (73). P. 121—129.

UDC 94(47).084.8 (1-072)

FAMILY AND HOUSEHOLD ASPECTS OF EVERYDAY LIFE IN THE REAR AREAS: AS EXEMPLIFIED BY URAL DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Nadezhda P. Paletskikh,

The State History Museum of the Southern Urals, Head of the Sector "From Great Shocks to the Great Victory" of the Department "Russia is My History", Doctor of History, The Russian Federation, 454000, Chelyabinsk, ulitsa Truda, 100. E-mail: palenad@mail.ru

Annotation

For the first time in regional historiography the author makes an attempt to study particular family and household aspects of everyday life of the population of Ural during the Great Patriotic War. Theoretical basis for the study was the hypothesis about the mobilization character of the Soviet society of the Great Patriotic War period. The study was based on the documents from the Ural archives, information published in scientific literature. On the basis of historical information about Big Ural (5 regions and 2 autonomous republics) the author shows that families were divided into two-parent families and single-parent families, including distant, local and evacuated families.

The author considers the impact of gender imbalance among Ural's population on the structure of families and interfamily roles and also mass involvement of women into the system of defense economics. Actions of social aid to child population are characterized. Forms of national assistance to service families are analyzed, self-sufficient family and household practices are described. Breaking of family-marital reform of 1944—1945 in Ural everyday life is shown. The undertaken study made it possible to conclude that despite the unfavorable conditions for family life during the war family as a social institution was not destroyed and continued performing its functions.

Key concepts:

everyday life in the rear areas, family and household practices, Ural, Great Patriotic War.

Для цитирования: Белоконов С. Ю., Хоконов А. А. Политические условия и институциональные основания распространения денежных суррогатов в 1917—1922 гг. в России // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 130—139.

УДК 321:338

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СУРРОГАТОВ В 1917—1922 гг. В РОССИИ

Белоконов Сергей Юрьевич,

Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации,
руководитель департамента политологии,
кандидат политических наук.
Российская Федерация, 125993,
г. Москва, Ленинградский просп., 49.
Email: SYBelokonev@fa.ru

Хоконов Анзор Альбертович,

Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации,
доцент департамента политологии,
кандидат политических наук.
Российская Федерация, 125993,
г. Москва, Ленинградский пр., 49.
Email: dr_enzo@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются условия, институциональные основания и последствия «парада» денежных суррогатов, получивших повсеместное распространение в России после революционных событий 1917 года. Осуществлена попытка рассмотрения становления денежного обращения в России в политическом и историческом контекстах. Определяется влияние регламентации денежных отношений на становление государственного суверенитета. Через обращение денежных средств антисоветских эмитентов анализируются социально-политическая обстановка в стране в период 1917—1922 гг. Показано влияние монетарной политики и системы денежного обращения на характер и параметры реализации государственной власти.

Ключевые понятия:
социально-политический кризис,
государственная власть,
денежный суррогат,
экономический суверенитет.

Обеспечению стабильного функционирования государства служит система гарантий, на которую опираются все субъекты государственной власти в процессе реализации своих полномочий. Эта система включает в себя блоки гарантий политического, юридического, организационного, социокультурного и экономического порядка.

В указанном контексте фундаментом блока экономических гарантий, наряду с ростом производительности труда и объемов производства, является единая и централизованная система регламентации денежных отношений в государстве, в основе которой лежат условия, формы и порядок обращения национальной валюты. Через установление правил денежного обращения и выстраивание соответствующей инфраструктуры органы государственной власти создают условия для регулирования хозяйственной жизни, осуществления учетных и контрольных функций. Тем самым государство сокращает пространство для осуществления и финансирования противозаконной деятельности.

Из обозначенного следует, что власть государства, в современном его понимании, строится помимо прочего и на его монопольном праве продуцировать специфический товар, способный выступать универсальным, единственно законным на всей территории страны средством платежа, т. е. «исключительном праве на эмиссию национальной валюты и регулирование порядка обращения денежных знаков — неотъемлемой части государственного суверенитета» [22, с. 155]. В связи с этим эмиссия наличных денег и признание именно их законным средством наличного платежа имеют и непосредственно политико-правовое значение [8]. Утрата государством экономического суверенитета означает утрату им своего материального базиса и экономической правосубъектности, что в конечном итоге может привести к тому, что соответствующее публично-правовое образование перестанет существовать как субъект международного права [6, с. 4—5]. Влияние монетарной политики и системы денежного обращения на характер и параметры реализации государственной власти настолько велико, что отдельные исследователи рассматривают денежную власть как самостоятельную ветвь государственной власти [23, с. 42], с чем, на наш взгляд, учитывая специфический конституционный статус Центрального банка в Российской Федерации, можно отчасти согласиться.

В периоды масштабных кризисов и потрясений (революций, войн и т. д.) любой этио-

логии, а также в иных чрезвычайных экономических и политических условиях система государственного управления дает сбой и теряет способность эффективно регулировать общественные отношения, трансформация которых происходит одновременно. Институты государственной власти не успевают к ним адаптироваться, выстроить новую нормативную и правовую базы, конфигурацию органов власти адекватных новым реалиям. В этих условиях для разрешения сложившихся противоречий автономно (без участия государства) запускаются внутренние механизмы социальной саморегуляции, которые способствуют устранению возникших проблем¹. В системе денежного обращения в отдельные моменты истории в качестве подобных механизмов существенное значение приобретали так называемые «денежные суррогаты».

Денежный суррогат (лат. *surrogatus* — поставленный взамен) — заменитель законно установленного платёжного средства, произвольно вводимый в обращение экономическими агентами для решения отдельных вопросов хозяйствования.

С правовых позиций денежным суррогатом в Российской Федерации являются объекты, способные одновременно выполнять все, часть или одну из функций валюты РФ. Денежные суррогаты, выпущенные на территории РФ и способные одновременно выполнять все установленные законом функции валюты РФ без согласия государства, являются нелегитимными денежными суррогатами [14, с. 61]. Таким образом, сущностной характеристикой денежных суррогатов, отличающей их от иных платежных средств, имеющих хождение на территории страны, является их непризнание со стороны государственной власти в качестве законного платёжного средства.

В основе глубоких проблем денежного обращения, обострившихся в России после Февральской революции 1917 г., лежали как политические, так и экономические факторы, а позднее и производные от них причины организационно-технического характера.

Факторы политического блока были следствием глубокого системного кризиса государственной власти, ясно обозначившегося к 1905 г. и проявившегося после вступления России в Первую мировую войну.

¹ В современных условиях при возникновении подобных проблем возможно использование практики перераспределения части государственных функций бизнес структурам и институтам гражданского общества.

Факторы экономического порядка, с одной стороны, были следствием беспрецедентной реформы мировой финансовой системы. «Основным моментом, определившим перемены в области денежного обращения, явилось то, что Россия, как и другие страны, в 1914 г. перешла от системы золотого монометаллизма к системе бумажных денег и стала проводить выпуски бумажных денег для пополнения бюджетного дефицита. С другой стороны, Россия в это же время вступила в полосу бумажно-денежной инфляции, на почве которой развернулись процессы расстройки хозяйства» [9, с. 14]. Начиная с 1914 г., рубль обесценивался быстрыми темпами. «За 10 лет денежное обращение России до известной степени проделало полный круг в своей эволюции. Старый русский рубль, с которым страна вступила в войну, погиб в процессе войны и революции, обесценившись в 50 миллиардов раз» [9, с. 14].

В результате крушения национальной системы денежного обращения после революционных потрясений февраля и октября 1917 г. на территории бывшей Российской империи одновременно стали обращаться советские общегосударственные выпуски, которые фактически таковыми не являлись. Существовали в великом множестве местные деньги — денежные эмиссии банковского, муниципального, кооперативного типа, выпускали свои деньги бывшие национальные окраины. Но при всей невообразимой пестроте денежных знаков, обращавшихся в 1918—1922 гг. в России, их объединяла (за редким исключением) общая черта — это были деньги, ценность которых являлась чисто условной [25, с. 5].

Масштаб распространения денежных суррогатов иллюстрируют сведения о 20 тысячах видов денег и денежных суррогатов, обращавшихся в годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции. Только на Украине обращалось 4 тысячи разновидностей карбованцев и гривен [20]. Свои особые местные и военные деньги печатались в Туркестане, Закавказье, на Дальнем Востоке [26]. Наибольшее разнообразие денежных знаков, вносящее хаос в экономические и торговые отношения, наблюдалось на белом Юге. По свидетельству Главкома ВСЮР А. Деникина, здесь имели хождение «романовские» деньги, керенки, украинские суррогаты Директории и гетмана Скоропадского, денежные знаки Терского Совета, марки Терской республики, чеки грозненского казначейства, донские деньги атамана Краснова [16, с. 334—335] и др.

В период социально-политических катаклизмов политическая власть способна оказывать большее влияние на курс национальной валюты, нежели экономика. Это связано с тем, что обращение современных бумажных денег (во всех развитых странах мира) строится на их доверительной стоимости, которая является производной от уровня доверия к эмитенту — государственной власти — со стороны хозяйствующих субъектов и населения. Государство, учитывая доверительную стоимость современных денег, с помощью права устанавливает их функции [13, с. 49]. Однако при возникновении подозрений в легальности и/или легитимности эмитента доверительная стоимость денег начинает стремительно падать.

Подобные процессы вкупе с революционными событиями неизбежно сопровождаются замещением обесценивающейся валюты, в рассматриваемый период «романовского» рубля, в денежном обращении другими инструментами. И такими инструментами становятся денежные суррогаты¹.

Практически сразу после вступления России в Первую мировую войну и последовавшего кратного увеличения расходов бюджета объемы бумажной эмиссии значительно выросли (см. таблицу).

Ускоренная эмиссия бумажных денег закономерно привела к значительному росту денежного предложения. Так, если в январе 1914 г. в обороте находилось 1665 млн р., то в январе 1917 г. — 9225 млн, а уже в январе 1918 г. денежная масса достигла астрономической цифры — 27 313 млн р., т. е. денежная масса за 4 полных года увеличилась в 16 раз. После вступления в Первую мировую войну и до Февральской революции посредством эмиссии бумажных денег правительство покрыло из общей суммы военных расходов 8317 млн р. или почти треть

¹ В кризисные периоды развития общества и государства значительно раньше появления денежных суррогатов, а позднее параллельно с их распространением развиваются бартерные отношения (натуральный товарообмен). Классическая политическая экономия выделяет 4 причины развития бартерных отношений: 1) низкий уровень участия в разделении труда; 2) необходимость экономии денег; 3) дефицит денег в обращении; 4) высокие темпы инфляции.

В силу того, что натуральный товарообмен осуществляется без какого-либо участия государственных институтов и без использования законных платежных средств, государственные органы лишены возможности осуществлять учетные и контрольные функции по отношению к товарообороту. По этой причине конкретные данные об удельном весе натурального товарообмена в структуре расчетных отношений в рассматриваемый период отсутствуют.

[15, с. 86]. Второе место по своему удельному весу в финансовом обеспечении войны до февраля 1917 г. занимали внутренние займы, уступая лишь бумажно-денежной эмиссии [21, с. 13—15].

Подобная практика поиска денежных средств широко применялась и на местах. Так, в Архангельске в 1916 г. был выпущен уже третий заем города на сумму 3 миллиона рублей [17, с. 18].

В функционале денег из драгоценных металлов в период социально-политической и экономической нестабильности начинается доминировать функция *средства накопления*, что отчетливо проявилось в послереволюционной России. Сразу после начала Первой мировой войны из денежного обращения, строго в соответствии с законом Грэшема², стали исчезать золотые и серебряные монеты — высоколиквидные ценности. В результате в национальной денежной системе образовался вакуум, который необходимо было заполнить.

Стохастическое развитие рынка денежных суррогатов в обозначенный период истории страны, несмотря на постоянно осуществляемую эмиссию, было также следствием моновекторности денежных потоков, отсутствия циркуляции в денежной системе страны. «Выйдя из государственного казначейства, они (деньги) добираются до какого-нибудь чулка, сапога или сундука, откуда на свет уже больше не появляются. Деньги из государственного банка вынимаются, но назад не возвращаются. При таких условиях очевидно, что, какое бы количество денег ни выпускали, их всегда будет мало» [5, с. 57].

Дальнейшее развитие обозначенных процессов привело к тому, что «денежные знаки в период с 1914—1917 гг. выпускались не только местными гражданскими властями, но и русскими и иностранными командованиями» [4, с. 11] на оккупированных территориях. Очевидно, что курсы этих денег, как и курсы национальных валют воюющих стран, находились в прямой зависимости с вестями с германского фронта, даже ло-

² Закон Грэшема (Закон Коперника — Грэшема) — монетарный принцип, гласящий, что деньги, искусственно переоцененные государством, вытесняют из обращения деньги, искусственно недооцененные им. Данный механизм был выделен Николаем Орезмом (Nicolas Oresme) в 1366 г. и Н. Коперником (польск. Mikołaj Kopernik) около 1526 г., окончательное оформление получил в работах Т. Грэшема (Т. Gresham). См.: Macleod H.D. The History of Economics. New York (Putnam), 1896. P. 37—39; Macleod H.D. Elements of Political Economy. New York, 1857. P. 477.

Объем денежной эмиссии в России в период с 1914 по 1921 год [9, с. 66]

Год	Доходы бюджета	Расходы бюджета	Бюджетный дефицит	% дефицита к общему итогу расходов	Эмиссия
1914	2961	4859	1896	39,1	1283
1915	3001	11 562	8561	74,0	2670
1916	4345	18 101	13 756	76,0	3480
1917	5039	27 607	22 568	81,7	16 403
1918	15 580	46 706	31 126	66,6	33 500
1919	48 959	215 402	166 448	77,3	164 200
1920	159 604	1215 159	1 055 555	86,9	943 600
1921	4 139 900	26 076 816	21 936 916	84,1	16 375 300

кальные победы и поражения армий становились факторами значительной волатильности курсов.

Временное правительство глубокие проблемы, имевшие место во всех сферах общества, пыталось решить с помощью эмиссии, что подрывало и без того слабую экономику. Можно сказать, что печатный станок в этих условиях стал работать на приближение большевистской революции. Проблемы с обращением денежных знаков Временного правительства были связаны и с тем, что его политика критически оценивалась в Европе, что, естественно, накладывало отпечаток на курсы валют. Дополнительным фактором ослабления экономики стал массовый вывоз русского золота за границу.

Уже в период Первой мировой войны за стремительно обесценивающиеся царские деньги крестьяне отказывались обменивать свою продукцию, а «керенки» тем более долгое время не воспринимались населением.

Большим недостатком «керенок» являлось отсутствие отдельных атрибутов настоящих денег — серии, номера, подписи ответственного лица финансового института — эмитента, что создавало большой простор для фальшивомонетничества. Но самой большой проблемой «керенок» было отсутствие у Временного правительства внятной политической программы, понятной и одобряемой населением страны, налицо была и несостоятельность выправить политическую ситуацию. В сумме эти два обстоятельства способствовали их быстротечному обесцениванию.

Таким образом, именно «при Временном правительстве» начался процесс окончательного распада денежной системы России, что послужило дополнительным, но достаточно мощным импульсом для развития центробежных сил в огромной империи [17, с. 23].

Покрытие дефицита бюджета при помощи эмиссии является паллиативом, крайней мерой, позволяющей государству оперативно покрывать экстраординарные расходы,

но создающей серьезные риски для стабильного функционирования экономики уже в краткосрочной перспективе. Предпочтительным является пополнение бюджета посредством политики ДНК (доходы — налоги — кредиты (займы)). Однако потребности государства в финансовых ресурсах в рамках данной политики ограничиваются рядом естественных факторов — параметрами национальной экономики, в частности размерами налогооблагаемой базы и т. д. В условиях же тектонических потрясений во всех сферах функционирования общества, в полосе которых находилась Россия в период с 1914—1922 гг., возможности пополнения бюджета неэмиссионным путем значительно сузились в связи с интенсивным вывозом финансовых ресурсов, оттоком человеческого капитала, разрушением системы хозяйственных связей и, в конце концов, с объективно сократившимися возможностями самого государства выполнять свои функции, осуществлять сбор налогов.

Перед сменившими Временное правительство большевиками встали сложные задачи по увеличению доходов бюджета и отказу от максимально большого числа обязательств, прежде всего финансового характера, — тяжелого наследия предыдущих властей. В короткие сроки необходимо было осуществить масштабные мероприятия в области денежного регулирования — ввести новые собственные деньги и вывести из оборота старые. В обращении находилось большое количество суррогатов (чеки, боны, марки, облигации государственных займов, обязательства казначейства). Перед страной возникла угроза полного финансового краха» [17, с. 24]. В то же время валютная система, унаследованная большевиками от предыдущих властей, «была непригодна для нужд социалистического государства, и требовалось создание новой валютной системы отвечающей целям строительства социализма» [12, с. 28]. Несмотря на идеологическое неприятие большевиками

денег, необходимость искоренения которых была обозначена в программе Российской коммунистической партии (большевиков)¹ в 1919 г., первые шаги на пути к отказу от денег показали им бесперспективность подобной экономической модели и отсутствие альтернативных инструментов организации расчетов. В результате деньги в большевистской России «остались», изменился только их идеологический базис — «Великая Октябрьская социалистическая революция, установившая диктатуру пролетариата, превратила деньги из орудия буржуазии в орудие рабочего класса» [24, с. 198], а эмиссия стала рассматриваться как «источник средств социалистического государства...» [2, с. 67] В начале 1919 г. Советское правительство ввело в обращение свои первые деньги — расчетные знаки. В марте вышли расчетные знаки небольших номиналов, а в конце года были выпущены высокономинальные купюры [3, с. 130], но данная мера не способствовала значительному улучшению ситуации с денежным дефицитом. Совет народных комиссаров во главе с В. И. Лениным за время прошедшее с Октябрьской революции успел получить значительную поддержку на местах и показал себя эффективным в части решения проблемы «врагов революции», однако в условиях Гражданской войны и активных действий со стороны Антанты правительство страны не имело возможности уделить должное внимание вопросам стабилизации денежного обращения. Источником проблем для курса являлось и то, что в первые послереволюционные годы правительство по очевидным причинам не смогло запустить систему взимания налогов. Экспорт-импортные операции, ввиду отсутствия возможностей для контроля государственной границы, не приносили доходов в бюджет, и эмиссия являлась, по существу, основным источником решения финансовых проблем молодого советского государства.

Новые советские деньги не попадали на окраины империи в силу отсутствия стабильно функционирующих государствен-

ных финансовых институтов на местах, т. е. отсутствия инфраструктурного обеспечения денежного обращения. Выходом из ситуации стала эмиссия региональными большевистскими властями собственных денег с расчетом на их замену на общегосударственные деньги в перспективе. Следует отметить, что практически все первые проводимые Советской властью мероприятия в сфере денежного обращения неизменно сопровождались изменениями наименований, номиналов и внешнего вида денежных знаков. Однако замена одних денежных знаков другими не позволяла решить главную проблему денежного обращения, которая была обусловлена утратой доверия к этим знакам со стороны населения [10, с. 63].

Печатание своей валюты для антисоветских государственных образований было и вопросом престижа, эмиссия повышала их легитимность, проводила демаркационную линию между ними и откровенно бандитскими образованиями. В конечном счете, собственные деньги должны были способствовать формированию у населения ощущения стабильности и основательности новых властей. При этом эмиссия оставалась важнейшим источником финансирования их деятельности. Так, оплачивая фактически отбираемое у населения имущество собственными деньгами, атаманы и командующие армиями — лидеры сепаратистских новообразований — формировали экономическую зависимость и в определенной мере лояльность у населения, масштабы которых были прямо пропорциональны объему денежных знаков соответствующих эмитентов на руках.

Омское правительство Колчака приступило к управлению в чрезвычайно сложных политических и экономических условиях. Полное расстройство денежного обращения на подконтрольной территории характеризовалось, с одной стороны, недостатком денежных средств, а с другой — большим их разнообразием. Так, кроме «романовских» и «керенских» денежных знаков, таких суррогатов, как облигации Займа свободы, купоны государственных процентных бумаг, в обращении находились деньги местного изготовления (чеки банков, кредитные билеты, выпущенные большевистскими правительствами Сибири т. д.). «Сложность ситуации усугублялась тем, что общее количество знаков, обращавшихся на территории Сибири, учету не поддавалось» [25, с. 21]. В этих условиях с целью решения проблем денежного дефицита, упорядочивания денежного обращения, организации учета

¹ «В области денежного и банковского дела... Опираясь на национализацию банков, РКП стремится к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного расчета и подготовляющих уничтожение денег: обязательное держание денег в народном банке; введение бюджетных книжек, замена денег чеками, краткосрочными билетами на право получения продуктов и т. п.». Программа Российской коммунистической партии (большевиков) 1919 г.: принята VIII съездом партии 18—23 марта 1919 г. взамен Программы РСДРП 1898 г.: стеногр. отчет. М.: Коммунист, 1919).

Колчаковское правительство осуществило масштабную эмиссию бумажных денежных знаков, «к 1 мая 1919 г. были отпечатаны обязательства на сумму 4 895 000 000 рублей, а разменные знаки — на 37 479 тысяч рублей» [1, с. 61].

Характерной чертой «колчаковских» денег было их плохое качество, некачественными были как бумага, так и печать. Низкая износостойкость купюр и плохое качество полиграфии не способствовали их укоренению в регионе как полноценного платежного средства. Не способствовало авторитету сибирских рублей и установление лажей при их обмене. Так, лаж на «романовские» деньги доходил до 60 %, а на «керенки» — до 30 % [25, с. 24]. Можно утверждать, что размер лажа может служить достаточно информативным индикатором если не политических пристрастий населения, то их политических ожиданий.

Большие надежды правительство Колчака возлагало на заказанную в США еще Временным правительством партию денежных купюр. Получение «американских» рублей, отпечатанных на качественном уровне, недоступном для фальсификации кустарным способом, позволило бы:

- вытеснить денежные суррогаты иных эмитентов на подконтрольной территории и централизовать денежное обращение;
- выполнить свои обязательства перед населением и тем самым получить дополнительные гарантии своей власти.

Несмотря на то что Антанта признала права Омского правительства, переговоры о передаче первой партии между представителями Колчака и American Bank Note Company продолжались до осени 1919 г., к этому времени Белое движение, потерпев ряд поражений, уже находилось в критической ситуации, и деньги из-за океана не могли отсрочить крах колчаковской экономики.

В конце 1920 г. Гражданская война на большей части территории России подошла к концу, и у советских властей появилась возможность приступить к стабилизации денежного обращения в стране. В основу государственной политики в данной сфере были положены следующие организационные принципы:

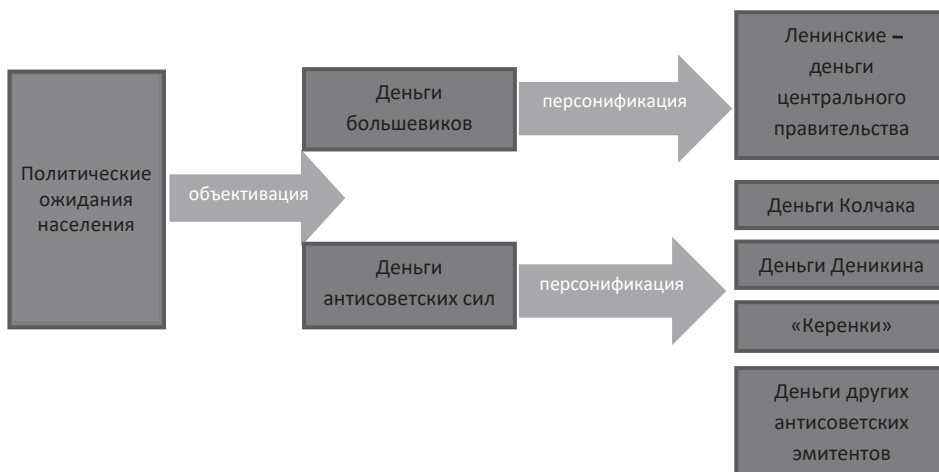
- эмиссии местных советских властей обменивались на деньги центрального правительства;
- деньги «окраинных советских республик» оставались в обращении до начала благоприятных условий;

— денежные знаки иных эмитентов аннулировались [3, с. 141].

«Практически на всех территориях складывалось смешанное обращение разных денег, иногда десятков их видов. Пропорции их обмена устанавливались стихийно» [3, с. 131]. При игнорировании отдельных факторов экономического и организационного порядка можно утверждать, что формирование денежного обращения на отдельных территориях России в период 1917—1922 гг. происходило через оформление политических экспектаций населения в денежные средства отдельных эмитентов в рамках двуединого процесса объективации и персонификации (см. рисунок). На первом этапе имела место объективация ожиданий на основе дихотомии «деньги большевиков — деньги антисоветских эмитентов», на следующем этапе в рамках персонификации денежных средств первостепенное значение приобретала личность лидера, его восприятие массами в качестве будущего политического руководителя. Это в значительной мере облегчало выбор в пользу отдельных денег в условиях отсутствия достоверной и полной информации о политической ситуации в целом по стране¹.

В рассматриваемый период обращению бумажных денег отдельных эмитентов способствовало бы их официальное признание властями иностранных государств, это стало бы импульсом для превращения данных суррогатов в полноценный инструмент накопления хотя бы на короткие сроки (например, до переезда за границу). Эта сложная с точки зрения реализации процедура способствовала бы с одной стороны укреплению позиций отдельного суррогата в качестве платежного средства и средства накопления, а с другой стороны — дискредитации советской власти как эмитента. 28 декабря 1918 г. в Лондоне состоялась встреча представителей Англии, Франции, Японии и США, посвященная поискам выхода из критической ситуации, сложившейся в денежном обращении «освобожденных» территорий России.

¹ Романовские бумажные деньги обращались до 1920 г., в основе данного явления лежало помимо денежного дефицита то, что территориально удаленные регионы не получали адекватную информацию о делах в «центре» и не имели возможности осуществить полноценный анализ и прогнозирование событий, благодаря чему возможность возврата монархической власти Романовых на окраинах империи воспринималась более вероятной. При этом предполагалось, что царское правительство, вернувшееся к власти, не признает финансовые обязательства своих преемников.

Оформление политических ожиданий населения в денежные средства отдельных эмитентов

В частности, большое внимание уделялось «нормализации» денежного обращения Сибири на основе твердого «интернационального» рубля [25, с. 19]. Проблема заключалась в том, что в случае реализации этого плана вся Сибирь и весь Дальний Восток перешел бы под тотальный финансовый, а позднее и под политический контроль стран-кредиторов. Оценив возможные риски, Омское правительство отказалось от данной идеи. Альтернативой «интернациональному» рублю могла бы стать единая денежная единица «белой» России, но этот вариант в силу территориальной и политико-управленческой фрагментации Белого движения реализован не был.

С самого начала политико-правового оформления Белого движения финансовое обращение явилось важнейшим фактором жизнеспособности возникавших на окраинах России антисоветских государственных образований [16, с. 331]. Формирование единого финансового центра стало бы мощным консолидирующим и легитимирующим фактором для всех этих сил и прежде всего для Белого движения.

Фактической датой окончания периода интенсивного роста денежных суррогатов на территории России можно считать 13 октября 1922 г., когда вышло постановление СНК РСФСР «О запрещении выпуска денежных обязательств на предъявителя», в котором, в частности, отмечалось, что в целях урегулирования денежного обращения выпуск какими бы то ни было учреждениями и предприятиями РСФСР, автономных и союзных республик денежных обязательств на предъявителя (облигаций, бон, вкладных билетов, свидетельств о займе и т. п.) разрешается не иначе, как в силу постановления Совета Народных Комиссаров РСФСР по представлению Народного

Комисариата финансов [18]. Однако отсутствие в советской денежной системе твердой валюты с относительно неизменной покупательской способностью не позволяло окончательно стабилизировать денежное обращение. В связи с этим обозначилась настоятельная необходимость возврата к эмиссии обеспеченных бумажных денежных знаков [10, с. 65]. Тем более необходимость унификации денежного обращения актуализировалась после отхода от политики военного коммунизма и провозглашением Новой экономической политики (НЭП), начало реализации которой в российской историографии принято связывать с решениями X съезда РКП (б), проходившего 8—16 марта 1921 г. Логическим следствием этих процессов стала денежная реформа 1922—1924 гг., в значительной степени стабилизировавшая денежную систему страны и создавшая предпосылки для поступательного развития экономики через установление базовой денежной единицы — червонца¹, с которым уже не могли конкурировать денежные средства сепаратистских эмитентов. «Уже в 1925 г. червонец официально котировался на валютных биржах Австрии, Италии, Китая, Монголии, Персии, Турции, прибалтийских государств. Широкие полуофициальные операции с советской банкнотой производились в Великобритании, Германии, Польше, США и других странах» [3, с. 167].

Денегные суррогаты имеют двойственную природу. С одной стороны, как отмечалось

¹ В рамках реформы червонец стал равен российской дореволюционной золотой десятке. Золотое содержание червонца определялось в 7,742234 г. (1 золотник 78, 24 доли) чистого золота. Цит. по: Дегтев С. И. Реформа денежной системы в нэповской России // Денегные реформы в России: история и современность. М., 2004. С. 139.

в начале, будучи внутренним механизмом саморегуляции, они выполняют защитную функцию национальной экономики, компенсируют недостатки государственного денежного регулирования. Заполняя определенный вакуум в сложные периоды становления и кризисов государственности, выступают стабилизатором экономики и способствуют ее развитию. В то же время, история России 1917—1922 гг. показала, что с точки зрения государственной безопасности развитие денежных суррогатов при условии, что эмитентами являются национальные резиденты, становятся барьером на пути проникновения иностранных валют¹ (иностранного финансового контроля) на территорию страны. Позднее после прохождения кризиса деньги национальных эмитентов легко вытесняются из обращения национальной валютой.

С другой стороны, денежные суррогаты, дублируя функции национальной валюты, формируют точки финансовой силы, конкурирующие с центральной государственной властью и дестабилизирующие политическую ситуацию.

Обозначенные обстоятельства определяют сложность и многогранность архитектуры денежных суррогатов, их изначальную протекционистскую сущность и безусловную конфликтность.

Денегные суррогаты представляют собой сложный экономический феномен, однако особенности их генезиса и несомненно деструктивный потенциал по отношению к государственной власти, присущий им имманентно, актуализируют необходимость их рассмотрения в рамках широкого междисциплинарного дискурса.

Анализ политических условий и институциональных оснований распространения денежных суррогатов позволяет выявить диалектические, системные связи между способностью государства регулировать денежное обращение и осуществлять суверенное государственное управление. Исследование обозначенных связей актуализировалась за последнее десятилетие как в России, так и во всем мире в связи с экспоненциальным ростом количества и распространением денежных суррогатов — криптовалют.

Очевидно, что в условиях широкой представленности и разнообразия денежных суррогатов выбор экономическими агентами денег того или иного эмитента в рамках

¹ Иностранная валюта является специфическим денежным суррогатом, особенностью которой является ее способность выполнять все установленные законом функции денег. См.: Крылов О. М. К вопросу о правовой категории «денежный суррогат» // Административное и муниципальное право. 2011. № 8. С. 58.

среднесрочных и тем более долгосрочных экономических взаимодействий является результатом мониторинга политической ситуации и перманентного процесса политического прогнозирования.

Денежное обращение в России после 1917 г. характеризовалось, с одной стороны, постоянным дефицитом денежных средств, с другой стороны — фактически нерегулируемой, постоянной денежной эмиссией со стороны новых политических властей на местах.

Многообразие денежных суррогатов в рассматриваемый период явилось свидетельством масштабного кризиса государственности, углубившегося после вступления России в Первую мировую войну, возникновения многочисленных очагов политической силы и следствием денежно-кредитной политики Временного правительства, находившейся в русле политики царских финансовых властей и носившей инерционный характер.

Обращение «романовских» денег в постреволюционный период было следствием не слепой веры населения в незыблемость самодержавия в России, а отсутствия альтернативных средств обращения и накопления на местах и неверия в жизнеспособность новых властей. При этом бумажные деньги в условиях отсутствия высоколиквидных финансовых инструментов (драгоценных металлов) и экономических знаний об инфляции были единственной доступной формой сбережений для широких масс населения.

Несмотря на повсеместную представленность денежных суррогатов в постреволюционной России, их распространение в системе денежного обращения было территориально неравномерным. Центр страны, Москва, Петроград страдали от денежного дефицита в значительно меньшей степени, чем периферия. Данное обстоятельство, а также желание правителей новых «независимых» республик иметь свои деньги запустило процесс «парада» денежных суррогатов на окраинных территориях страны.

Денежные отношения, будучи важной составляющей социально-экономических отношений, являются объективными индикаторами политических событий. Изучение роли денежных суррогатов в истории денежного обращения постреволюционной России позволяет под новым углом взглянуть на данный период развития страны, выявить институциональные противоречия и умонастроения российского общества.

Если агрегировать политические и экономические факторы возникновения и распространения денежных суррогатов в контексте единой теории, то денежные суррогаты явились в период с 1917 по 1922 г. естественной реакцией экономической сферы на

неспособность политической системы обеспечить нормально-стабильный режим ее функционирования.

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПР). Оп. 894. Д. 26. Л. 61.

2. Батырев В. М. Денежное обращение в СССР (вопросы теории, организации и планирования). М., 1959. С. 67.

3. Белоусов В. Д., Бирюков В. А., Каширин В. В., Нестеров А. А. Российские денежные реформы : монография. М. : Дашков и К°, 2014. С. 130—167.

4. Бумажные денежные знаки, выпущенные на территории бывшей Российской империи за время с 1769 по 1924 г. / под ред. Ф. Г. Чучина. М., 1924. С. 11.

5. Вопросы денежного обращения / под ред. А. Э. Ломейера. Пг., 1918. С. 57.

6. Грачев В. С., Серов К. Н. Правовые средства обеспечения экономического суверенитета современного государства // История государства и права. 2007. № 8. С. 4—5.

7. Дегтев С. И. Реформа денежной системы в неоповской России // Денежные реформы в России: история и современность. М., 2004. С. 139.

8. Карасева М. В. Законное платежное средство: финансово-правовое регулирование // Финансовое право. 2006. № 9. С. 2—6.

9. Каценеленбаум З. С. Денежное обращение в России 1914—1924. М. ; Л. : Экон. жизнь, 1924. С. 14—66.

10. Кучеров И. И. Законные платежные средства: теоретико-правовое исследование : монография. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации, 2016. С. 63—65.

11. Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: документы и материалы. Владивосток, 1995. 216 с.

12. Константинов А. Ю. Валютная система социалистического государства // Финансы СССР. 1984. № 3. С. 28.

13. Крылов О. М. К вопросу о правовой категории «деньги» // Административное и муниципальное право. 2011. № 7. С. 4.

14. Крылов О. М. К вопросу о правовой категории «денежный суррогат» // Административное и муниципальное право. 2011. № 8. С. 61.

15. Малышев А. И., Таранков В. И., Смиренный И. Н. Бумажные денежные знаки России и СССР. М. : Финансы и статистика, 1991. 496 с.

16. Медведев В. Г. Органы власти и законодательство антисоветских государственных образований «белой» России в годы Гражданской войны. М., 2014. С. 331—335.

17. Овсянкин Е. И. Архангельские деньги. 2-е изд., перераб. Архангельск, 2008. С. 18—24.

18. О запрещении выпуска денежных обязательств на предъявителя : Постановление СНК РСФСР от 13 окт. 1922 // Полное собрание законодательства СССР. URL: www.ussrdoc.com.

19. Программа Российской коммунистической партии (большевиков) 1919 г. : стеногр. отчет. М. : Коммунист, 1919.

20. Рябченко П. Ф. Полный каталог бумажных денежных знаков и бон России, СССР, стран СНГ. Киев, 1995. 670 с.

21. Страхов В. В. Внутренние государственные займы царской России периода Первой мировой войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 13—15.

22. Ситник А. А. Правовое регулирование национального денежного обращения // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). Вып. «Финансовое право». 2015. № 3. С. 155.

23. Тосунян Г. А., Викулин А. Ю. Деньги и власть. Теория разделения властей и современность. М., 1998. С. 42.

24. Финансовое право : учебник / под общ. ред. М. А. Гурвич. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. С. 198.

25. Шиканова И. С. Страницы отечественной истории в бумажных денежных знаках: очерки по истории бонистики XIX—XX вв. М. : Нумизмат. лит., 2005. С. 5—24.

26. Юровский Л. Н. Денежная политика советской власти 1917—1927. М., 1928. 401 с.

References

1. Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (AVPR) [Archive of foreign policy of the Russian Federation]. Op. 894, d. 26, l. 61 [in Rus].

2. Batyrev V.M. (1959) Denezhnoe obrashchenie v SSSR (voprosy teorii, organizacii i planirovaniya). Moscow, p. 67 [in Rus].

3. Belousov V.D., Biryukov V.A., Kashirin V.V., Nesterov A.A. (2014) Rossijskie denezhnye reformy. Moscow, Dashkov i K°, pp. 130—167 [in Rus].

4. Bumazhnye denezhnye znaki, vypushennye na territorii byvshej Rossijskoj imperii za vremya s 1769 po 1924 (1924). Moscow, p. 11 [in Rus].

5. Voprosy denezhnogo obrasheniya (1918). Petrograd, p. 57 [in Rus].

6. Grachev V.S., Serov K.N. (2007) *Istoriya gosudarstva i prava*, no. 8, pp. 4—5 [in Rus].

7. Degtev S.I. (2004) Reforma denezhnoj sistemy v nepovskoj Rossii // Denezhnye reformy v Rossii: istoriya i sovremennost. Moscow, pp. 139 [in Rus].

8. Karaseva M.V. (2006) *Finansovoe pravo*, no. 9, pp. 2—6 [in Rus].

9. Kacenenelbaum Z.S. (1924) Denezhnoe obrashenie v Rossii 1914—1924. Moscow, Leningrad, Ekonomicheskaya zhizn, pp. 14—66 [in Rus].

10. Kucherov I.I. (2016) Zakonnye platezhnye sredstva: teoretiko-pravovoe issledovanie: monografiya. Moscow, Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii, pp. 63—65 [in Rus].

11. Kolchak i intervenciya na Dalnem Vostoke: dokumenty i materialy (1995). Vladivostok, 216 p. [in Rus].

12. Konstantinov A.Yu. (1984) *Finansy SSSR*, no. 3, p. 28 [in Rus].

13. Krylov O.M. (2011) *Administrativnoe i municipalnoe pravo*, no. 7, p. 4 [in Rus].

14. Krylov O.M. (2011) *Administrativnoe i municipalnoe pravo*, no. 8, p. 61 [in Rus].

15. Malyshev A.I., Tarankov V.I., Smirennij I.N. (1991) Bumazhnye denezhnye znaki Rossii i SSSR. Moscow, Finansy i statistika, 496 p. [in Rus].

16. Medvedev V.G. (2014). Organy vlasti i zakonodatel'stvo antisovetskih gosudarstvennyh obrazovaniy «beloj» Rossii v gody grazhdanskoj vojny. Moscow, pp. 331—335 [in Rus].

17. Ovsyankin E.I. (2008). Arhangel'skie dengi. Arhangel'sk, pp. 18—24 [in Rus].

18. O zapreshenii vypuska denezhnyh obyazatelstv na predyavitelya: Postanovlenie SNK RSFSR ot 13 oktyabrya 1922 goda. Available at: www.ussrdoc.com [in Rus].

19. Programma Rossijskoj kommunisticheskoj partii (bolshevikov) 1919 g. (1919). Moscow, Kommunist [in Rus].

20. Ryabchenko P.F. (1995). Polnyj katalog bumazhnyh denezhnyh znakov i bon Rossii, SSSR, stran SNG. Kiev. 670 p. [in Rus].

21. Strahov V.V. (2000). Vnutrennie gosudarstvennye zajmy carskoj Rossii perioda Pervoj mirovoj vojny. Abstract of thesis. Moscow, pp. 13—15 [in Rus].

22. Sitnik A.A. (2015). *Vestnik Universiteta O.E. Kutafina (MGYuA). Vypusk «Finansovoe pravo»*, no. 3, p. 155 [in Rus].

23. Tosunyan G.A., Vikulin A.Yu., (1998). Dengi i vlast. Teoriya razdeleniya vlastej i sovremennost. Moscow, p. 42 [in Rus].

24. *Finansovoe pravo* (1940). Moscow, Yuridicheskoje izdatel'stvo NKYu SSSR, p. 198 [in Rus].

25. Shikanova I.S. (2005) Stranicy otechestvennoj istorii v bumazhnyh denezhnyh znakah. Oчерki po istorii bonistiky XIX—XX vv. Moscow, Numizmaticheskaya literatura, pp. 5—24 [in Rus].

26. Yurovskij L.N. (1928). Denezhnaya politika sovetskoj vlasti 1917—1927. Moscow, 401 p. [in Rus].

For citing: Belokonev S.Yu., Khokonov A.A. Political conditions and institutional foundation for distribution of surrogate currencies during 1917—1922 in Russia // *Socium i vlast'*. 2018. № 5 (73). P. 130—139.

UDC 321:338

POLITICAL CONDITIONS AND INSTITUTIONAL FOUNDATION FOR DISTRIBUTION OF SURROGATE CURRENCIES DURING 1917—1922 IN RUSSIA

Sergey Yu. Belokonev,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Head of the Department of Political Science, Cand. Sc. (Political Sciences). The Russian Federation, 125993 (GSP-3), Moscow, Leningradskiy prospect, 49. Email: SYUBelokonev@fa.ru

Anzor A. Khokonov,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Political Science, Cand. Sc. (Political Sciences). The Russian Federation, 125993 (GSP-3), Moscow, Leningradskiy prospect, 49. Email: dr_enzo@mail.ru

Annotation

The article considers the conditions, institutional foundations and consequences of the «parade» of surrogate currencies, which became widespread in Russia after the revolutionary events of 1917. An attempt is made to consider the formation of money circulation in Russia in political and historical contexts. The value of regulation of monetary relations on state sovereignty is determined. Through the circulation of funds of anti-Soviet issuers the socio-political situation in the country in the period 1917—1922 is analyzed. The influence of monetary policy and the system of monetary circulation on the nature and parameters of the implementation of state power is shown.

Key concepts:

socio-political crisis, state authority, surrogate currency, economic sovereignty.

**Требования к оформлению статей
и сообщений, представляемых в редакцию
научного журнала «Социум и власть»**

1. Автор направляет рукопись по электронной почте.
2. Текст статьи представляется на русском языке объёмом 40 000 знаков, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью компьютерной программы (не вручную).
3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.
4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.
5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.
6. Название статьи набирается 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. Под названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учёбы), занимаемая должность, учёная степень и звание (если имеются), адрес места работы. Ниже приводятся аннотация и ключевые понятия.
7. Ссылки на научную литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке.
Количество источников не менее 20. Самоцитирование — не более 2-х источников.
8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
9. На источники ненаучного характера (статистика, аналитика, учебные издания, нормативно-правовые акты и др.) оформляются сноски с помощью автоматической цифры.
10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.
11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.
12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельные файлы в электронном виде на русском и английском языках:
 - а) аннотация;
 - б) ключевые понятия (не более пяти);
 - в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы (учёбы), учёная степень, учёное звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон);
 - г) шифр и название специальности, которой соответствует статья.Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию не принимаются.
Решение о публикации направленных в журнал статей принимается в течение шести месяцев со дня поступления рукописи в редакцию.
В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.
Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.
Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берёт на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
Образец оформления, а также рекомендации по подготовке статьи представлены на сайте журнала.
Плата за публикацию рукописей не взимается.
Контактная информация автора (адрес электронной почты, почтовый адрес) в журнале указывается обязательно.
Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.
Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.
Адрес в сети Интернет: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

**Requirements for the articles and memos
presented for publication in the
«Socium i vlast'» journal**

1. The author is to send one copy of the typescript by e-mail.
2. The article is presented in Russian. The article should be 40,000 characters, including bibliography.* The text of the article should be in Microsoft Word format. The font should be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides should be 20 mm. The text should be formatted breadthways and hyphenless justified. The text of the article or memo (including the title) should be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.
3. All font highlighting should be done in light italics. All titles and subtitles should be done in semi-bold.
4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) should be done in image editing software. All images must be numbered sequentially.
5. All numerical data should be done in tables. Each table should have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables should not have shortenings except for the units of measurement. E-versions of each table and image should be also done in separate files.
6. The title of the article should be done in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, his place of work (study) and position, academic degree and rank (if applicable), place of work address should be given under the article title. Annotation and key concepts are given below.
7. Scientific literature references should be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and an alphabetized bibliography list is given at the end of the article. There should not be less than 20 reference sources. Self-citation should not be more than 2 reference sources.
8. The references should be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».
9. Unscientific reference sources (statistics, analytics, educational publications, regulatory legal acts and others) are referred to with the help of reference numbering.
10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).
11. The author should note the agenda (specialization) of the article presented for publication.
12. In addition to the text of the article the author should also present the following positions in a separate e-file in Russian and English:
 - a. annotation.
 - b. key concepts (up to 5).
 - c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work (study), degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).
 - d. course code and subject area to which the article corresponds to.The articles or memos not complying with the above mentioned requirements will not be reviewed and/or published.
The publication of the received articles will be approved or declined within 6 months from the date of receiving the manuscript by the editor. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.
The articles are to be reviewed by the journal editorial board. The articles are to be run through the «Antiplagiat» system. By presenting the typescript of the article to the editorial board, the author agrees not to publish the same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.
Article submission example and recommendations on preparing an article are presented on the journal site.
No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.
The contact information of the author (e-mail, postal address) will be necessarily quoted in the journal.
The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.
Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.
Tel. 8(351) 771-42-30
Website: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru